

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 13/14

PEHOMЕ

Санкт-Петербург
2020

Редколлегия:

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН);
А. С. Быстрова, канд. экон. наук (СИ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН);
Г. В. Еремичева, канд. филос. наук (СИ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН);
И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент (Карлов университет, Прага, Чехия);
Симо Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт здоровья
и благосостояния, Хельсинки, Финляндия)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Периодическое печатное издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-55387 от 17 сентября 2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Индивид, семья, общество

<i>Нечаева Н. А., Бурмыкина О. Н.</i> Теоретическое наследие С. И. Голода и современные исследования семьи, брака и межпоколенных отношений	5
<i>Щелкин А. Г.</i> Феномен детства в российском художественном сознании в XIX и XX вв. на фоне постсовременности	23
<i>Лурье С. В.</i> «Многокровки»: особенность формирования этнической идентичности «тягубя» — потомков от межэтнических браков российских корейцев	61
<i>Фейгина А. Я., Авдеева В. П., Одиноква В. А., Русакова М. М.</i> Сети социальной поддержки семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации	86

Социология здоровья

<i>Русинова Н. Л., Сафронов В. В.</i> Ценности, культура и различия в здоровье: обзор западных исследований	108
<i>Бояркина С. И.</i> Копинг в ситуации болезни: библиометрический анализ научного дискурса	132

Социальная ответственность

<i>Мищенко А. С.</i> Движение против прокладки газопровода «Северный поток — 2» через Кургальский заказник как сетевая структура	153
<i>Еремичева Г. А., Меньшикова Г. А., Цинь Хаожань.</i> Социо-культурные особенности политики корпоративной социальной ответственности в Китае и их сравнение с российскими практиками	198

Вопросы методологии

<i>Каныгин Г. В., Полтинникова М. С.</i> Социологическое знание как результат синтеза формальных и неформальных методов изучения общества	224
---	-----

Из истории петербургского спорта

<i>Выжжевский С. В.</i> Тярлево, Павловск, Санкт-Петербург... Как начиналась легкая атлетика в России	235
---	-----

CONTENTS

Individual, Family, Society

<i>Nechaeva N. A., Burmykina O. N.</i> Theoretical heritage of S. I. Golod and modern studies of family, marriage and intergenerational relationship	5
<i>Shchelkin A. G.</i> The childhood phenomenon in the mind of Russian writers in XIX and XX centuries against the postmodernity background	24
<i>Lourié S. V.</i> “Multibloods”: a feature of the formation ethnic identity “tyagubya” — descendants from inter-ethnic marriages of Russian Koreans	61
<i>Feigina A. Ya., Avdeeva V. P., Odnokova V. A., Rusakova M. M.</i> Social support networks of families with children in a difficult life situation	86

Health Sociology

<i>Rusinova N. L., Safronov V. V.</i> Values, culture and health differences: overview of Western research	109
<i>Boyarkina S. I.</i> Coping with disease: a bibliometric analysis of scientific discourse	132

Social Responsibility

<i>Mishchenko A. S.</i> Movement against laying the “Northern stream — 2” gas pipeline through the Kurgalsky Zakaznik as a network structure	153
<i>Eremitcheva G. V., Menshikova G. A., Haoran Qin.</i> Socio-cultural features of corporate social responsibility policy in China and comparison with Russian practices	198

Methodological Problems

<i>Kanygin G. V., Poltinnikova M. S.</i> Sociological knowledge as a result of the synthesis of formal and informal methods of studying society	224
---	-----

From the history of St. Petersburg sports

<i>Vyzhevsky S. V.</i> Tyarlevo, Pavlovsk, Saint-Petersburg... How athletics began in Russia	236
--	-----

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-13-14.kexs-2d58

Н. А. НЕЧАЕВА, О. Н. БУРМЫКИНА

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С. И. ГОЛОДА И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ, БРАКА И МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена теоретическому и эмпирическому наследию С. И. Голода — одного из признанных исследователей проблем семьи, брака и сексуальных отношений в отечественной социологии. Авторы стремились показать, что идеи Голода об эволюции семейных отношений, исторических типах семьи, возрастании роли интимности в супружеских и межпоколенных отношениях актуальны в настоящее время и находят прямое отражение в работах современных авторов.

Ключевые слова: Сергей Исаевич Голод, эволюционный подход, исторические типы семьи, семья, брак, межпоколенные отношения, супружество, интимность.

NECHAEVA NATALIA A., BURMYKINA OLGA N.

THEORETICAL HERITAGE OF S. I. GOLOD AND MODERN STUDIES OF FAMILY, MARRIAGE AND INTERGENERATIONAL RELATIONSHIP

The article examines theoretical and empirical heritage of one the recognized researchers of family, marriage and sexual issues in Russian sociology — S. I. Golod. The authors strove to show that Golod's ideas about family relationship evolution, historical family types and the increasing role of intimacy in marital and intergenerational relationships are relevant today and are directly reflecte in the works of modern authors.

Keywords: Sergey Isaevich Golod, evolutionary approach, historical types of family, family, marriage, intergenerational relations, marriage, intimacy.

Сергей Исаевич Голод (1935–2013 гг.) — российский социолог, один из признанных исследователей, внесший значительный вклад в развитие отечественной социологии семьи, социологии сексуальности и гендерных отношений. Разработанная им концепция исторических типов семейных отношений является одной из ведущих в теоретических и эмпирических исследованиях семьи. С. И. Голод — один из первых отечественных исследователей сексуальности. Фундаментальный процесс, приведший к переосмыслению значимости сексуальности, — автономизация брачности, сексуальности и прокреации. С. И. Голодом проанализирована эволюция сексуальных отношений в стране на протяжении XX века; выявлены предпосылки и раскрыто содержание двух (20-х и 80-х годов) российских сексуальных революций; рассмотрены идеалы, нормы и представления о принятом и непринятом в сексуальном поведении. В опоре на данные уникальных социологических опросов реконструирована динамика изменений сексуального поведения и сексуальной морали в России.

По мнению С. И. Голода, «цель социальной теории заключается не столько в том, чтобы интерпретировать факты, сколько в том, чтобы создать базу для прогнозов более убедительных, чем простая экстраполяция ранее наблюдаемых эмпирических закономерностей на грядущее» (Голод 1998: 222). Цель данной статьи авторы видели в том, чтобы показать, насколько актуальны сегодня концептуальные идеи С. И. Голода и оказались ли они убедительной базой для объяснения современных эмпирических фактов, наблюдаемых в семейной сфере.

Семья и брак

Одной из центральных тем, на которой было сосредоточено внимание С. И. Голода, является *семья*, которую он понимал «как совокупность индивидов, состоящих по меньшей мере в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства» (Голод 2015: 100). Рассматривая проблемы семьи, Голод подчеркивал, что кардинальные изменения, которые происходят с этим институтом, с одной стороны, вызваны общественными трансформациями, а с другой — обусловлены их собственными имманентными закономерностями. Именно с этих позиций он интерпретировал различные перемены в семейно-брачных отношениях. Иными словами, нахождение эволюционных закономерностей, то есть эволюционный подход являлся тем фундаментом, на котором строились теоретические построения

ученого; той призмой, через которую он смотрел на изменения, происходящие в сферах семьи и брака.

Исходя из этой позиции, С. И. Голод полагал, что «трудно согласиться с преимущественно негативной оценкой... современного состояния семьи» и не поддерживал взгляды тех авторов, которые, как он писал, напрямую связывают «глобальные социальные изменения... с “расшатыванием” семейных устоев» (Голод 1998: 4). По словам ученого, «на протяжении всего текущего века в научной литературе ссылаются на одни и те же социальные факторы, лежащие на поверхности: увеличивается число одиноких мужчин и женщин, растет количество разводов, снижается уровень рождаемости, становится больше “неполных семей”, интенсифицируются внебрачные сексуальные связи и т. п.» (Голод 1998: 49–50). Стоит заметить, что подобные ссылки множатся и в течение двадцати с лишним лет, которые прошли со времени написания этих слов. Однако когда они выступают лишь в роли показателей кризиса семьи, это ничего не объясняет в сути перемен. Если одни специалисты видят за этими фактами проявление кризисных явлений и призывают вернуться к традиционным ценностям, то другие делают акцент на отрицании идеализации семейных отношений в традиционной семье и считают, что «...самым большим мифом, к тому же самым распространенным, имеющим хождение и по сей день, является то, что существовал золотой век семьи, безупречное блаженство домашнего быта... Сегодняшняя версия мифа связана с утверждениями об упадке института семьи по сравнению с тем, что было в прошлом. Суждение выдают за реальный факт, несмотря на то что в основе лежит не более чем ощущение» (Фландерс 2016: 205–206). Такой же точки зрения придерживаются Э. Гидденс и Ф. Саттон, подчеркивая, что стабильность семей Викторианской эпохи была кажущейся: из-за высокой смертности средняя продолжительность брака была меньше 12 лет; больше половины детей теряли одного или обоих родителей; детей физически наказывали; широко был распространен детский труд; большая часть замужних женщин среднего класса была привязана к дому, мужчины же регулярно посещали бордели. Авторы приходят к выводу о том, что «все идеи предыдущего “золотого века” семейной жизни, когда дети росли в стабильных гармоничных семьях, оказались совершенно несостоятельными» (Гидденс, Саттон 2018: 197).

Обозревая мировые количественные данные, Дж. Риббенс Маккарти и Р. Эдвардс пишут, что «в целом ряде обществ Европы и Нового Света изменения семьи очевидны, в том числе падение уровня брачности, увеличение возраста вступления в брак и деторождения, уменьшение

размера семьи и домохозяйства, рост уровня разводов, отделение брака от деторождения, рост доли домохозяйств, состоящих из одиноких матерей, и уменьшение количества многопоколенных домохозяйств» (Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018: 105). Обобщая широкие мировые дебаты, эти авторы приводят три основные интерпретации данных изменений:

- «...произошли большие перемены, и это плохо (распад семьи и потеря широкой сети семейной поддержки вызывают нестабильность и беспорядок);
- произошли большие перемены, и это очень хорошо (люди могут свободно развивать индивидуальные стили жизни);
- имеют место и преемственность, и изменения (моральная паника по поводу изменения семьи повторяет те же сюжеты, что и в прошлом...)» (Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018: 105).

Голод не ограничивался фактами «лежащими на поверхности» и не опровергал их, поскольку они действительно имеют место быть, причем в большом количестве стран. Несомненной же его заслугой является то, что он не ограничивался оценочными суждениями «хорошо» или «плохо», а стремился увидеть суть происходящих трансформаций и объяснить их, вписав в общую теоретическую концепцию проявления закономерных эволюционных изменений институтов семьи и брака.

Об эволюции семейных отношений писали и раньше (Ф. Энгельс, Г. Спенсер), Голод стремился продолжить эту «эволюционную линию» и показать, как одни типы семьи приходят на смену другим; под влиянием каких факторов протекают данные процессы, сумев применить этот подход к современным общественным условиям не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне.

Определяя семью через различные виды отношений (кровного родства, порождения и свойства), Голод исходил из логики, согласно которой «доминирование одного из названных отношений и его характер (упрощенно говоря, от крайней формы половозрастной зависимости до соответствующей автономии) могут служить критериями, определяющими исторический этап эволюции моногамии» (Голод 2015: 100). Положив эти критерии в основу образования идеальных типов, он выделил патриархальный (традиционный), детоцентристский (современный) и супружеский (постсовременный) типы семьи. Сам автор типологии отмечал, что идея была встречена исследователями неоднозначно. «Одни специалисты (А. Антонов, В. Борисов, А. Синельников) подвергли ее, мягко говоря, критике; другие (М. Арутюнян, Т. Гурко, Г. Заикина, Н. Малярова), ориентированные, по сути, на западные

социально-психологические теории — разглядели в ней определенный эвристический принцип» (Голод 2015: 99). Десятилетия, прошедшие с начала 80-х годов, когда данная типология увидела свет, убедительно продемонстрировали поддержку этой, второй, точки зрения — идеальные типы Голода не только прочно вошли в обиход науки, но и проторили дорогу исследованиям различных моделей семьи.

Одной из основополагающих характеристик социальной эволюции Т. Парсонс, Р. Белла считали возрастающую дифференциацию общества, его социальных институтов. Р. Белла полагал, что «эволюция — это процесс возрастания дифференциации и усложнения организации, который обеспечивает организму, социальной системе или любому иному рассматриваемому образованию большую способность приспособления к среде, что в известном смысле делает их более автономными по отношению к своему окружению, чем были их менее сложные предки... Это не означает, что эволюция носит неизбежный характер или что более простые формы неизбежно должны исчезнуть» (Bellah 1964: 358. Цит. по: *Осипова Н. Г.* Современная социологическая теория. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020). Важным показателем эволюционных изменений в институтах семьи и брака являются как все увеличивающаяся дифференциация типов и моделей, так и их одновременное существование в современном обществе.

Возникновению последнего из предложенных С. И. Голодом типов — супружеской (постсовременной) семьи, согласно его мнению, способствовали два направления эмансипации — освобождение детей от родителей и женщин от мужчин. В этом типе семьи супружеские отношения определяются свойством, а не родством (как в патриархальной семье) и не порождением (как в детоцентристской); отношения супругов представляют собой своеобразную кооперацию, в основе которой лежит глубокое личностное взаимодействие (Голод 1998: 174, 178, 179). По сравнению со столетиями господства патриархальной семьи ко времени возникновения супружеской в значительной мере пали экономические и юридические семейные оковы — в первую очередь для женщин. Тип семьи начинают определять другие факторы, которые в большей или меньшей степени существовали в семейных отношениях и ранее, но оставались в тени, только теперь они выходят на первый план. Одним из важнейших среди них является интимность, понимаемая как высокий уровень близости мужа и жены, созвучие их экзистенциальных ценностей (Голод 1998: 141). Эмпирически интимность была представлена в виде совокупного показателя, построенного на основе

четырёх индикаторов — симпатии, расположенности, признательности и эротической привязанности (Голод 1998: 141).

Описывая свой теоретический подход и эмпирические данные, С. И. Голод сетовал, что отечественные исследования интимности находятся в зачаточном состоянии, в то время как они уже развиваются за рубежом.

Действительно, английские социологи подчеркивают, что понятие близости (Intimacy) «стало играть важную роль в дискурсе западных социальных наук лишь в конце XX в. под влиянием представлений о разнообразии и изменениях в семейной жизни. Интерес к внутреннему эмоциональному качеству отношений был охарактеризован как “интимный переворот” в семейных исследованиях» (Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018: 39). По мнению этих авторов, «близость считается отныне строящейся вокруг стремления и переговоров по поводу чистых отношений, свободных от уз традиции, необходимости и обязанностей, и основанных на удовлетворении личных потребностей. С этой точки зрения, чистые отношения, основанные на самореализации, взаимном доверии и переговорах, рассматриваются как существующие ради самих себя...» (Риббенс Маккарти, Эдвардс 2018: 40).

Проводимые в настоящее время отечественные исследования демонстрируют, что и в нашей стране для значительной части молодежи во главу угла семьи и брака ставится такая близость. Так, по данным исследования, которое было проведено в МГУ им. М. В. Ломоносова, главными семейными ценностями являются забота супругов друг о друге, взаимоуважение, поддержка (70% ответов), любовь (66%), эмоционально-психологический комфорт (61%), доверие, сходство во взглядах, взаимопонимание (55%) (Осипова 2020).

В 2017 г. нами был проведен опрос студенческой молодежи Санкт-Петербурга, одной из задач которого являлось установление того, что означает брак для молодых, какой смысл прежде всего они вкладывают в это понятие. Для нас было важно, чтобы содержание закрытых вопросов не оказало влияния на ответы респондентов, поэтому данный вопрос был открытым и использовался в начале анкеты. На него ответили почти все участники исследования (98%). Обобщенный образ брака в сознании молодых оказался представленным 12 основными смысловыми аспектами (категориями). Из них первые три ранговых места заняли глубокое взаимопонимание и доверие; симпатия и любовь; поддержка и взаимопомощь. Иными словами, брак для молодых в настоящее время ассоциируется прежде всего с тем, что в интерпретации С. И. Голода называется интимностью, глубокой близостью отношения

супругов. В целом же в ответах студентов преобладают положительные коннотации; совсем небольшое количество молодых (5%) считают брак устаревшей традицией.

Это подтверждается и ответами на другие вопросы. Чтобы выяснить, насколько в настоящее время брак значим для молодежи, мы фиксировали, какие взгляды на важность вступления в брак, по мнению молодых, преобладают в обществе в целом, в семье, среди друзей, и что об этом думают они сами. В целом оказалось, что для большинства молодежи в настоящее время значимость брака велика, хотя выявлены существенные различия по двум критериям — в зависимости от того, о какой общности идет речь и от того, оценивается ли важность брака для девушек или для юношей. Разрыв оказался особенно большим на уровне общества в целом: студенты полагают, что здесь доминирует мнение, согласно которому женщине очень важно выйти замуж (91%), мужчине значительно менее важно жениться (лишь 23%). Несколько меньшие гендерные различия наблюдаются в позиции друзей — соответственно 70% и 29%. Однако с точки зрения семьи (77% и 69%) и самой молодежи (82% и 63%), эта дифференциация существенно сокращается. Иными словами, по показателю гендерных различий важности вступления в брак семья (в глазах которой эти различия составляют лишь 8%) «противостоит» обществу в целом, где они, по мнению студентов, чрезвычайно велики (68%). Таким образом, большинство участников исследования считает, что несмотря на существование стереотипа «женщине значительно важнее выйти замуж, чем мужчине жениться», и для девушек, и для юношей важно вступить в брак; родители эту точку зрения поддерживают (Нечаева 2018).

Итак, среди молодежи преобладает мнение о жизненной значимости брака, в основе которого лежит высокая близость супругов. Однако будучи важным, брак теряет еще одну из своих характеристик, ранее считавшуюся его неотъемлемой чертой. С. И. Голод полагал, что институциональные аспекты брака станут менее значимы, а это в свою очередь будет способствовать увеличению числа сожительства. Данные нашего исследования подтверждают это положение. Хотя участники опроса продемонстрировали установку на прочность и долговременность заключаемого союза, в их глазах более важное значение имеет его неформальная сторона: лишь 12% сообщили, что отношения необходимо зарегистрировать. Большинство же (70%) убеждено, что официально оформлять отношения никакой необходимости нет.

В своих исследованиях С. И. Голод стремился избегать утверждений, не имеющих надежного фактического обоснования, очень внимательно

относился к разнообразным жизненным проявлениям, свидетельствующим об изменении семейно-брачных отношений. Он сетовал на «бедность социологической информации о механизмах и путях формирования брака», утверждая, что «исследователи мало обращали внимания на те или иные детали, ограничиваясь абстрактными рассуждениями и поисками общих закономерностей» (Голод 1998: 61). Именно разнообразные «детали» в своей совокупности нередко способствуют раскрытию общих закономерностей трансформаций. Например, в данном случае условия ситуации оказывают крайне существенное влияние на мнение о необходимости юридического оформления отношений. Широко известно, что важным среди них является ожидание ребенка. Это подтверждается и данными нашего исследования: для 70% юношей и девушек имеет значение, появится он в зарегистрированном браке или нет. Однако если на этом факте остановиться и рассматривать его изолированно, без учета разнообразных дополнительных «деталей», то картина реальности будет искаженной. Существуют факторы, значительно уменьшающие количество тех, кто готов заключить официальный брак при рождении ребенка. По мнению 59% молодых, необходимо, чтобы пару связывало чувство, в ней существовала настоящая близость, а если этого нет, то несмотря на рождение сына или дочери, не стоит прибегать к юридическому оформлению отношений. Только 25% участников исследования (а совсем не 70%) убеждены, что ожидание малыша само по себе является достаточным основанием для вступления в законный брак, даже если близости и чувств друг к другу нет.

Таким образом, брачные отношения продолжают медленно, но неуклонно трансформироваться. Разные, казавшиеся прежде незыблемыми, черты наполняются новым содержанием или исчезают вовсе. Явно теряет свою распространенность традиционно основополагающий аспект брака — юридический. Для регистрации отношений не должно абсолютизироваться и появление детей — это фактор важный, но не решающий. Все большей ценностью становятся близкие, доверительные отношения — интимность. И в этом С. И. Голод был прав.

Другой важный аспект современного брака — рост числа разводов — он так же не причислял к проявлению кризиса семьи, подходя к этому явлению совсем «с другой стороны» — в логике происходящих эволюционных трансформаций. Изменения в структуре этого института в большей или меньшей степени связаны между собой. Если во главе угла супружеской семьи лежат «чистые отношения», в основе которых самореализация, взаимное доверие и которые существуют ради самих себя, то при исчезновении этих отношений брак утрачивает смысл.

Конечно, в каждой конкретной живой ситуации могут быть дополнительные условия, исключающие расторжение брака (традиционные установки супругов на брак, боязнь неполной семьи, материальные соображения и т. п.), однако рост числа разводов явно свидетельствует о том, что люди все больше преодолевают эти «условия», если в их браке нет настоящей близости.

Вместе с тем в настоящее время мнения молодых о необходимости развода не столь единодушны, как об отказе от регистрации брака. По нашим данным поляризация мнений достаточно высока. Если брак был уже заключен, а близких отношений, любви больше нет, то 40% юношей и девушек считают, что ради детей его следует сохранять. Почти столько же студентов (35%) убеждены в обратном — необходим развод.

Наши данные согласуются с результатами зарубежных исследований. Д. Твенге описывает основные черты американского поколения айдженеров — тех, кто родился в промежутке между 1995 и 2012 гг., (в нашем исследовании опрашивались родившиеся между 1993 и 2000 гг.). Автор подчеркивает, что для этого поколения брачные отношения продолжают терять свой институциональный характер. «Американцы не просто не спешат вступать в брак; многие вообще не собираются официально регистрировать отношения, причем исторический минимум по числу заключаемых браков был достигнут уже в 2010-х годах»; в то же время «большинство айдженеров мечтают о серьезных отношениях, а не случайном сексе. Сразу два недавних исследования показали, что трое из четырех студентов и студенток хотели бы иметь близкие, наполненные любовью отношения...» (Твенге 2019: 282; 278).

В свое время Голод считал, что подобные явления должны «рассматриваться как признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов в самом институте семьи» (Голод 1998). Неуклонно продолжающиеся эти и новые «существенные и необратимые эволюционные сдвиги» в семейно-брачных отношениях нуждаются в дальнейшем эмпирическом изучении и теоретической интерпретации. Всесторонне исследованная проблема американского общества заключается в том, что мечты современного поколения о глубоких и близких отношениях для очень многих остаются мечтами. Парадоксально, но в реальной жизни айдженеры стараются «не заразиться» чувствами. «Catching feelings (от англ. to catch feelings — заразиться чувствами, словить чувства), что на языке современной молодежи означает постепенное развитие эмоциональной привязанности к партнеру. Весьма ёмкое и образное выражение, намекающее на сходство любви с опасным инфекционным заболеванием, которого следует всячески избегать» (Твенге 2019: 276).

Это связано и с другими чертами упомянутого поколения, представители которого слишком сконцентрированы на собственной безопасности, лишены многих социальных навыков, среди них много одиноких, они вживую реже общаются с друзьями, чаще живут с родителями, а не с супругом или сожителем. А в результате всего этого все больше «выпадают из сложной системы межличностных отношений...» (Твенге 2019: 284).

Насколько подобные парадоксы свойственны молодежи в нашей стране, каковы ее не только ценностные предпочтения, но и реальное межличностное и семейно-брачное поведение и проблемы в этих сферах — все это актуальные вопросы, ответы на которые являются задачами отечественной социологии. Возрастающее внимание к чертам молодого поколения служит залогом решения этих задач. Предпринятая В. Радаевым «попытка первого систематического знакомства с поколением миллениалов» выявила, что его представители откладывают взросление — позже начинают сексуальную жизнь, вступают в брак и создают семью, откладывают и рождение детей (Радаев 2020: 68–71). Это очень важные, но первые шаги. Самого автора справедливо «не покидает ощущение постоянного отставания (к сожалению, столь характерного для социальных наук): мы еще не успели толком понять изменения, сопряженные с приходом поколения миллениалов, а уже вплотную подступает новое поколение Z (цетиниалы). И нам пророчат по меньшей мере новую революцию» (Радаев 2020: 211). Какая семья придет на смену супружеской в результате этой революции, какие трансформации будет при этом претерпевать брак — все это должны показать дальнейшие исследования, опирающиеся, с нашей точки зрения, на эволюционное понимание изменений института семьи в духе С. И. Голода, а не на восприятие этих процессов как «вечного кризиса».

Межпоколенные семейные отношения

Теоретическое наследие С. И. Голода оказало большое влияние практически на весь спектр семейной проблематики, в частности и на проблемы отношений между разными поколениями семьи. И хотя исследование межпоколенных семейных отношений находилось скорее на периферии его внимания, тем не менее Голод подчеркивал их значимость и новый смысл в связи с интенсификацией процесса нуклеаризации семей, в ходе которого сохраняются социально и психологически важные связи с другими родственными (родительскими) семьями. В основу классификации детоцентристских моделей семьи был положен характер межпоколенных отношений, критерием которого

выступала мера эмансипации детей от родителей, переход от монологического к диалогическому принципу отношений между поколениями.

Теоретические построения С. И. Голода, а именно: **идея о «релятивизации» современной нормативности**, в большей мере учитывающая личностное своеобразие человека, и указанная выше **идея о растущей значимости интимности**, эмоциональной привязанности, автономии и ценности каждого члена семьи — оказали влияние на современные исследования межпоколенных семейных отношений. «Релятивизация» нормативности рассматривается как необратимый эволюционный шаг в трансформации семейной сферы.

Гибкость, «релятивизация» современной нормативности прослеживается уже в определении семьи как совокупности индивидов, состоящих по меньшей мере в одном из отношений: кровного родства, порождения, свойства. Это определение подчеркивает структурную направленность, обнаруживает скорее гибкость, ненавязчивость нормативной системы. Доминирование одного из этих отношений и его характер могут служить критериями, определяющими исторический этап эволюции моногамии. Причем по мере прохождения этих этапов и возникающих на их основе типов семьи — патриархального, детоцентристского и супружеского — относительность нормативности возрастает. «С социологической точки зрения обнаруживается **неоднозначность, гибкость нормативной системы**. Действительно, предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием. Не воспринимаются маргинальными дети, рожденные вне брака. Словом, **современная нормативность, оставаясь общественным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная**» (Голод 1998: 60–61). Следствием подобного состояния является нарастание процесса многообразия в организации семейной и частной жизни в целом, социальная приемлемость нетрадиционных форм семейной жизни в частности.

Влияние идеи релятивизации современной нормативности проявилось в разных аспектах исследований семьи и межпоколенных отношений. Так, при очерчивании **границ семьи** (определении круга лиц, которых включают в состав и которых считают членами семьи) оказывается, что прежняя норма относительно жесткости границ семьи, куда включались только члены нуклеарной семьи, живущие вместе и ведущие общее хозяйство, «размывается», становится относительной. Исследования представлений молодого поколения о значимых членах семьи показали, что за десятилетний период (2007–2017 гг.)

доля в составе семьи только кровных родственников значительно уменьшилась (с 73 до 52%), а доля семей, включающих не только кровных, но и названных родственников, а также людей, не связанных узами крови и родства, значительно возросла (с 27% до 48%) (Бурмыкина 2018: 37–38).

Взаимопомощь разных поколений членов семьи сохранила свои традиционные черты: она принята в большинстве семей и, по сути, является нормой. Семейный долг и обязанности разных поколений членов семьи — не пустые слова. Исследования (как общероссийские, так петербургские) показывают: «долговые обязательства» взрослых детей по отношению к родителям безусловны и более жесткие — независимо ни от каких обстоятельств и жизненных ситуаций они должны помогать своим родителям, брать на себя ответственность за заботу о них (Корчагина, Прокофьева 2007, 2009, 2013; Бурмыкина 2017). Казалось бы, это незыблемая норма. Однако, признавая моральный долг перед старшим поколением семьи, младшее поколение не всегда готово поступиться собственными материальными и профессиональными интересами. Две трети молодых людей полагают, что даже при ограниченных возможностях следует помогать деньгами родителям, треть — только при наличии таких возможностей. Каждый пятый респондент затруднился ответить на вопрос, должны ли взрослые дети быть готовыми изменить привычную жизнь, сменить работу, жить вместе, чтобы заботиться о престарелых родителях. Готовность остальных не столько единодушна, что говорит скорее о нежелании терять профессиональный статус и доходы, менять сложившийся уклад жизни (Бурмыкина 2017). Возрастает роль внешних факторов и конкретных ситуаций в межпоколенных контактах, что также свидетельствует о релятивизации нормативности.

Тенденции изменения еще одного аспекта межпоколенных семейных отношений наглядно показывают отход от традиционных норм. **Уход выросших детей из родительского дома** считался одним из маркеров взрослости. Самостоятельное, отдельное от родителей проживание членов семьи младшего поколения, получившего образование и «ставшего на ноги» в материальном плане, считалось нормой. Сегодня формируется новая социальная норма — позднее отделение от родительской семьи (возраст отделения передвинулся с 18–20 лет в старших поколениях до 23–25 лет и выше у современной молодежи) и жизнь с родителями после 30 лет (не считается крайностью не только поздний уход, но и возвращение молодых людей под семейный кров). Рост числа молодых (и не очень молодых) людей, живущих с родителями, наблюдается во многих

странах мира. И этот рост обусловлен не только экономическими причинами, связанными с недостаточностью финансовых ресурсов, потерей работы, разводом и прочими обстоятельствами. В 2014 г. американские исследователи, проанализировав официальную статистику, насчитывали почти 43% американских мужчин и 36% женщин в возрасте от 18 до 34 лет, продолжающих жить в родительском доме. Еще 15 лет назад таких в среднем было менее 30% (Карасюк 2015). По данным Европейского статистического агентства и служб статистики ряда стран, с конца 2000-х годов доля жителей Евросоюза 18–34 лет, живущих под родительской крышей, выросла на 3% — до 68%. Приrost обеспечили в основном граждане, преодолевшие 30-летний рубеж (Портнягина 2019). Наблюдаются не только различия по странам (чем южнее страна, тем сильнее в ней тренд на затянувшуюся жизнь взрослых детей и родителей), но и гендерная дифференциация: каждый третий европейский мужчина (35%) в возрасте 25–34 лет все еще живет со своими родителями. При этом женщин той же возрастной категории таких нашлось лишь 22% («В каком возрасте европейцы покидают родительский дом?»).

Этот общемировой тренд наблюдается и в России. В целом позднее отделение взрослых детей от родителей, наряду с поздним созданием семьи и вступлением в брак, началом сексуальной жизни, рождением детей, является одним из признаков указанного выше феномена «отложенного взросления» (Радаев 2020: 68–72). Казалось бы, в настоящее время по сравнению с советским периодом возможностей для отделения стало больше, по крайней мере, появился рынок жилья, но даже если финансовые средства позволяют купить или арендовать собственное жилье, молодые люди продолжают жить с родителями. Такое замедленное взросление, по мнению исследователей, детерминировано не только демографическими причинами (увеличение продолжительности жизни ведет к сдвигу всех этапов жизненного цикла) и изменением образа жизни, увеличением периода социализации молодого поколения, но и ростом возможностей для активного поиска и экспериментирования. И этот период экспериментирования становится все более длинным (Радаев 2020).

Позднее отделение от родительской семьи и совместное проживание взрослых детей со своими родителями в зрелые годы, столь характерное для поколения миллениалов, проецируется и на следующее поколение, поколение Z (центиниалов). По данным исследования Левада-Центра «“Поколение Z”: Молодежь времени путинского правления», проведенного в мае–июне 2019 г. по репрезентативной

выборке (N= 1500 респондентов) молодого населения России в возрасте 14–29 лет, две трети (61%) опрошенных живут вместе с родителями, еще 10% снимают жилье (квартиру или комнату), чуть меньше (9%) уже смогли приобрести собственное жилье (с помощью родителей или сами; как правило, это люди старшего возраста). Количество людей, живущих с родителями, постепенно снижается с возрастом: в самой младшей возрастной когорте 14–17-летних — 88%, 18–24-летних — 61%, но даже к 30 годам (старшая когорта 25–29-летних) 37% опрошенных все еще живут с родителями. На вопрос, почему они живут с родителями, 45% опрошенных ответили, что причина кроется в том, что это самое простое и комфортное решение, 37% — потому что у них нет средств на собственное жилье («Поколение Z» ... 2020: 83–84).

Растущая значимость интимности, эмоциональной привязанности, автономии и ценности каждого члена семьи позиционировались С. И. Голодом в первую очередь как супружеские и родительские ценности, как факторы стабилизации семьи. Но само понятие интимности, рассматриваемое в более широком контексте как симпатия, расположенность, признательность, эмоциональная близость, эротическая привязанность и не употребляемое лишь в качестве эвфемизма сексуальности, проецировалось не только на брак и секс, но и на родство, на межпоколенные отношения. Данная трактовка этого понятия соответствует современным социологическим представлениям о практиках интимности, включающим в себя исследование поведения людей в семьях, взаимоотношений в супружеских парах, между родителями и детьми, сексуальных отношений и дружбы или любых других особо тесных связей (Jamieson 1998; Гидденс 2004).

Рассматривая детоцентристский тип семьи, С. И. Голод отмечает, что эффективность социализации детей во многом связана с сохранением и развитием на всех возрастных стадиях, с одной стороны, **межпоколенной интимности**, а с другой — определенной **нравственно-психологической дистанции** между родителями и детьми. «Эта связка квазипротивоположных состояний есть не что иное, как проекция супружеских ценностей. Точнее говоря, отношения родители–дети стали опираться на те же базовые ценности, что и связь муж–жена» (Голод 1998: 158).

Заложенный **принцип диалогичности отношений между поколениями** проявился в симметрии и взаимозависимости межпоколенных отношений. Изучение взаимоотношений петербургских студентов с их родителями показало, что они строятся на основе взаимности или реципрокности. Анализ динамики этих взаимодействий свидетельствует

о сохранении тенденции к симметрии и эквивалентности. Основной функциональной доминантой всех семейных взаимодействий остается их эмоциональная направленность, причем в обыденных ситуациях эмоциональная поддержка возрастает. Особенно это отразилось на взаимодействиях с отцами. Межпоколенческие взаимодействия в семье все в большей мере начинают основываться на эмоциональной коммуникации, нежели на экономическом обмене, хотя значимость последнего остается достаточно высокой (Бурмыкина 2018). Сохранение и даже возрастание эмоциональной направленности всех семейных контактов говорит о **межпоколенной интимности**, понимаемой как симпатия, расположенность, признательность, практическая забота, эмоциональная привязанность и поддержка. Ее растущая значимость, по-видимому, связана с тем, она является практически неотчуждаемой функцией современной семьи, которую невозможно передать другим социальным институтам.

С. И. Голод оставил богатое творческое наследие. Его научный подход к исследованию проблем семьи, гендера и сексуальности позволил получить картину реально складывающегося семейного контекста, уйти от существующих стереотипов и предрассудков. Выдвинутые им идеи нашли развитие в современных исследованиях и до сих пор являются актуальными. Существенные, необратимые эволюционные сдвиги развития семьи и межпоколенных отношений продолжают и нуждаются в дальнейшем эмпирическом изучении и теоретической интерпретации.

Источники

Бурмыкина О. Н. Межпоколенный семейный контракт: представления молодого поколения // Петербургская социология сегодня. — 2017. — Вып. 8. — С. 150–159.

Бурмыкина О. Н. Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.) // Петербургская социология сегодня. — 2018. — Вып. 9. — С. 27–46.

В каком возрасте европейцы покидают родительский дом? // Коммерсант. — 2019. — 18 мая.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб.: Петрополис, 1998. — 272 с.

Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. — 2015. — № 3–4. — С. 99–108.

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — СПб.: Питер, 2004. — 208 с.

Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. — М.: Издат. дом Высшей шк. экономики, 2018. — 336 с.

Карасюк Е. Не вовремя родились. Почему взрослые россияне живут с родителями? [Электронный ресурс] // Republic Magazine. — URL: <https://slon.ru/posts/60038> (дата обращения: 21.12.2020).

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: Сб. аналит. ст. Вып. 1 / Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синавской; Независимый ин-т социальной политики. — М.: НИСП, 2007. — С. 313–344.

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Россияне о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых: изменения последних лет // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналит. ст. Вып. 2 / Под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой и О. В. Синавской; Независимый ин-т социальной политики. — М.: НИСП, 2009. — С. 247–264.

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Межсемейные отношения // Народонаселение современной России: риски и возможности / Отв. ред. В. В. Локосов; Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. — М.: Экономическое обозрение, 2013. — С. 96–108.

Нечаева Н. А. Представления студенческой молодежи о гендерных и семейно-брачных отношениях // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / Под ред. И. И. Елисеевой; Социологический ин-т ФНИСЦ РАН. — СПб.: Реноме, 2018. — С. 114–141.

Осипова Н. Г. Современная социологическая теория. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020. — 432 с.

«Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2020. — № 1/2 (130). — С. 21–121. — URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/08/vom1-2020.pdf> (дата обращения: 21. 12.2020).

Портягина М. Папа, мама и все еще я // Огонёк. — 2019. — № 2. — С. 4.

Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. — М.: Издат. дом Высшей шк. экономики, 2020. — 224 с.

Риббенс Маккарти Дж., Эдвардс Р. Исследования семьи: основные понятия. — М.: Издат. дом Высшей шк. экономики, 2018. — 343 с.

Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. — М.: РИПОЛ классик, 2019. — 406 с.

Фландерс Дж. Сотворение дома. — М.: Центрполиграф, 2016. — 319 с.

Bellah R. Religious Evolution. — American Sociological Review. — Chicago, 1964. — Vol. 29. — P. 358.

Jamieson L. Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies. — Cambridge, Polity, 1998. — P. 209.

References

- Bellah R. Religious Evolution. *American Sociological Review*, Chicago, 1964, vol. 29, p. 358.
- Burmykina O. N. Mezhpokolennyi semeynyy kontrakt: predstavleniya molodogo pokoleniya [Intergenerational family contract: the views of young generation]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today], 2017, iss. 8, pp. 150–159. (In Russian)
- Burmykina O. N. Dinamika predstavleniy peterburgskikh studentov o sem'e i mezhpokolennykh otnosheniyah (2007–2017 gg.) [Dynamics of St. Petersburg students' ideas about family and intergenerational relations (2007–2017)]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg sociology today], 2018, iss. 9, pp. 27–46. (In Russian)
- Flanders Dzh. *Sotvorenie doma* [Creation of the house]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2016, 319 p. (In Russian)
- Golod S. I. *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Saint Petersburg, Petropolis, 1998, 272 p. (In Russian)
- Golod S. I. Sovremennaya sem'ya: plyuralizm modeley [Modern family: pluralism of models]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2015, no. 3–4, pp. 99–108. (In Russian)
- Giddens E. *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies]. Saint Petersburg, Piter, 2004, 208 p. (In Russian)
- Giddens E., Sattton F. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Basic concepts in sociology]. Moscow, Izdat. dom Vysshey shk. ekonomiki [The Higher School of Economics Publishing House], 2018, 336 p. (In Russian)
- Jamieson L. *Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies*. Cambridge, Polity, 1998.
- Karasyuk E. Ne vovremya rodilis'. Pochemu vzroslye rossiyane zhivut s roditel'nykh? [They were born at the wrong time. Why do Russian adults live with their parents?] *Republic Magazine*, 2015, November 21. URL: <https://slon.ru/posts/60038> (access date: 21.12.2020). (In Russian)
- Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Naselenie Rossii: o roli obshchestva i sem'i v podderzhke detey i prestarelykh [Population of Russia: on the role of society and family in supporting children and the elderly]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniya. Sbornik analiticheskikh statey. Vyp. 1* [Parents and children, men and women in the family and society. Based on one study. Collection of analytical articles, issue 1]. Ed. by T. M. Maleva and O. V. Sinyavskaya. Moscow, NISP, 2007, pp. 313–344. (In Russian)
- Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Rossiyane o roli obshchestva i sem'i v podderzhke detey i prestarelykh: izmeneniya poslednih let [Russians on the role of society and the family in supporting children and the elderly: changes in recent years]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniya. Sbornik analiticheskikh statey. Vyp. 2* [Parents and children, men and women in the family and society. Based on one study. Collection of analytical articles, issue 2]. Ed. by S. V. Zakharov, T. M. Maleva and O. V. Sinyavskaya. Moscow, NISP, 2009, pp. 247–264. (In Russian)
- Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Mezhsameynnye otnosheniya [Inter-family relations]. *Narodonaselenie sovremennoy Rossii: riski i vozmozhnosti* [Population of modern Russia: risks and opportunities]. Moscow, Ekonomicheskoe obozrenie, 2013, pp. 96–108. (In Russian)
- Nechaeva N. A. Predstavleniya studencheskoy molodezhi o gendernykh i semeynobrachnykh otnosheniyah. [Representation of students youth about gender and family marriage relations]. *Novaya znachimost' sem'i i mezhpokolennykh otnosheniy dlya Rossii i Kitaya* [New importance of family and intergenerational relations for Russia and China]. Ed. by I. I. Eliseeva. Sotsiologicheskii in-t FNISTS RAN. Saint Petersburg, Renome, 2018, pp. 114–141. (In Russian)

Osipova N. G. *Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya* [Contemporary sociological theory]. Moscow, Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2020, 432 p. (In Russian)

«Pokolenie Z»: Molodezh' vremeni putinskogo pravleniya [«Generation Z». Young people of the Putin era]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 2020, no. 1–2 (130), pp. 21–121. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/08/vom1-2020.pdf> (access date: 21.12.2020). (In Russian)

Portnyagina M. Papa, mama i vse eshche ya [Papa, Mama and still me]. *Ogoniok*, 2019, no. 2, p. 4. (In Russian)

Radaev V. Millenialy. *Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian society is changing]. Moscow, Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki [The Higher School of Economics Publishing House], 2020, 224 p. (In Russian)

Ribbens Makkarti Dzh., Edwards R. *Issledovaniya sem'i: osnovnye ponyatiya* [Family studies: basic concepts]. Moscow, Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki [The Higher School of Economics Publishing House], 2018, 343 p. (In Russian)

Tvenge D. *Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskiy duh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolyutno ne gotovym ko vzrosloy zhizni* [Generation I. Why the Internet generation has lost its rebellious spirit has become more tolerant, less happy and absolutely not ready for adult life]. Moscow, RIPOl klassik, 2019, 406 p. (In Russian)

V kakom vozraste evropeytsy pokidayut roditel'skiy dom? [At what age do Europeans leave their parents' home?] *Commersant*, 2019, May 18. (In Russian)

Нечаева Наталья Александровна, научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук.

Nechaeva Natalia A., Researcher, Sociological Institute
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences.
n_nechaeva@yahoo.com

Бурмыкина Ольга Николаевна, кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, Социологический институт РАН —
филиал Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук.

Burmykina Olga N., PhD in Sociology, Senior Researcher,
Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences.
o_burmykina@mail.ru

А. Г. Щелкин

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В РОССИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В XIX И XX ВВ. НА ФОНЕ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

«Особливо ребятишек уважать надо!
Ребятишкам простор надобен. Деткам-то
жить не мешайте. Деток уважьте».

*М. Горький. На дне
(из монолога Сатина)*

Без детей нельзя было бы так любить
человечество.

Ф. Достоевский

Ребенок — гость современности и хозяин
будущего.

В. Белинский

Известно, что отношение к ребенку в обществе как к ребенку, равно как и понимание и осмысление природы детства — это явление по историческим меркам относительно недавнее. Вместе с тем для реализации этих двух задач сегодняшний социум имеет, кажется, соответственно неплохой экономический и эпистемологический ресурс. Тем не менее проблемы остаются и даже в чем-то усугубляются. Современная постмодернистская цивилизация заметно и произвольно отклоняется от классической парадигмы «детство», уступая место «новым» практикам и концептам: «чайлдфри», «исчезающее детство», «родительский инфантилизм», «детство под протекторатом взрослых» и т. д. В этой связи для социологии детства должен представлять интерес опыт осмысления и изображения детства в серьезной художественной литературе — в русской прозе XIX — начала XX столетий, в которой представлены образы детства, не искаженные «сомнительной неопределенностью» (Ю. Хабермас) текущей современности.

В статье исследуется тема детства, ее отражение в творчестве Толстого, Чехова, Бунина и др.

Ключевые слова: классическая парадигма детства, постмодернистское понимание детства, социологический анализ детства в русской литературе.

SHCHELKIN ALEXANDER G.

THE CHILDHOOD PHENOMENON IN THE MIND OF RUSSIAN WRITERS IN XIX AND XX CENTURIES AGAINST THE POSTMODERNITY BACKGROUND

It is known that the attitude towards a child in society as a child, as well as understanding of the nature of childhood, is a relatively recent phenomenon by historical standards. At the same time, to realize these two tasks, today's society seems to have a correspondingly good economic and epistemological resource. However, the problems remain and even get worse. Modern postmodern civilization noticeably and arbitrarily deviates from the classical paradigm of "childhood", giving way to "new" practices and concepts: "childfree", "disappearing childhood", "parental infantilism", "childhood under the protectorate of adults", etc. In this regard, the experience of understanding and depicting childhood in serious fiction — in Russian prose of the 19th and early 20th centuries, which presents childhood images that are not distorted by the "doubtful uncertainty" (J. Habermas) of the current modernity, should be of interest for childhood sociology.

The article explores the theme of "childhood", as it is reflected in the works of Tolstoy, Chekhov, Bunin and others.

Keywords: childhood, Russian classical fiction, postmodernism, sociological vision of childhood.

Известно, что социология детства на сегодняшний момент обогатилась самыми разнообразными и серьезными исследованиями природы детства, которые проделаны в антропологии, этнографии, лингвистике, психоанализе, культурологии, истории и, неизбежно, в философии. Достаточно отметить ряд пионерских работ — прежде всего Ф. Арьес «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» (вышла во Франции в 1960 г.), где автор фундаментально проанализировал тот парадоксальный факт, что хотя «ребенок» присутствует в человеческой истории ровно столько же миллионов лет, сколько существует и сам человек, тем не менее «детство» — относительно недавний социокультурный феномен. Нельзя пройти мимо и тех сокрушительных выводов о противоречивых и чуть ли не взаимоисключающих императивах, под знаком которых складывается судьба «детства» в современной цивилизации (в первую очередь работа Ф. Дольто «На стороне ребёнка», 1985). Библиографический список исследований в таком ключе уже исчисляется не одной сотней названий.

Однако как бы ни был впечатляюще велик размах этого интереса к детству, приходится признать, что существует еще один огромный, как Атлантида, домен «образов детства», скрывающийся из вида именно для социологической науки. Речь идет о присутствии тематики «детство» в мировой художественной литературе. И домен этот имеет свою особую, а именно социологическую значимость, и он ждет своего достойного исследования. Важнейшее и общепризнанное место в мировой литературе о детстве занимает, конечно, художественное творчество писателей дореволюционной, советской и современной России. С дореволюционной литературы особый спрос: она богата большой семантикой и поучительностью для понимания природы детства. Веет даже какой-то загадочностью — как только русская речь приобрела в начале XIX века современную литературную форму (которой мы пользуемся фактически до сих пор), отечественные писатели заговорили на страницах своих произведений о... детстве. Тема детства стала устойчивым литературным жанром, которому отдали свои усилия и свое вдохновение Аксаков, Лев Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Гарин-Михайловский, Чехов, Бунин, Горький, Короленко, Куприн, Андреев, Алексей Толстой.

Справедливости ради надо отметить, что в последнее время интерес к художественной литературе о детстве весьма заметен и переживает у нас даже своеобразный бум. Но в основном этот интерес идет не столько от социологов и философов, а в большей степени от литературоведов, психологов, филологов и прочих гуманитариев. И в этом смысле тема детства, каковой мы ее находим в художественной литературе, скорее социологически недоиспользована, недоисследована.

1

Прежде чем пуститься в изыскание детства, как оно представлено на просторах русской художественной литературы, следует принять во внимание то, к каким важнейшим выводам на сегодня пришли серьезные исследователи по поводу феномена детства.

Как лаконично и точно выразился И. С. Кон, «общество не может познать себя, не поняв закономерностей своего детства» (Кон 1988: 6). Более того, без адекватной модели детства оно не может и построить/конструировать себя в направлении нормальной цивилизации. Это связано с тем, что природа ребенка имеет одно критически важное универсальное качество. «Дети с зачатия и до смерти прикасаются к сущности того, что есть человек, и эта сущность всегда при них»

(Дольто 1997: 266). Вот почему цивилизованность общества «требует присутствия мира детства внутри мира взрослых», предполагает «глубокую онтологическую необходимость ребенка взрослому <...> Телеологически дитя несет собой то, что не должен растерять взрослый» (Кислов 2002: 32, 41). Некоторые авторы высказывают это предположение в терминах экзистенциальной философии: «Может быть, переход к взрослому возрасту — это переход от “быть” к “иметь” <...> Может быть, ребенок создан главным образом, чтобы “быть”, а взрослый — чтобы “иметь”» (Дольто 1997: 267). Конечно, фраза Иисуса Христа «будьте как дети» кому-то покажется уязвимой в определенном отношении, но не видеть за ней универсальное качество детства — значит, остановиться на полпути к подлинному пониманию природы ребенка. Утратить в себе ребенка считается в современном мире не лучшим качеством.. Отсюда и понимание этой драматичной неудачи: «взрослые — это плохие дети». Удача состоит в обратном. А. Ахматова, например, не без назидания напомнила нам о «вечном детстве» Б. Пастернака. Л. Толстой как будто бы тоже про это: «Меня от пятилетнего ребенка отделяет один шаг». Однажды академик А. Н. Колмогоров заметил, что каждый человек с определенного момента продолжает оставаться в том возрасте, после которого характерное для него мировоззрение уже не меняется. «А Вам сколько лет?» — спросили академика. — «Четырнадцать». Это хрестоматийный ряд высказываний в пользу детства можно продолжать долго.

Прямым свидетельством благоприятного социализирующего и гуманизирующего влияния детства на жизнь взрослого человека является ностальгия по своему детству. Отсутствие этого чувства может иметь только одно объяснение — отсутствие самого детства по обстоятельствам от ребенка независимым. В этом смысле ностальгия по детству может носить сильный регулятивный характер и удостоиться внесения в знаменитую пирамиду А. Маслоу.

Этому антропологическому аргументу соответствует и причины сугубо биологического характера. Только у человека как вида среди других видов наблюдается самое длинное детство. Это нужно для того, чтобы у человеческого индивида прочно сформировались и закрепились такие константы поведения, которые во взрослой жизни могут стать строительным материалом для собственно «человеческого» и «цивилизованного» сообщества. Конрад Лоренц наблюдал этот эффект, сравнивая «детство» диких и одомашненных животных. Оказывается, у диких животных «детское» поведения так и остается в быстротечном детстве, а у одомашненных животных «детское»

поведение закрепляется на всю жизнь. Отсюда и наблюдаемая разница: пылкая индивидуальная привязанность к человеку, игривость, доверчивость, непосредственность — у одних, и скрытость, настороженность, некоммуникабельность с чужими — у других (Лоренц 1978).

2

Имена отечественных писателей, сделавших тему детства литературным жанром, давно и хорошо известны. Кто-то из них (С. Аксаков, А. Толстой) талантливо ограничивается живописанием счастливого детства, полного непосредственных впечатлений в обстановке довольно благополучных и умных отношений к детям, в своих семьях. Другие авторы (прежде всего А. Чехов, М. Горький, до определенной степени Н. Гарин-Михайловский) выражают тот драматизм человеческой жизни, который, по их наблюдениям, начинается прямо в детстве. Однако в нашем случае особый интерес представляет иная группа литераторов и литературных критиков, в книгах которых нас прежде всего поражает их бесконечное удивление и даже восхищение детством как феноменом, «неслучайно встроенным» в человеческую цивилизацию, и когда самоё детство воспринимается фактически как «органическое строение» цивилизации — цивилизации не в релятивистском, а в высшем, абсолютном смысле этого понятия. В. Белинский, Н. Гоголь, Л. Толстой, И. Бунин, в определенной степени опять же А. Чехов — это тот ряд авторов, которые поняли детство именно как такое явление.

3

А. Чехов оставил нам настолько же животрепещущее, насколько и провокативное признание: «В детстве у меня не было детства». Хорошо известно, что заботу о бакалейной лавочке отец будущего писателя целиком возлагал на сыновей. Это был почти каторжный трудовой режим. Лавочка торговала с 5 утра и до 11 вечера. Но самым тяжелым и оскорбительным были, конечно, частые порки. В одном из писем Чехов писал: «Меня маленького так мало ласкали, что теперь, будучи взрослым, принимаю ласки, как нечто непривычное, еще мало пережитое» (Чехов 1976: 173). Пресловутая «подготовка к (суровой) жизни» начиналась в раннем детстве, настолько раннем, что собственно для детства не оставалось никакой «хронологии».

Приходится признать, что отсутствие детства, о котором говорит Чехов, означает гораздо больше, чем просто факт его биографии. Во-первых, перед нами горькое сожаление по поводу этого факта, равно как и тоска по детству, которое должно быть у каждого человека. Во-вторых, если Чехов точно знает, что то, что было у него — это не детство, то он более или менее представляет, что есть детство в норме, или нормальное детство. Когда детству отказывают в должном признании (см., например, обескураживающую ремарку И. Бродского: «Русские не придают детству большого значения. Я, по крайней мере, не придаю»), а еще хуже, если детство воспринимают исключительно как дисциплинарную «пропедевтику» к «взрослой» жизни или самоё начало такой жизни, — тогда слова Чехова звучат с непреходящей актуальностью. Почему?

Даже тогда, когда детство выделилось в Новой истории как самостоятельный социально-культурный феномен, ему редко удавалось удачно состыковываться со «взрослой» жизнью, тем более продолжаться в ней. По существу, эта фатальная ущербность социума есть причина того парадокса, который пытался разгадать Стендаль: «Почему мы рождаемся оригиналами, а заканчиваем жизнь копиями?» Не в этой ли связи Ж.-Ж. Руссо вынес «взрослому» обществу прискорбный упрек: «Учитель-француз готовит своего воспитанника к тому, чтобы он на минутку блеснул в детстве, а потом навсегда остался ничтожеством»? В XX веке В. Набоков в «Других берегах» произнесет почти то же самое: «Балуите детей, господа! Никто не знает, что их ожидает в будущем». Однако при всей внешней одинаковости смыслов этих высказываний позиция Ж.-Ж. Руссо предпочтительна в одном, важном смысле. Французский мыслитель знал цену перманентного потворства: «Хотите испортить ребенка — дайте ему все и не спросите с него ничего». Поэтому можно сказать, что в одном случае (Руссо) — «рецепт» выглядит совсем не как панацея, а скорее как вынужденный паллиатив, в то время как в другом (Набоков) — как категорический императив с теми небезопасными последствиями, которые несет с собой всякое попустительство в делах человеческих.

Как бы там ни было, но считать, что сегодня ситуация с детством после эпохи, когда дети в семьях становились жертвой «хозяйство-центризма» взрослых (понятно, что для значительной части населения в силу материальной нужды), считать, что эти чеховские времена канули в Лету, не приходится. Понятно, что в чеховские и далеко в дочеховские времена фактор «экономической нужды» совсем не распространялся на детей в семьях большей части дворянского сословия, высокопоставленных чиновников, представителей образованного класса. Там он, по понятным причинам,

не мог играть той принудительной роли, которая деформировала образ ребенка. Чтобы стать обладателем «свободной профессии», разные сословия платили несопоставимые цены. Сам Чехов в одном из писем говорил: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости» (Чехов 1976: 131). Конечно, в экономически развитых демократиях эта материальная нужда, лишаящая ребенка нормального детства, преодолена: дети имеют право на получение полного среднего образования и реализуют его.

Однако беда подобралась с другой стороны. В этой связи приходится отметить по крайней мере три момента.

4

(1) Как всегда, выяснилось: материальный фактор играет существенную роль, но не исключительную. «Культура имеет значение». В данном случае — культура, образованность, просвещенность взрослых. А если совсем точно — отсутствие этой культуры, образованности, просвещенности у взрослых родителей. И если быть предельно точным — у инфантилизированных взрослых.

С этой точки зрения отношение современных родителей к своим детям оказывается не на высоте положения. К чему это приводит в «массовом обществе», свидетельствует Франсуаза Дольто (1908–1988), крупнейший французский специалист по детству: «Взрослые желают сохранять над детьми неограниченную власть. Родители настолько инфантилизированы, что им нужны дети еще более инфантильные, чем они сами <...> Выращивание детей в неволе, воспитание в тесных рамках — это новая язва так называемого цивилизованного общества <...> Взрослые подавляют в себе ребенка и при этом стремятся к тому, чтобы ребенок вел себя так, как им хочется. Подобное воспитание неправильно» (Дольто 1997: 97, 229).

(2) Американский социолог Нейл Постман (1931–2003) назвал вещи своими именами: в наше время происходит «исчезновение детства». Причина почти та же — деформация культуры, образованности, просвещенности в современном обществе. Только если Ф. Дольто говорит о так и не освоенной «культуре детства» в среднебуржуазной среде теперешнего «напряженного» и «тревожного» социума, то Н. Постман связывает необратимые изменения «мира детства» с «революционными» изменениями в сфере информационных средств, с помощью которых упрощенный и примитивно-мифологизированный образ мира одинаково доступен и понятен и детям, и взрослым (Постман 2004).

В этой связи Н. Постман отказывается признавать ставшее привычным деление жизни на младенчество, детство, зрелость и старость и предлагает другой подход, в котором в качестве принципиальной границы между взрослыми и детьми признается «исчезновение детства» («инфантильные взрослые» и «неинфантильные дети»); младенчество — полувзрослый-полудетский возраст (Постман применяет для его обозначения неологизм *adult-child*) — глубокая старость.

К этому можно добавить, что современный медиарынок, на котором взрослые потребляют детство как товар, а дети из кожи вон лезут, подражая взрослым, довел этот пагубный тренд в «цивилизации развлечений» до аналогии с «культурной» педофилией. «Изобретая» и взлелеяв детство как новую социально-культурную ценность в недавнем прошлом (Н. Постман говорит о периоде с 1850 по 1950 г.), сегодняшний мир мощно сориентировался на такие технические средства (прежде всего ИТ), игровое и вне всякой нужды потребление которых (гаджеты, девайсы и пр.) искажает сущность и бытие ребенка (виртуализм, нарциссизм, игромания, снижение эмоциональных и умственных способностей и проч.) и не оставляет места собственно человеческим атрибутам детства — непосредственности, нежности, любопытству как отношению к миру, романтическому восприятию будущего.

(3) Но все рекорды бьет третья опасность, угрожающая детству буквально напрямую: постоянно растет число людей, не желающих иметь детей в принципе. Движение называется «*childfree*». Во многих развитых странах оно приобретает все признаки устойчивого социального феномена и является оборотной стороной современной цивилизации, когда сознательная бездетность рассматривается не просто как право на «свободный выбор», но и как привилегия развитого социума (Политическая лингвистика 2013). Чаще всего такой выбор делают люди образованные, обеспеченные и амбициозные, которые не желают жертвовать своим комфортом и карьерой ради детей. Движение «*чайлдфри*» — «свободные от детей» — набирает обороты в России и Европе. Как это ни парадоксально, но о *childfree* как о негативном факторе говорить здесь не имеет смысла. Мы исследуем именно детство, подверженное влиянию различных условий. Сжато говоря, в одних условиях детству предоставляется возможность быть самим собой, *per se*, соответствовать своей природе, в других — детство искажено и девиантно (хорошо, если не необратимо). *Childfree* — это нулевой шанс для детства. И в этом смысле это вообще не тема детства. Потому что там физически нет детства.

«Из ничего и выйдет ничего», — говорил один шекспировский герой. Это, собственно, проблема цивилизации — цивилизации, потворствующей своему нарциссизму и добровольной самоисчерпаемости...

5

Возвращаясь к феномену чеховского детства, в котором так травматично отразились последствия хозяйство-центризма взрослых того времени, можно сказать, что и постсовременность попадает в ловушку аналогичного злоупотребления, которое можно назвать ИТ- и медиа-центризмом, за которым следуют не менее, если не более, коварные последствия для детства. Недвусмысленные названия сочинений Н. Постмана и Ф. Дольто говорят сами за себя: «Исчезновение детства» и «На стороне ребенка». Если попробовать перечислить сегодня хотя бы ряд факторов, ведущих к эрозии детства, то мы быстро и наглядно получаем перечень условий, несовместимых с онтологией (природой) детства. (1) Родители инфантильнее и эгоистичнее детей (важнейший тезис Ф. Дольто). (2) Бизнес по-новому эксплуатирует детей («дети очень полезная вещь», «детские блоги» в рекламных целях и т. д.). (3) «Эротическая посткультура» взрослых сексуализирует мир детей («новое детство, тронутое развратом»). (4) Но особенно надо подчеркнуть «минус-эффект» от ранней цифровизации детства (дети и взрослые получают информацию «из одних и тех же источников», временной раздел между детством и взрослостью размывается) (один из главных тезисов Н. Постмана).

Этот последний пункт, действительно тщательно проанализированный американским социологом, сегодня видится в еще более непривлекательной перспективе. Дело в том, что как ни прискорбно, но и современный/постсовременный мир продолжает оставаться в тисках, похоже, старой дилеммы — между потребностью ребенка находиться в детстве, не пропустить детство и удручающим фактом «исчезновения детства» из жизни, как это было и в чеховскую эпоху хозяйство-центризма, и как это продолжается и в сегодняшнюю эпоху «сверхсложного», «взрослого» общества с его «торжествующим триумфом (технических) средств над (социальными) целями» (К. Ясперс), откровенным доминированием технoзнания на знанием гуманитарным. «Теперь никто не стремится дать массам образование <...> Вместо знания прививают умение. Умение обращаться с компьютером» (Дольто 1997: 332).

Возможно, перечисленные факты и факторы «исчезновения детства» хоть и не исчерпывают картину этого исчезновения, но от сдержанного оптимизма в ожидании лучших перспектив для детства перечисленные выше авторы не отказываются и связывают его с выполнением ряда условий. В частности Ф. Дольто говорит о том, что надо сделать ставку на преодоление того, что можно назвать недальновидным и беспечным замыканием детей в ложный круг безопасности от жизни. «В наше время, вместо того чтобы точными словами посвятить ребенка в правила безопасности, объяснив ему, как обращаться с каждым предметом, его оберегают от опасности, помещая в загон. <...> Думать, что люди, находящиеся в поре детства, представляют собой особый мир — опаснейшая иллюзия. Если детей замыкают скопом в каком-то магическом кругу, они обречены на бесплодие» (Дольто 1997: 87, 262). В свою очередь, Н. Постман связывает свои надежды с противодействием эрозии института семьи (критические масштабы разводов между супругами) и уменьшением влияния ТВ и выработкой у детей критического отношения к происходящему на экране (сегодня мы бы добавили: софистированный, прямолинейно-игровой (вне всякой морали) характер потребляемый детьми электронной продукции) (Постман 2004).

Читатель, однако, не будет возражать против простого соображения, что у свидетелей «последних известий» от сегодняшней «постсовременности», есть некая привилегия перед авторами, которые с этой «постсовременностью» связывали, как уже говорилось, свой сдержанный оптимизм. Эта привилегия состоит в том, что вещи можно видеть на сегодня такими, какие они есть, а не такими, какими их ожидали увидеть какое-то время тому назад. Проще говоря, реалии таковы, что конфликт отцов и детей часто имеет парадоксально-извращенное разрешение. Размеры статьи не позволяют говорить об этом подробнее. Достаточно будет сказать, что, с одной стороны, заметным трендом стала мода на бредовое заявление подростка своим родителям: «Я не просил вас меня рожать!» (Пайпер 2019). С другой — мир столкнулся с растущим феноменом инфантилизма взрослых, синдром неповзрослевшего Питера Пэна, когда люди сознательно уклоняются от взрослой жизни с ее бременем ответственности и самодисциплины (Физе 2014).

6

При рассмотрении темы детства у А. Чехова, как видим, неслучайно возникла необходимость взглянуть на ситуацию с детством в сегодняшних реалиях. Считать, что современность с ее беспрецедентными

возможностями позволила полно раскрыться природе ребенка, очевидно, не приходится. Более того, оказывается, что обстановка времен Чехова-ребенка, не позволившая писателю прожить «нормальное» детство, не исключала культивирование в ребенке сильных и достаточно цивилизованных характеристик, которые не всегда формируются в век постмодернизма. Попробуем объяснить.

Ценность чеховского случая не только в артикуляции пагубности отсутствия у него детства. Возможно, М. Горький, в своей повести «Детство», рассказавший каким «свинцовым мерзостям» со стороны своего деда подвергался он в детстве, имел не меньше, если не больше оснований для lamentаций и отчаянных сетований. Но, к слову сказать, М. Горький как раз этого не делал. Скорее всего, пролетарский писатель не сокрушался о своем детстве как самоценности по той причине, что его целью было скорее художественно изобличить все те же «свинцовые мерзости» взрослых. Отсюда и впечатление Л. Н. Толстого о М. Горьком: «Л. Толстой однажды сказал Горькому: “Не верится, что вы тоже были маленьким...”» (Эриксон 1996: 537). Почему же взрослый Чехов, вспоминая о своем детстве, не пустился в аналогичное Горькому изобличение деспотизма старших — деспотизма своего отца, Павла Егоровича Чехова, человека с крутым, неуравновешенным характером, который, накопив денег, открыл бакалейную лавку и сделал своих детей буквально «пролетариями» этого изнуряющего хозяйства. Напоминание деталей не мешает.

Унизительные телесные наказания, тяжелый трудовой режим, постоянное недосыпание — таковы черты детства Чехова, столь не похожего на благословенное детство, поэзия которого встает перед нами на страницах Льва Толстого, Аксакова, Алексея Толстого («Детство Никиты») и других писателей, вышедших из дворянско-помещичьей среды (Ермилов 1951). Пресловутая «подготовка к (суровой) жизни» начиналась в раннем детстве, настолько раннем, что собственно для детства не оставалось никакой «хронологии».

«Россия, — говорил Чехов, — страна казенная». Это означало, что чаще всего, не имея привилегированного детства как в знатных семьях, обычный ребенок в средней, российской семье не приобретал его и в гимназии — той гимназии, которая была пропитана атмосферой казенщины и верноподданничества. Писатель Тан-Богораз (1865–1936), тоже обучавшийся в таганрогской гимназии, свидетельствует: «Гимназия, в сущности, представляла арестантские роты особого рода. То был исправительный батальон, только с заменой палок и розог греческими и латинскими экстемпоралиями (экстемпорале — род контрольной работы

без подготовки)». Брат Чехова Александр вспоминал: «Многие из моих сверстников покинули гимназию с горечью в душе. Мне же лично чуть ли не до 50 лет по ночам снились строгие экзамены, грозные директорские распекания и придирики учителей. Отрадного дня из гимназической жизни я не знал ни одного» (Ермилов 1951).

Конечно, всякая «казенная страна» не готова востребовать человеческий капитал ни в детстве, ни за его пределами — во взрослой жизни. Даже тогда, когда детство выделилось в Новой истории как самостоятельный социально-культурный феномен, ему редко удавалось удачно состыковываться со взрослой жизнью, тем более продолжаться в ней. По существу, эта фатальная ущербность социума есть причина того феномена, который многие мыслящие головы, включая и Стендаля, пытались разгадать: «Почему мы рождаемся оригиналами, а заканчиваем жизнь копиями?»

7

И здесь самое время вновь и окончательно вернуться к «казусу Чехова», от которого мы не без причины отвлеклись для сравнения на современность. «Казус» этот сложнее и поучительнее, чем может показаться на первый взгляд («В детстве у меня не было детства»).

На этот пресловутый «первый взгляд» казалось бы отсутствие детства в чеховском детстве должно было по логике вещей и человеческой психологии толкнуть писателя к элементарной реакции — взрослея, все больше и больше удаляться от «такого» отца. И в самом деле, это удел, которого должен заслуживать всякий отцовский деспотизм. Александр Блок к поэме «Возмездие» возьмет в качестве эпиграфа эту ибсеновскую мысль: «Юность — это возмездие». Но что-то в истории с Чеховым не укладывается в эту горькую и не всегда полную правду. Чехов по-своему любил отца и знал за что ему, несмотря ни на что, благодарен.

Конечно, уже будучи взрослым, писатель как творческий и самостоятельный человек искал уединения для работы и жизни. Тем не менее, он покупает усадьбу Мелехово с расчетом, что там будут жить его отец и мать, и что отец будет предаваться любимому делу — хозяйствовать на поприще приобретенного домохозяйства. И когда Павел Егорович умирает, Чехов только после этого продает Мелихово и покупает участок земли в Ялте и там строит свой особняк. По мнению одного из исследователей биографии Чехова, «было бы неправильно рисовать жизнь семьи Павла Егоровича только темными красками. <...> Павел Егорович

хотел сделать своих детей разносторонне образованными людьми. Он отдал их всех в гимназию, нанял для них учителя музыки, рано начал учить их языкам; старшие сыновья уже в отроческие годы свободно говорили по-французски» (Ермилов 1951).

Но главное, за что Чехов мог быть благодарен отцу, это отцовское стремление «привить своим детям с малых лет привычку к упорному труду, чувство обязанности, ответственности, дисциплины. Правда, его приемы внедрения этих качеств в детские души были таковы, что могли внушить детям отвращение к какой бы то ни было дисциплине. <...> Но Антон Павлович сумел отделить полезное от вредного в воспитании Павла Егоровича. Его отношение к своему отцу, несмотря на все мрачное и тяжелое, что стояло между ними, было и уважительным и любовным» (Ермилов 1951).

В рамках данного исследования детства в художественном сознании русских писателей «урок от Чехова» имеет, как сейчас принято говорить, парадигмальное значение. И связано это с тем, что сегодняшний сценарий детства, с одной стороны, воспроизводит в значительной степени не лучшую сторону чеховской истории (эгоизм, недалёковидность и просто инфантилизм старших, о котором говорит Ф. Дольто), а с другой — этот постмодернистский сценарий откровенно равнодушен к тому, что раньше было неизбежным и цивилизованным дополнением всякой эксплуатации, — равнодушен к самодисциплине и серьезности ребенка. (Говоря о модернистском заигрывании с ребенком, ребенком-иконой, та же Ф. Дольто скажет о принципе «побольше удовольствия»: «Если вся интенциональность создана, чтобы доставить “его величеству” побольше удовольствия, это — отрицание человеческой личности» (Дольто 1997: 121).

Похоже, примерно эту сторону дела подметил Л. Витгенштейн еще в конце 1940-х: «Мне представляется, что образование, которое люди получают в наше время, направлено на то, чтобы уменьшить их способность переносить страдание. Хорошей сейчас считается та школа, где “детям весело”. А раньше мерили не этим... Способность к страданию ценится не высоко потому, что считается, что никакого страдания не должно быть — оно устарело» (Л. Витгенштейн).

8

В этом месте (вновь) есть смысл обратиться к нашему источнику — материалу русской литературы. Вопрос можно сформулировать следующим образом. Всегда ли формула об «отсутствии детства в детстве»

(а ля Чехов) является абсолютным приговором и осуждением ситуации, в которой это отсутствие имеет место? Иначе говоря, можно ли считать, что «счастливое детство», полное непосредственности, игры, непринужденности, нерасчетливости, исключает самодисциплину, серьезность, страдание и прочие атрибуты, которые якобы характеризуют взрослую жизнь? Взглянем под этим углом зрения на один из лучших рассказов А. Платонова «Возвращение», написанный в 1946 г. (Платонов 2010).

Капитан гвардии Алексей Алексеевич Иванов демобилизуется из армии и возвращается из родного полка домой, в свой небольшой городок, где его ждут жена и двое детей, сын и дочка. «Иванов приехал на шестой день. Его встретил сын Петр; сейчас Петрушке шел уже двенадцатый год, и отец не сразу узнал своего ребенка в серьезном подростке, который казался старше своего возраста. Отец увидел, что Петр был малорослый и худощавый мальчуган, но зато головастый, лобастый, и лицо у него было спокойное, словно бы уже привычное к житейским заботам, а маленькие карие глаза его глядели на белый свет сумрачно и недовольно, как будто повсюду они видели один беспорядок. Одет-обут Петрушка был аккуратно: башмаки на нем были поношенные, но еще годные, штаны и куртка старые, переделанные из отцовской гражданской одежды, но без прорех — где нужно, там заштопано, где потребно, там положена латка, и весь Петрушка походил на маленького, небогатого, но исправного мужичка. Отец удивился и вздохнул». Как многозначно это «вздохнул»! — «Иванов не знал, что у него вырос такой сын, и теперь сидел и удивлялся его разуму». Жена капитана гвардии говорит о детях слова, усугубляющие тревожный смысл этого мужниного удивления: «Видишь — какие выросли. Сами все умеют делать, как взрослые стали, — тихо произнесла Любовь Васильевна. — К хорошему ли это, Алеша, сама не знаю...»

Произошло то, что происходит, когда в детстве исчезает детство. Взрослый фронтовик думает и радуется, что он возвращается к детям. Но он озадачен, сбит с толку, не хочет принимать увиденное: перед ним не дети, а маленькие взрослые, не побывавшие в детстве: «Он смотрел на Петрушку, на своего выросшего первенца-сына, слушал, как он дает команду и наставления матери и маленькой сестре, наблюдал его серьезное, озабоченное лицо и со стыдом признавался себе, что его отцовское чувство к этому мальчугану, влечение к нему как к сыну недостаточно. Иванову было еще более стыдно своего равнодушия к Петрушке от сознания того, что Петрушка нуждался

в любви и заботе сильнее других, потому что на него жалко сейчас смотреть. Иванов не знал в точности той жизни, которой жила без него его семья, и он не мог еще ясно понять, почему у Петрушки сложился такой характер». Благодаря лаконизму платоновского реализма на сжатом отрезке рассказа выставлены две правды — и правда детства, и правда его отсутствия. Позиция отца: «А у тебя (говорит он жене. — *А. Щ.*) вон Петрушка что за человек вырос — рассуждает, как дед, а читать небось забыл». Позиция 11-летнего сына: «Петрушка вздохнул на печи и захрапел для видимости, чтобы слушать дальше. “Ладно, — подумал он, — пускай я дед, тебе хорошо было на готовых харчах!”», Мать: “Зато он все самое трудное и важное в жизни узнал! А от грамоты он тоже не отстанет”».

Отсутствие нормального детства у маленького Петра — это как бы эксперимент, поставленный самой жизнью в ее исключительных обстоятельствах военного времени. И этот опыт «ненормального детства» говорит о чем-то очень важном, чего мы не имеем, не наблюдаем в «слишком нормальном» детстве. Было бы исключительно поверхностным понимать смысл платоновского «Возвращения» как боль по утраченному, а точнее, несостоявшемуся детству у двух детей гвардии капитана Иванова. Конечно, эти двое не знают, что такое детство и как выглядит оно на самом деле, то есть в норме. Да, сам капитан гвардии Иванов обескуражен чуть ли не стариковской «взрослостью» и бытовой практичностью своего одиннадцатилетнего сына. Читатель тоже готов разделить эту обескураженность. И тем не менее придется повторить: в рассказе А. Платонова мы имеем именно «теодицею» (оправдание) сурового детства, а не просто посыл проклятия войне, лишившей этих детей детства. Это понимание того, что досрочно повзрослевшие дети — не жертвы, достойные слезливых читательских сантиментов. Это как раз о той серьезности детства, за отсутствие которой наша «цивилизация постмодерна» очень дорого платит. Гегелевская мысль о том, что люди в лице каждого нового поколения, вступая в следующий фазис своей истории, должно иметь практику «схождения к основам», «зачерпывания азов», здесь была бы уместна. Равно как и напоминание кое-чего из М. Хайдеггера: «Бытие требует возврата к истокам». К сожалению, приходится констатировать, что «постсовременность» как социальный дискурс плохо справляется с императивом «меры» и «самоограничения», но зато вполне преуспевает в «культуре нарциссизма и самопотворства» (Bell 1976; Lasch 1979).

9

Для уяснения причин наблюдаемого «кризиса детства» принципиально важным остается понимание того, что происходит с современной семьей. Главный тренд, который характеризует семью и брак сегодня, хорошо известен: «В крупных городах распадается свыше 50% браков (в некоторых местах уровень разводов достигает 70%). Причем у более чем трети распадающихся семей совместная жизнь продолжалась от нескольких недель до 4 лет, т. е. совсем недолго. Нестабильность семьи приводит к росту неполных семей, снижает родительский авторитет, отражается на возможностях формирования новых семей, на здоровье взрослых и детей» (<http://www.socioworld.ru/sworlds-782-1.html>).

Такова данность. Однако, несмотря на эту данность, т. е., «несмотря на кризисное состояние семьи, ее социализирующие возможности крайне велики» (Истомина, Майпиль 2019).

Как бы там ни было, первичная социализация ребенка действительно происходит именно в семье. Англичане шутят: «Не воспитывайте детей. Они все равно будут похожи на вас». И эта неизбежность может быть как и вполне счастливой удачей для ребенка, так и наоборот. В семье, прежде всего в общении с матерью и отцом дети получают (или, увы, не получают) то, что известный французский социолог П. Бурдьё по другому поводу называл габитусом — в нашем случае, культурно-цивилизированное отношение к жизни, полное трогательности, чуткости, благоговения, — который (габитус) как установка ориентирует и окрашивает весь жизненный маршрут человека. Этот семейный «габитус» — большая привилегия или, проще говоря, редкость. Он предполагает общую культуру и материальный достаток в семье. Но именно этот семейный «капитал», эта душевная щедрость родителей к своим детям часто подвергается эрозии. В нашу эпоху отсутствие душевной щедрости к «малым сим» рождается, можно сказать, знаменитым инфантилизмом и эгоизмом самих взрослых. Фильм А. Звягинцева «Нелюбовь» непринхотливо воспроизводит этот типичный кейс. Более того, брак начинает терять свой смысл уже на ранних подступах к браку: по последним наблюдениям, подростки отказываются от отношений и секса, а брак теряет свой смысл. Движение «Без детей. Childfree» имеет свою растущую статистику. В сегодняшней благополучной Германии «30% женщин заявляют, что не намерены рожать, а 48% мужчин среднего возраста признаются, что живут счастливо без детей. Это в три раза больше, чем у их отцов...

(В США. — А. Ш.) сейчас больше половины взрослого населения не состоят в браке... В 1950 г. таких было 20%» (Коткин, Сигел 2013).

И факт этот есть явление посткультурного, постцивилизованного порядка, ни к подлинной культуре, ни к цивилизованности отношение едва ли имеющий. Приходится думать, что «в предстоящие десятилетия успех будет на стороне тех культур, которые сохраняют место и роль семьи <...> как незаменимой основы общества» (Коткин, Сигел 2013).

Тем не менее было бы непростительным простодушием считать, что феномен типа «childfree» характеризует исключительно эпоху постмодерна и суперкультуры. Такие прецеденты имеют место всегда, когда культуроцентричность, квазикаультурность и т. д. заменяют людям естественные и традиционные ценности, предполагающие в том числе гуманистическое и подлинное понимание природы и смысла детства в человеческом обществе. Равнодушие к собственному отцовству и материнству, сосредоточенность «на себе любимых», как правило, отличают эпохи беспечного и развлекательного отношения к культуре. Именно на примере А. С. Пушкина мы видим, что дворянская семья не была гарантией «счастливого детства».

Я не буду говорить, насколько автор данной статьи был поражен, когда узнал, почти случайно, что Пушкин, оказывается, был «человеком без детства». Формулой этой пользовался Ю. Лотман. Поначалу хотелось отнести этот вывод за счет того, что Ю. Лотман по какой-то причине недооценивал исключительное значение детства в жизни всякого человека. Оказалось, что это совсем не так. В работе видного филолога и литературоведа «Пушкин. Биография писателя» мы имеем важное указание: «Детство — слишком важный этап в самосознании человека, чтобы его можно было бы вычеркнуть, ничем не заменив. Заменой мира детства, мира, к которому человек, как правило, обращается всю жизнь как к источнику дорогих воспоминаний, мира, в котором он узнает, что доброта, сочувствие и понимание — норма, а зло и одиночество — уродливое от нее отклонение» (Лотман 1995).

И именно этот «мир собственного детства» — таки не стал источником вдохновения для поэта. «[И хотя] в жизни дворянского ребенка Дом — это целый мир, полный интимной прелести, преданий, нити от которых тянулись на всю дальнейшую жизнь... наиболее разительной чертой пушкинского детства следует признать то, как мало и редко он вспоминал эти годы в дальнейшем» (Лотман 1995).

Причина лежит на поверхности. Отношения маленького Саши с матерью трогательными не назовешь. Надежда Осиповна Ганнибал была женщиной вспыльчивой и эксцентричной. Ее раздражала неуклюжесть,

рассеянность и неизысканная внешность ее старшего сына. «Прекрасная креолка» и «балованная» женщина (так ее характеризовали современники) едва ли была сокровищницей материнских добродетелей. В ее педагогическом арсенале были и «заговоры молчания» против сына едва ли не длиной в год, и наказания, когда она на целый день связывала руки за спиной у будущего поэта. Неудивительно, что А. С. Пушкин не посвятил ни одной ласковой строчки матери, по свидетельству пушкиноведов. Нам остается только спросить, а не одинаковую ли причину имеет «несостоявшееся детство», когда бы эта маленькая катастрофа не происходила — в дворянской ли среде XIX столетия, когда в связи с детством А. Пушкина Ю. Лотман говорит о материнском равнодушии и сосредоточенности на собственной персоне матери будущего великого поэта, или в эпоху постмодерна, когда, повторим вывод Ф. Дольто, взрослые стали инфантильнее и эгоистичнее детей?

Но именно великая природа детства в том и состоит, что дети сильнее чувствуют потребность не просто в родителях, а в любви к родителям. С годами, становясь взрослым, человек хочет как бы вновь иметь родителей, особенно эта потребность усиливается в тех случаях, когда он страдал от родительского непонимания в детстве. А. Пушкин не отплатил своей матери обидой и холодностью. С годами что он, что, кстати сказать, А. Чехов, сближаются: Чехов — с отцом, Пушкин — с матерью. Великодушие таланта как бы спасает и восстанавливает то, чего носители этого таланта лишены были по вине родителей в детстве. Восстанавливают и спасают обаяние человеческих отношений, не состоявшихся в детские годы. Пушкин особенно сблизился с матерью, когда она заболела в последний раз. Он был единственным членом семьи, кто сопровождал тело матери для погребения в Святогорский монастырь. Там же, рядом с могилой матери, Александр Сергеевич купил участок для себя.

Вот урок детства, как мы его (урок) читаем в биографиях писателей эпохи классической русской литературы. В природе нормального человека: если он не получил детства в нежные годы (по вине отца/матери), то в зрелый период испытывает потребность вернуть «заблудших родителей» в свое, уже взрослое, детство. Относительно Пушкина Ю. Лотман отмечает: ««Глубокой привязанности к родителям у Пушкина не было (особое спасибо Надежде Осиповне. — *А. Ш.*). Однако потребность в такой привязанности, видимо, была исключительно сильна» (Лотман 1995). И можно сказать, что это тот случай взрослого инфантилизма, который не имеет негативной коннотации.

10

Иван Бунин, автор нобелевского романа «Жизнь Арсеньева» — один из немногих русских писателей, кто построил на проникновенном воспоминании-воссоздании детства, как бы мы сейчас сказали, модель раннего существования человека, полную реальных противоречий, свободную от квазиромантических красок и в то же время воспроизводящую подлинность и сущность взрослеющего ребенка. В самом деле, опираясь и на собственный опыт, он увидел жизненный дебют очень трезво и без излишнего восторга, даже с опаской. Неопытность детской души — плохой страховый полис для ребенка. «Младенчество свое я вспоминаю с печалью. Каждое младенчество печально: скуден тихий мир, в котором грезит жизнью еще не совсем пробудившаяся для жизни, всем и всему еще чуждая, робкая и нежная душа. Золотое, счастливое время! Нет, это время несчастное, болезненно-чувствительное, жалкое» (Бунин 2003: 21). В этой связи поневоле вспоминается мандельштамовское: «О, как мы любим лицемерить / И забываем без труда / То, что мы в детстве ближе к смерти, / Чем в наши зрелые года».

Что поразило И. Бунина в собственном детстве? Речь идет по крайней мере о двух чертах детского сознания и самоощущения, которые, можно сказать, абсолютно и даже избыточно присутствуют на заре жизни, катастрофический дефицит которых наблюдается чаще всего в зрелые годы.

Первое — это украшение и *sine qua non* всякой «нормальной» (!) ранней юности. Это чувство трансцендентности бытия, чувство того, что жизнь не исчерпывается «этой» реальностью. Более того, именно такая «нездешность» (в пространстве) и это «прекрасное далёко» (во времени) держит ребенка в том важном состоянии, которое дает ему «звездный билет» в зрелость. Великая мысль всех трансцендеталистов от Августина Блаженного до Торо и Бердяева — только то, что выше человека, составляет собственно его сущность. Религиозно талантливый И. Бунин формулирует это в «Жизни Арсеньева» на свой лад: «Разве это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, “что Бог дал”, — только земля, только одна эта жизнь? Бог, очевидно, дал нам гораздо больше. Вспоминая сказки, читанные и слышанные в детстве, до сих пор чувствую, что самыми пленительными были в них слова о неизвестном и необычном. “В некотором царстве, в неведомом государстве, за тридевять земель... За горами, за долами, за синими морями... Царь-Девица,

Василиса Премудрая...»» (Бунин 2003: 33). Не сохраняя, утрачивая эту атрибутику открытости к «другому» бытию, человек обрекает себя на то, что «здесь» и «под руками», на то, что на философском языке, называется имманентностью, на социологическом — повседневностью, а на критическом языке — мещанством.

Второе — это особое чувство мобилизованности и тонуса, которое, по обыкновению, осознается как некая, почти счастливая выделенность себя в этом мире и непохожесть себя на это окружение. «Было чувство того, — пишет бунинский герой, — что у меня “все впереди”, чувство своих молодых сил, телесного и душевного здоровья, некоторой красоты лица и больших достоинств сложения, свободы и уверенности движений, легкого и быстрого шага, смелости и ловкости, — как, например, ездил я верхом! Было сознание своей юношеской чистоты, благородных побуждений, правдивости, презрения ко всякой низости» (Бунин 2003: 131). Эта тема «юношеской чистоты, благородных побуждений, правдивости, презрения ко всякой низости» проходила красной нитью через всю литературную ткань русских классиков XIX столетия. В этой связи о Гоголе и Белинском приходится говорить в первую очередь.

11

Гоголь нам оставил свидетельства своего понимания детства и юности как неких критериев, по которым мы можем судить о степени деградации человека в его взрослости. Николай Васильевич был чуть ли не убежден в непоправимости утрат, которым сопровождается обмен детства на эту взрослую жизнь, и именно под этим углом зрения смотрел на социальную историю России, воссозданную им в портретах господствующего (помещичьего) сословия. Кульминация эрозии человеческих качеств в «Мёртвых душах» — это, конечно, хрестоматийный Плюшкин, опустившийся в своем неадекватном стяжательстве и скудоумии до титула «прорехи на человечестве». Интересно при этом, что известный своей религиозностью Гоголь в оценке и осуждении наблюдаемого обращается в первую очередь не к словарю христианских заповедей и норм, а именно к критериям и достоинствам человека в его нежном возрасте. «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! <...> Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте

с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом!» (Гоголь 2000: 117).

Видно, что это «не подымете потом!» как некая неизбежность приводило Гоголя в отчаянное состояние. Ему начинало казаться, что «всем человеческим движениям», рождаемым детством, не вырваться из герметичного пространства жизни и естественный удел «человеческого в человеке» — это быть рассыпанными на тряской дороге «суровой ожесточающей» взрослости. «Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту: все равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишка, село ли, слободка, — любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд... Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность; моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! о моя свежесть!» (Гоголь 2000: 98).

В итоге можно сказать, что Николай Васильевич остается в раздвоенных чувствах. С одной стороны, мы слышим со страниц его бессмертной поэмы крик души, обращенный к молодости: постарайтесь не бросать, а взять во взрослую жизнь все самое лучшее, чем сопровождалось ваше детство. А с другой стороны, он как будто бы и сам не верит в эту возможность: силы не равны — проза, грубость и цинизм взрослой повседневности не нуждаются в «мире детства» будто бы за явной его непригодностью и ненадобностью. И здесь мы оставляем Гоголя в этом неразрешенном им самим сомнении, чтобы обратиться к В. Г. Белинскому, который, кажется, имел в этом отношении некоторое преимущество перед автором «Мертвых душ».

12

Это преимущество состояло в только в одном: Белинский был, как известно, сторонником гегелевской философии. А совсем не секрет, что идея «сущности», «нормальности», «подлинности», «универсальности», и в этом смысле «идеала», была и остается самой сильной характеристикой всей гегелевской философии. (Так получилось, что в последнее десятилетие своей жизни Белинский порвал с Гегелем, но этот разрыв шел по линии, которая не затрагивала наиболее ценного в гегелевском учении, тем более что и самый разрыв произошел,

честно говоря, из-за упрощенного и не вполне адекватного понимания «неистовым Виссарионом» знаменитой формулы Гегеля — «*Alles was ist, ist vernünftig*».) Как бы там ни было, но Белинский один из первых в русской литературе заговорил о детстве не столько на языке художественных образов, сколько выразил свою мысль о детстве философски и категориально. «Возраст мужества выше младенчества — нет спора, но отчего же звуки нашего детства, его воспоминания даже и в старости потрясают все струны нашего сердца и радостью и грустью?... Оттого, что младенчество есть необходимый и разумный период нашего существования, который бывает только раз в жизни и больше не возвращается... Это время нашего единства с природою, в котором так много простодушной и невинной любви; время нашего непосредственного сознания, в котором все было ясно, без тяжких дум и тревожных вопросов...» (Белинский 1954: 309, 310).

В этом определении, а лучше сказать, подходе к детству зафиксирован ряд важных и принципиальных положений. 1. Детство (точнее, воспоминание о нем, восприятие его субъектом детства) играет роль корректирующей самосоциализации взрослеющего человека. Проще говоря, природа детства такова, что воспоминание об этом возрасте как бы удерживает нас от худшего во взрослости. 2. Детство онтологически «есть необходимый и разумный период нашего существования». На этот счет сегодня найдено множество биолого-эволюционных, этологических, антропологических, психологических обоснований исключительной продолжительности и «качества» детства у человека как человека. 3. «Единство с природой», точнее, с миром, характеризует тот факт, что в детстве человек существует и ориентируется не через отчуждение себя в разных профессиях, институциональных состояниях и артефактах, а живет в согласии с миром, не принося в жертву свое «непосредственное» и «непринужденное» бытие этим поджидающим взрослого человека формам отчуждения.

Если Гоголь и другие русские писатели находят в детстве охранительный источник и спасительное средство от утраты человеческого в человеке, опираясь на этико-гуманистическую подоплеку человеческой драмы, то Белинский ставит, как мы видим, вопрос универсальнее и философичнее. Достаточно сказать, что он не попал в ловушку романтического искушения рассматривать детство как самостоятельный, независимый и герметически устроенный мир. (Между прочим, рецидив и следы этого «романтизма» мы наблюдаем и в сегодняшнем постмодернистском взгляде на детство.) В большой и философски глубокой статье «О воспитании детей» (1840) Белинский

начинает с главного, вокруг которого строится вся система суждений о ребенке: «Человек есть мир в малом виде, [есть] сущность и орган всего сущего» (Белинский 1987: 288, 298). Становление человеческим «зеркалом мира», этим *speculum mundi* и составляет онтологическую сущность детства как всякого жизненного дебюта: «...Оканчивается животное и начинается человек, вся жизнь которого, до поры полного мужества, есть ничто иное, как непрерывное формирование, делание, становление <...> полным человеком» (Белинский 1987: 288). Это «становление полным человеком» только для обывательского уха звучит пустой банальностью. На самом деле, этот «императив становления» имеет далеко не банальную «программу» реализации, именуемую собственно процессом воспитания в ребенке «человеческого». На языке классической философии всякое «развитие» предполагает, что вещь, предмет, субъект становится «равным самому себе», доразвивается до соответствия своему «понятию». «Назначение человека, — говорит в этом духе Белинский, — встать вровень с самим собой» (Белинский 1987: 295).

В этом доразвитии до самого себя, до «равенства с самим собой», до соответствия своему «понятию» нет ничего мистического и непонятного. Что главное в человеке по этой логике? В че-ло-ве-ке? — Человечность! Об этом же вещает и девиз всех времен и народов — «[Прежде всего] Будь человеком!» Белинский так и ставит вопрос: «...На родителях, на одних родителях лежит священнейшая обязанность сделать своих детей *человеками* (выделено нами. — А. Щ.), обязанность же учебных заведений — сделать их учеными, гражданами, членами государства на всех его ступенях. Но кто не сделался прежде всего человеком, тот плохой гражданин» (Белинский 1987: 295). Возможно, сегодняшнего опытного читателя удивит такое разделение труда в воспитательном деле, а главное — явное преувеличение родительских возможностей на все том же воспитательном поприще, но приоритет воспитания человеческого в человеке не должен нас смущать и удивлять. И этот приоритет остается в силе, независимо от того, на исполнение кому он в данный исторический момент возлагается: родителям или другому сообществу. «Первоначальное... воспитание, — настаивает Белинский, — должно видеть в дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человека, который мог бы быть тем или другим, не переставая быть человеком» (Белинский 1987: 298). Эта, по существу, гегелевская мысль настолько дорога Белинскому, что он повторит ее не раз: «Нравственное образование делает нас просто “человеком”, то есть существом, отражающим на себе отблеск

божественности и потому высоко стоящим над миром животным. Хорошо быть ученым, поэтом, воином, законодателем и проч., но худо не быть при этом “человеком”; быть же “человеком” — значит иметь полное и законченное право на существование и не будучи ничем другим, как только “человеком”» (Белинский 1948: 456).

Наш знаменитый литературный критик на вполне доступном человеческому пониманию языке делает разъяснение, как понимать это «общечеловеческое», — разъяснение это читатель найдет в цитируемой работе Белинского, к которой собственно и приходится отослать читателя по причине, обусловленной только размерами данной статьи. Здесь же остается только сказать, что если формирование общечеловеческого в человеке (ребенке, в первую очередь) ставится под сомнение, чем грешит наша постмодернистская эпоха, сделавшая категорию общечеловеческого предметом иронии и даже отрицания, то это не может не обернуться источником наблюдаемых симптомов кризиса теперешней цивилизации.

13

Читатель, знакомый с русской художественной литературой, посвященной детству, возможно, обратил внимание, что здесь жизнь ребенка изображается в особом разрезе. О ребенке речь идет с позиции не «третьего», а «первого» лица. Этот подход всегда позволяет автору увидеть своего маленького героя не просто как объект писательского наблюдения, а скорее как субъекта, драматично сталкивающегося с миром взрослых и открывающего не только этот взрослый мир, но и себя в нем. Скажем больше, самовосприятие себя у ребенка, а затем и восприятие своего детства у взрослого понимается писателем как активный инструмент формирования и совершенствования человеческим субъектом самого себя.

Конечно, и у русских писателей и поэтов присутствует понятное и традиционное восприятие детей в качестве объектов, испытывающих на себе воздействие окружающей среды — воздействие, которое часто ущемляет и оскорбляет детство и поэтому вызывает авторское сочувствие: Некрасов, Достоевский, Короленко, Куприн, Мандельштам, Цветаева. Однако, повторим, уникальный вклад русской художественной мысли состоял не только в изображении детства как «реальной утопии», полной восторга, свободы и непосредственности (Аксаков, Гарин-Михайловский, Алексей Толстой), но и как того жизненного пространства и времени, когда детство для ребенка становится «фактором

его самого», или, выражаясь наукообразно, а значит, и несколько громоздко: «собственное детство человека как фактор его (человека) самосоциализации». И здесь непревзойденный авторитет среди классиков русской литературы — это, конечно, Лев Толстой.

Читатель, не искушенный в лабиринте художественной мысли Л. Толстого времен написания повестей «Детство», «Отрочество», «Юность», легко может стать жертвой обманчивого впечатления. Может показаться, что эти повести продолжают обычную жанровую линию историй о первых жизненных впечатлениях растущего ребенка. Повествования Л. Толстого, действительно, полны искреннего восхищения детством своего героя. «...Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не делять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений...» (Толстой 1970: 48). Писатель пытается даже предметно определить и перечислить причины восторга от подобных реминисценций. «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни» (Толстой 1970: 48).

При этом Л. Толстой отдал дань своего художественного внимания и той важной и достойной мысли о том, что детство по-человечески значимо, естественно, не только для ребенка, но и для взрослого (который по определению уже расстался со своим нежным возрастом). Тема эта более привычно выражается императивом «быть родом из детства». В дневниках более позднего периода Лев Николаевич запишет: «От пятилетнего ребенка до меня только шаг» (цит. по: Шкловский 1967: 58). Многие люди действительно отмечены этим «вечным детством», но осознают этот «человеческий капитал» чаще всего в зрелые годы. У Л. Толстого не так. Это осознание случилось у него довольно рано (что, по-видимому, должно доказывать всю глубину преданности детству). В повести «Юность» он оставляет важное свидетельство: «Я убежден в том, что ежели мне суждено дожить до глубокой старости и рассказ мой догонит вой возраст, я стариком семидесяти лет буду точно так же невозможно ребячески мечтать, как и теперь» (цит. по: Шкловский 1967: 58).

Как бы там ни было, принципиально важно отметить одно — из факта «вечного детства» всегда вытекает совсем не слабое следствие: сохраненное в душе взрослого детство выступает как прививка

от многого дурного, приобретаемого нами, взрослыми, по ходу земного путешествия.

Следует признать, однако, что многое из перечисленного было так или иначе знакомо русским литераторам и раньше и выражено в их произведениях: и у С. Т. Аксакова, и у Н. В. Гоголя, и у И. А. Бунина, у многих других отечественных авторов. Тем не менее В. Шкловский в этой связи отмечает справедливо важную особенность толстовского освещения темы детства. «В то время многие люди писали или собирались писать детство, проверяя жизнь свежими глазами детей <...> Лев Николаевич задумал шире, не описание детства, а 4 эпохи развития» (Шкловский 1967: 136). Здесь важно именно слово «развитие». В. Шкловский с абсолютной точностью это отмечает: «Толстой больше всего дорожит способностью человека изменяться и, таким образом, духовно расти» (Шкловский 1967: 142).

С кодовым понятием «развитие» мы вступаем в мир Льва Толстого. «Развитие» у автора «Детства» никогда не означало банальную «мелиорацию/усовершенствование» личности в духе дурной бесконечности, где «лучшее есть враг хорошего». «Развитие» у Л. Толстого, действительно, нечто иное, это — «саморазвитие» в буквальном смысле, когда ребенок совсем не прямой продукт или жертва обстоятельств, а скорее существо, становящееся самим собой через преодоление этих обстоятельств. Юный герой толстовской трилогии составляет «Правила жизни»: «Разделив свои обязанности на три рода: на обязанности к самому себе, к ближним и к Богу... Я взял шесть листов бумаги, сшил тетрадь и написал сверху: “Правила жизни”» (Толстой 1970: 197).

Непременность развития ребенка давно подчеркивается современной психологией. В этом отношении примечательно, что установка Л. Н. Толстого на развитие, прежде всего как развитие не столько «внешними» силами, а силами самой личности, то есть как саморазвитие, замечательно подтверждается все той же современной психологией. В отечественной психологии эту тему постоянно артикулировала и разрабатывала Лидия Божович (1908–1981). Согласно ее представлениям, в психологии формирования личности в детский период следует подчеркнуть значимость понятия «внутренней логики»: одно дело, когда речь идет об опосредствовании, преломлении внешнего внутренним, и другое, если мы исходим из признания собственной логики развития «внутреннего» (Божович 2008: 37).

Развитие личности ребенка устремлено к такому «новообразованию», как «способность к самоопределению, рождающаяся потребность понять самого себя, свои возможности, свое место в настоящей

и будущей жизни». Или, что то же самое: личность, с точки зрения Л. Божович, это особое психическое образование, которое выполняет среди прочих и такую функцию — освобождает человека от непосредственного влияния окружающей среды и позволяет ему не только приспосабливаться к ней, но и сознательно преобразовывать и ее, и самого себя.

Лев Толстой, вспоминая себя в детстве и вкладывая в слова Николеньки Иртеньева (этого alter ego самого писателя) ту озабоченность, в которой как раз отражены поиски абсолютной опоры (совершенства), что позволяло бы выстоять и против собственных слабостей и искушений, и против далеко несовершенных обстоятельств жизненной повседневности. Это состояние Толстой называет «внутренним голосом», который современный психолог с полным основанием мог бы назвать «строительным инструментом личности»: «Этот-то голос раскаяния и страстного желания совершенства и был главным новым душевным ощущением в ту эпоху моего развития, и он-то положил новые начала моему взгляду на себя, на людей и на мир божий. Благой, отрадный голос, столько раз с тех пор, в те грустные времена, когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата, вдруг смело восстававший против всякой неправды, злобно обличавший прошедшее, указывавший, заставляя любить ее, ясную точку настоящего и обещавший добро и счастье в будущем, — благой, отрадный голос! Неужели ты перестанешь звучать когда-нибудь?» (Толстой 1970: 193). Надо сказать, что звучание «внутреннего голоса», чаще всего не потворствующего человеческим прихотям и удерживающего человека от них, — это старый сюжет, известный с античных времен. Сократ говорил о своих «внутренних голосах» — «даймонах», которые отговаривали его, Сократа, от многих (надо понимать, не идеальных) поступков, о чем он, по признанию философа, естественно, никогда не жалел.

В связи с этим пора отметить (а точнее, закончить мысль, начатую чуть выше), что очарование «совершенством», «красотой», «счастьем», «добродетелью», открывшееся ребенку как откровение, совсем не обязательно должно было делать молодого Иртеньева человеком твердым и целеустремленным в осуществлении и поддержании этих нравственных «правил жизни». Более того «другая жизнь» с ее пошлостью и низостью продолжала крепко владеть сознанием и желаниями молодого героя повестей Льва Толстого. «Все мне говорило про красоту, счастье и добродетель, говорило, что как то, так и другое легко и возможно для меня... Как мог я не понимать этого,

как дурен я был прежде!... — говорил я сам себе. — Надо скорей, скорей, сию же минуту сделаться другим человеком и начать жить иначе. Несмотря на это, я, однако, долго еще сидел на окне, мечтая и ничего не делая» (Толстой 1970: 215). Или в другом месте: «но жизнь моя шла все тем же мелочным, запутанным и праздным порядком <...> когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата» (Толстой 1970: 216).

Беря за основу «внутренний поток сознания» героя толстовской трилогии, можно видеть весь внутренний механизм «самокоррекции», «диалектики души», по хрестоматийному выражению Н. Чернышевского, когда этот герой проходит все этапы «недовольства собой». И главный из них — это нарастающее ощущение того, что «наедине с самим собой» ты лучше, чем когда ты уступаешь (по безволию, некритически подражая и т. д.) развязному и циничному окружению. Последующее переживание от посрамления своего «идеального Я» и признаки самокритики — вот примерный маршрут «нравственного совершенствования», который читатель наблюдает, читая «Детство», «Отрочество», «Юность» Толстого. Тот же читатель может вполне найти сходство и с коллизиями собственного пубертата, что, собственно, говорит о некоторой универсальности этого маршрута, идущего «родом из детства» и одновременно — о глубокой художественной реалистичности великого русского писателя. Остается только добавить, что случай (кейс) юного Толстого-Иртеньева более сложен по той причине, что герой попадает в «самоловушки», самой коварной из которых оказалось понятие «*comme il faut*» — «понятие, которое в моей жизни, — рассказывает главный персонаж Толстого, — было одним из самых пагубных, ложных понятий».

Коварство и соблазнительность феномена «комильфо» состояло, если можно так выразиться, в его обратной, или негативной, универсальности. Для молодого Иртеньева-Толстого «комильфо» было не столько банально-конформистским «как следует, как надо, подобающим образом», а скорее, наоборот: «быть отличным от обыденного, заурядного, рутинного, повседневного». В этом смысле не будет большой натяжкой, если это толстовское «*comme il faut*» сравнить с ницшевским «*Übermensch*». Толстой сам дает основание так думать.

В частности: «Главное зло состояло в том убеждении, что *comme il faut* есть самостоятельное положение в обществе, что человеку не нужно стараться быть ни чиновником, ни каретником, ни солдатом, ни ученым, когда он *comme il faut*; что, достигнув этого положения, он уж исполняет свое назначение и даже становится выше большей части

людей». У Ницше («Так говорил Заратустра») прозвучала очень модная и по-декадентски крутая мысль: человек — это то, что человек должен в себе преодолеть! Конечно, «комильфо» — это не «сверхчеловек», но какой-то родственный дух высокомерного отчуждения от мира сложившихся человеческих профессий, занятий и забот в психологии человека-комильфо молодому Толстому-Иртеньеву импонировал или мог импонировать.

Но в том-то и состоял «казус» Толстого, что сократовские «голоса» и «даймоны» детства удерживают взрослеющего Николеньку Иртеньева от соблазнительных путей «comme il faut» / «Übermensch». Можно сказать, что этот решающий этап в формировании духовной прочности и самостоятельности личности у героя перечисленных повестей Толстого идет под эгидой хорошо и давно сформулированного императива — «Будьте как дети!». На всякий случай для сердитого и придиричивого читателя отметим. Не сказано: «Будьте детьми». Сказано: «Будьте как дети». Разница огромная.

Заметим, что Ницше характерно обозначает зрелую стадию развития человеческого духа выражением «ребенок», которому якобы предшествует фаза «верблюда» (символизирует выносливость и нагруженность жизни в условиях повседневной несвободы и требования «ты должен»), а далее дух может достичь стадии «льва», подозрительно похожей на то, что действительно напоминает нам привычного «сверхчеловека» с его главным принципом «я хочу», который, впрочем, не дает еще настоящую внутреннюю свободу. Другое дело стадия «ребенок», которую Ницше зашифровывает практически буддистским кодом: «дитя» — это невинность и забвение, новое начинание и игра, колесо, катящееся само собою, первое движение, священное «да». В интересующем нас аспекте обращает на себя внимание характеристика человека на этой стадии как «самокатящееся колесо». См. выше: Л. Божович, которая говорит о зрелой стадии психологического развития, которая «освобождает человека от непосредственного влияния окружающей среды и позволяет ему не только приспособливаться к ней, но и сознательно преобразовывать и ее, и самого себя» (Божович 2008: 141).

К этому стоит добавить, точнее повторить, что именно Лев Николаевич Толстой, как никто другой, показал, что отношение человека к опыту своего детства как ценности играет колоссальную роль в самоформировании личностной зрелости и адекватности. Присутствие «детства» в сознании и в психологии подрастающей личности интимно и авторитетно ориентирует ребенка на идеальные,

романтические и в этом смысле по-настоящему человеческие паттерны поведения и общения в социуме. То же присутствие «детства» в сознании и психологии взрослого играет роль мягкой силы — внутреннего голоса совести, морали и самокритики, этих великих и умных друзей взрослого человечества.

14

Многое познается в сравнении. Поэтому в заключение неспроста напрашивается сравнение темы детства, как она получила осмысление и отражение в русской художественной литературе и литературе западной. Исчерпывающе на этот вопрос, конечно, не ответишь. Но это не повод не попробовать сказать о том, что лежит хотя бы на поверхности.

Легко бросается в глаза, что там и здесь присутствует благородная интенция защитить детство и вызвать к нему сочувствие в самых неблагоприятных для этого детства временах и ситуациях: В. Блейк, Ч. Диккенс, М. Твен и др. — на Западе, и А. Чехов, В. Короленко, М. Горький и др. — в России. Определенное единство подходов можно отметить и тогда, когда на Западе в эпоху сентиментализма и романтизма (конец XVIII — начало XIX века) на детство стали смотреть не как на период подготовки к взрослой жизни, а как на самобытный и самоценный мир, не сводимый ни к какой взрослости: И. Гёте, Р. Вордсворт, Новалис, тот же У. Блейк и др. До определенной степени аналогичную реплику романтизма с поправкой на ее более позднее появление мы встречаем и в русской литературе: Аксаков, Гарин-Михайловский, А. Толстой и др.

Но, может быть, это не самое лучшее, что достойно повторения. На Западе такая романтизация детства выродилась в постмодернистскую инфантилизацию взрослых и эгоистическое потребление детства. В наше время кому-кому, а детям не позавидуешь (см неоднократно цитируемое сочинение Ф. Дольто «На стороне ребенка»). В то же время на Западе была и другая философия детства, идущая от эпохи просвещения — прежде всего «кейс» Ж.-Ж. Руссо, которого западные авторы, пишущие в парадигме постмодернистского гендера и феминизма, третируют как сеющего зло, идущего от «прогрессизма» и «рационализма» эпохи Просвещения.

В русском художественном сознании была и другая линия, которая, как мы видим, продолжала лучшие традиции европейской духовной культуры и в этом сюжете — мир детства в его подлинных проблемах

и по своей подлинной природе. И этой позиции придерживался и литературно воплощал ее Лев Толстой. Ложная, экзальтированная интенция и патетика прошлого романтизма/сентиментализма и нынешнего постмодернизма продлить, то есть законсервировать детство идет против сущности детства. Ребенок — это развитие. Взрослые так интенсивно не развиваются. Сам по себе термин «развитие» ни о чем не говорит. Развитие — это всегда «развитие к...». Развитие к зрелости. «Вещи нет, когда она начинается» (Гегель). Жизнь ребенка движется не от детства к зрелости (взрослые часто суть «плохие дети»), а от детства — к зрелости. «Взрослость» здесь не кодовое слово. Цель/интенция — зрелость. И в этой зрелости всегда найдется и детство, если развитие шло нормально, диалектически, ничем не искажалось, даже если оно шло не благодаря, а вопреки. Л. Толстой не только художник такого развития в детстве, но и его протагонист.

И теперь в качестве иллюстрация вышеназванного сравнения зададимся вопросом, как литературно выглядит «век нынешний и век минувший» все в том же аспекте — в разрезе детства. О русской литературной классике в объеме данного исследования говорилось достаточно. Попробуем препарировать самый шемящий, искренний и предельно откровенный опус о детстве, написанный в XX веке исповедально и от первого лица. Речь идет о повести Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Но прежде напомним как бы неоспоримое. Изображение мира детства в художественной литературе часто, если не всегда, выполняет и свою латентную задачу. Не прибегая к слишком знакомым и недорогим сентенциям о том, что устами младенца глаголет истина, скажем проще и очевиднее: дети имеют привилегию быть критерием в оценке успехов или, наоборот, деградации общества взрослых.

Ф. Достоевский, например, берясь за написание романа «Идиот», по его собственным словам, имел в виду, что «главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека». Симптоматично, что выбор автора выпадает на князя Льва Николаевича Мышкина, которого окружающие его люди воспринимают как «большого ребенка». Характерно, что и сам князь после лечения в швейцарской психиатрической клиники так себя и аттестует: «Я только что вернулся от детей к вам, взрослым».

Можно сказать, что петербургский свет, как он представлен семьей и салоном генерала Епанчина, увидел в князе Мышкине своё отражение. Сам же герой Достоевского никого не бичует (как, например, Чацкий у Грибоедова). Да он и не может это сделать по причине

своей детскости и непреходящей наивности. Но эффект налицо — и в рамках драматургии романа, и в рамках читательского интереса. На симпатии и сочувствии к «вечному ребенку» и строится доверие к правде князя Мышкина. У читателя романа «Идиот», написанного в эпоху расцвета русской классической литературы, даже не могло возникнуть подозрение, что «казус» князя Мышкина не натурален, носит искусственный характер и отражает, якобы, фантазийный и капризный мир представлений Достоевского на тот период времени.

Иное дело тема подростка в «неклассической» литературе. Перед писателями, берущимися за тему детства, соблазнительно возникает искушение облегчить свою задачу. Детством литературно злоупотребляют, его упрощают, его делают средством авторского, как сейчас говорят, самопиара. В этом-то пункте и расходятся самые сильные примеры художественного осмысления детства в русской традиции (Толстой, Достоевский, Чехов) и отнюдь не слабые в замысле и исполнении вещи у современных авторов — как, например, у Дж. Сэлинджера.

«Над пропастью во ржи» (1951) — это несомненно культовая вещь, находится в списке 100 лучших англоязычных романов, издана практически на всех языках мира многомиллионными тиражами. Время, описываемое в повести, послевоенное, полное ожидания и возможности жить по всем стандартам «общества благополучия». Америка отстраивалась своими пригородами уютных семейных коттеджей. Однако герой Сэлинджера 15-летний Холден Колфилд в явном неладу с современной ему реальностью.

Повесть Сэлинджера слишком хорошо знакома читателю, и не одно поколение было под гипнотическим впечатлением честных признаний юного Колфилда от встреч и общения со своими сверстниками и взрослыми. Отмечено многими, что с первых страниц повести поневоле проникаешься сочувствием к неприкаянной душе героя. Кульминации симпатия к юноше достигает, кажется, в тот момент, когда он буквально исповедуется о своем единственном и главном желании в этом мире: «Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей... А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребятшек, чтобы они не сорвались в пропасть» (Сэлинджер 2013). Многие читатели так и остаются на долгие годы под сильным впечатлением от этого романтического и глубокого порыва главного героя в повести Сэлинджера.

Но многие читатели со временем отмечают и другое. Совсем другое. Странности и нестыковки начинаются, когда повнимательнее прислушиваешься к многочисленным и словоохотливым репликам молодого Колфилда, по которым легко прочитывается жизненное «кредо» героя — полный пофигизм и такое же полное презрение к современным ему американцам — сверстникам и взрослым. Зашкаливающая мизантропия старшекласника, не знающая никаких оттенков и исключений. Колфилд разговаривает с подружкой Салли: «С тобой случается, что всё осточертевает? <...> Скажи, ты любишь школу, вообще всё? <...> А я ненавижу. Господи, до чего я всё это ненавижу. И не только школу. Всё ненавижу ... Ты бы поучилась в мужской школе... Сплошная липа. И учатся только для того, чтобы стать какими-нибудь пронырами, заработать на какой-нибудь треклятый “кадиллак”... А целые дни только и разговору что про выпивку, девочек и что такое секс... Попробуй с кем-нибудь поговорить по-настоящему».

«В общем я рад, что изобрели атомную бомбу. Если когда-нибудь начнётся война, я усядусь прямо на эту бомбу. Добровольно сяду, честное благородное слово».

Читая подобные ламентации, идущие от рассерженного ребенка по имени Холден Колфилд и его alter ego, растерянного писателя по имени Джером Сэлинджер, более искушенный читатель вспомнит модные филиппики против капитализма, которыми полны были песни и проза битников 1950-х и хиппи 1960–70-х годов. Эти «романтические» настроения немало поэксплуатировали и собственно социальные критики позднее. Конечно, капитализм заслуживал и всегда заслуживает критики. Но реализовались ли самые мрачные прогнозы? Где, к примеру, «одномерный человек», которым грозил в свое время Г. Маркузе, «толпа одиноких» Д. Рисмена, «восстание масс» Ортеги-и-Гассета, «фашизм с человеческим лицом» С. Зонтаг, «дивный новый мир» О. Харсли, «новое средневековье» Р. Ваки и т. д.?

Это, правда, жизнь пугает нас опасными трендами, затянувшись социальными и культурными девиациями. Но, как говорили классики, за всякий прогресс приходится платить. Однако считать, что всякие небезопасные тренды и девиации социума должны вызывать у мыслителя и писателя пожизненное и абсолютное отвращение к цивилизации — по меньшей мере предательство своей профессии, профессии мыслителя и писателя. К Дж. Сэлинджеру это имеет прямое отношение.

«Другое я» Сэлинджера — закомплексованный, обозленный на «все без разбора», на сверстников, на этих «двоюродных подонков», 15-летний Колфид, — конечно, вызывает и сочувствие. Действительно, как жить в такой шкуре? Но на этом сочувствие и соболезнование заканчиваются. Что-то в нормальном читательском восприятии сопротивляется такой оценке. «Меня тошнит», «меня чуть не стошнило», «я в плохом состоянии, я в ужасном состоянии», «я чувствовал, что начинаю ее ненавидеть», «такого скопления подлецов я в жизни не встречал», «меня до смерти раздражает» — «маленькие шедевры» безответственной и отвязной мизантропии рассыпаны плотным рефреном по всем страницам этого культового бестселлера.

Повесть называется «Над пропастью во ржи». Ржаное поле не огорожено и опасно подступает к обрыву над пропастью. В поле до самых сумерек бегают заигравшиеся дети, не чуя беды. Читатель знает, что Холден, по его же словам, хочет «ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть»! Но читателю не надо быть слишком внимательным, чтобы прочесть и другое. Прочесть то, что, кажется, более соответствует *ide fixe* героя: «Тут я сел на скамью. Я задышался, пот с меня лил градом. Просидел я на этой скамье, наверно, около часа. Наконец, я решил, что мне надо делать. Я решил уехать. <...> ...Выйду на шоссе и буду голосовать, пока не уеду далеко на Запад. <...> Я подумал, что легко найду работу на какой-нибудь заправочной станции. <...> В общем, мне было все равно, какую работу делать, лишь бы меня никто не знал, и я никого не знал. Я решил сделать вот что: притвориться *глухонемым* (выделено мной. — А. Ш.). <...> ...Потом построю себе на скопленные деньги хижину и буду там жить до конца жизни. <...> ...А позже я, может быть, встречу какую-нибудь красивую глухонемую девушку, и мы поженимся. <...> Если пойдут дети, мы их от всех спрячем».

Может быть, для читателей на рубеже 1950-х этот романтический эскапизм был еще как-то элегически и снисходительно терпим, то позднее эта практика хиппи-коммун и религиозного сектантства, доходящая до коллективного изуверства, экзистенциально исчерпала себя, морально дискредитировала, а в отдельных случаях и криминализировалась. Сам Сэлинджер, подражая своему герою, повторим, своему «другому я», в самопотворстве «романтическому эскапизму» так далеко не пошел. Но и мечта Холдена спасти детей на краю пропасти так и осталась (по воле автора) красивым, но одиноким и беспомощным эпизодом в намерениях героя. Повесть, скорее, следовало бы, если держаться ее сюжета и логики, назвать как-то вроде «Изображая

глухонемого». В довершении этой истории Сэлинджера-Холдена остается только добавить, что сам автор дожил до 91 года, вел заворнический образ жизни, практически ничего больше не писал, при этом не опровергал слухов, что он будто бы готовит большое сочинение и что даже порой пишет под чужим именем. Говорят, что все-таки послал он нечто своему издателью в Нью-Йорк, на что тот лаконично ответил: «Джером, оставайся лучше легендой». Кроме того, надо думать, под влиянием нарциссической влюбленности в свою повесть не разрешил при жизни экранизировать свое произведение. И еще был невыносимым деспотом в семье. Пять раз женат, причем каждая последующая жена все моложе и моложе нашего литературного ветерана, последняя подруга — на 50 лет. Дочь и жертва домашнего воспитания Джерома Сэлинджера (лечившего детей рецептами восточной медицины и гомеопатии, при этом не всегда удачно, но всегда державшего своих отпрысков в ежовых рукавицах) Маргарет Сэлинджер после смерти отца выпустила книгу «Мой папа — ограниченный и жалкий человек» (Сэлинджер 2000: 11).

Портрет отчаянного и беспомощного бунтаря «о 15-ти лет», нарисованный Джеромом Дэвидом Сэлинджером, здесь приведен для сравнения с тем, как тот же мир детства был «реконструирован» и дан читателю русскими писателями в классическую эпоху отечественной литературы середины и конца XIX столетия. Конечно, разницу представлений можно списать на разницу эпох. Но это будет, похоже, слишком поверхностный ответ. Подлинная разница — в понимании самой природы детства. В одном случае (Л. Толстой, Гоголь, Достоевский и др.): ребенок — это тот субъект, который, вступая в мир, органически полон тех способностей и характеристик, которые потенциально составляют, так сказать, цивилизационный профиль/норматив взрослого человека, равно как и «неуронившего себя» социума — социума, соответствующего своему «понятию», или «человеческому» определению. С другой стороны (Дж. Д. Сэлинджер): подросток — это уже исчерпавшая себя субстанция детства, — ребенок, добровольно променявший идею «развития» и «сопротивления» на недорогой и удобный «внутренний капитал» — мизантропию и ненависть.

Можно ли считать Сэлинджера писателем-реалистом? Вспомним, у него ребенок говорит: «Господи, до чего я все это ненавижу. И не только школу. Все ненавижу». С любым ребенком может

случиться истерия и даже приступы бешенства, но если юный герой так ровненько и с готовностью находится в состоянии ненависти ко всему — это не реализм и не художественное исследование детства. Это — тот конструктивизм и произвол, который характерен для сугубо модернистской/постмодернистской литературы. Когда таким путем пытаются воспроизводить и анализировать детство, то результаты могут быть самыми экстравагантными. Возьмите роман У. Голдинга «Повелитель мух». Если еще понятна формула «взрослые — это плохие дети», то вывод, вытекающий из романа У. Голдинга, о том, что дети — это еще более опасные и гнусные существа, чем взрослые, — этот вывод, сделанный в порыве особого литературного изыскательства, уже сам по себе настолько извращает смысл и природу феномена ДЕТСТВА, что и ставит на этом феномене жирный крест. Или, как говорили в подобных случаях римские ораторы: *Nec plus ultra*.

Источники

- Белинский В.* Собр. соч.: В 3 т. — М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948.
- Белинский В.* Общая идея народной поэзии // Белинский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — Т. 5.
- Белинский В.* О воспитании детей вообще и о детской книге // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. — М.: Педагогика, 1987.
- Божович Л.* Личность и ее формирование в детском возрасте. — СПб.: Питер, 2008. — 398 с.
- Бунин И.* Избранные сочинения. — М.: Олма-Пресс, 2003. — 831 с.
- Гоголь Н. В.* Мертвые души: главы из поэмы. — М.: АСТ; Астрель; Олимп, 2000. — 235 с.
- Дольто Ф.* На стороне ребенка. — СПб.: Петербург-XXI век, 1997. — 526 с.
- Ермилов В.* Антон Павлович Чехов: 1860–1904. — М.: Молодая гвардия, 1951. — 432 с.
- Истомина О., Майтиль Е.* Социализирующие функции современного института семьи // Семья в современном мире: Материалы Всероссийской научной конференции. — СПб.: Реноме, 2019.
- Кислов А.* Оправдание детства как феномен культуры: философский анализ: Автореф. дис ... д-ра филос. наук; 09.00.2013. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 46 с.
- Кон И.* Ребенок и общество. — М.: Наука, 1988. — 269 с.
- Коткин Дж., Сигел Г.* Куда делись все дети? (2013) // Интернет-проект ИноСМИ.RU. — URL: <https://inosmi.ru/usa/20130220/206117758.html> (дата обращения: 21.12.2020).

- Лоренц К. Кольцо царя Соломона. — М.: Знание, 1978. — 208 с.
- Лотман Ю. Пушкин: Биограф. писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; Евгений Онегин: Комментарий. — СПб.: Искусство-СПБ, 1995. — 845 с.
- Платонов А. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов. — М.: Время, 2010. — 544 с.
- Сэлинджер М. Мой папа ограниченный и жалкий человек // Огонек. — 2000. — № 39. — С. 11.
- Чехов А. П. Письма // Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М.: Наука, 1976. — Т. 3. — С. 173–174.
- Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. — New York: Basic Books, 1976.
- Lasch Ch. The Culture of Narcissism. — New York.: Norton, 1979.

References

- Belinskiy V. *Sobranie sochineniy: V 3 t. [Collected works, In 3 vols]* Moscow, OGIZ, GIKL, 1948. (In Russian)
- Belinskiy V. Obshchaya ideya narodnoy poezii [General idea of folk poetry]. *Belinskiy V. Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t. [Complete Works, In 13 vols]*. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1954, vol. 5. (In Russian)
- Belinskiy V. O vospitanii detey voobshche i o detskoj knige [On the upbringing of children in general and the children's book]. *Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii pervoy poloviny XIX [Anthology of pedagogical thought in Russia in the first half of the 19th century]*. Moscow, Pedagogika, 1987. (In Russian)
- Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York, Basic Books, 1976.
- Bozhovich L. *Lichnost' i ee formirovaniye v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]*. Saint Petersburg, Piter, 2008, 398 p. (In Russian)
- Bunin I. *Izbrannyye sochineniya [Selected Works]*. Moscow, Olma-Press, 2003, 831 p. (In Russian)
- Chekhov A. P. Pis'ma. *Chekhov A. P. Poln. sobr. soch.: V 30 t. [Complete Works, In 30 vols]*. Moscow, Nauka, 1976, vol. 3, pp. 173–174. (In Russian)
- Dol'to F. *Na storone rebenka [On the side of the child]*. Saint Petersburg, Petersburg-XXI century, 1997, 526 p. (In Russian)
- Ermilov V. *Chekhov: 1860–1904 [Chekhov 1860–1904]*. Moscow, Young Guard, 1951, 432 p. (In Russian)
- Gogol' N. V. *Mertvye dushi: glavy iz poemy [Dead souls: chapters from a poem]*. Moscow, AST; Astrel'; Olimp, 2000, 235 p. (In Russian)
- Istomina O., Maypil' E. Sotsializiruyushchie funktsii sovremennogo instituta sem'i [Socializing functions of the modern institution of the family]. *Sem'ya v sovremennoy mire: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Family in the modern world]*. Saint Petersburg, Renome, 2019. (In Russian)
- Kislov A. *Opravdaniye detstva kak fenomen kul'tury: filosofskiy analiz: Avtoreferat dissertatsii ... doktora filos. nauk [Justification of childhood as a cultural phenomenon: philosophical analysis: Author's abstract. dis. ... Dr. Philos. Sciences]*; 09.00.2013. Yekaterinburg, Ural University Publ. House, 2002, 46 p. (In Russian)
- Kon I. *Rebenok i obshchestvo [Child and Society]*. Moscow, Nauka, 1988, 269 p. (In Russian)

Kotkin Dzh., Sigel G. Kuda delis' vse deti? (2013) [Where did all the children go?]. *Internet-proekt InoSmi.RU* [*The Daily Beast*]. URL: <https://inosmi.ru/usa/20130220/206117758.html> (access date: 21.12.2020). (In Russian)

Lasch Ch. *The Culture of Narcissism*. New York, Norton, 1979.

Lorents K. *Kol'iso tsarya Solomona* [*Ring of the King Solomon*]. Moscow, Znanie, 1978, 208 p. (In Russian)

Lotman Yu. *Pushkin: Biografiya pisatelya* [*Biography of the writer*]. Saint Petersburg, Art-SPB, 1995, 845 p. (In Russian)

Platonov A. *Smerti net! Rasskazy i publitsistika 1941–1945 godov* [*There is no death! Stories and journalism in 1941–1945*]. Moscow, Vremya, 2010, 544 p. (In Russian)

Selindzher M. *Moy papa ogranichennyy i zhalkiy chelovek* [*My dad is a limited and pitiful person*]. *Ogonyok*, 2000, no. 39, p. 11. (In Russian)

Щелкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Shchelkin Alexander G., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Leading Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science.
evropa.ru@gmail.com.

С. В. ЛУРЬЕ

**«МНОГОКРОВКИ»: ОСОБЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ «ТЯГУБЯ» —
ПОТОМКОВ ОТ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКОВ
РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ**

Имеются некоторые общие особенности самоидентификации потомков от межэтнических браков. Однако у каждого народа его «метисы» обладают характерными чертами. Мы сопоставим потомков от смешанных браков представителей ряда народов, основываясь как на публикациях некоторых российских авторов, так и на примере нашего собственного анализа нарративов потомков от смешанных браков российских корейцев — тягубя. Характерной особенностью тягубя является то, что они редко приписывают себя однозначно к русским или корейцам, а также редко имеют космополитическую самоидентификацию. Скорее надо выделить два типа самоидентификации полукорейцев, которые можно определить как позитивную и негативную. Тягубя либо подчеркнуто не относят себя ни к тем, ни к другим — ни к корейцам, ни к русским, либо относят себя сразу и к тем, и к другим, называя себя «многокровками», впитывающими и каким-то особым образом преломляющими в себе две столь различные культуры.

Ключевые слова: межэтнический брак, потомки от межэтнических браков, этническая самоидентификация, ассимиляция.

LOURIÉ SVETLANA V.

**“MULTIBLOODS”: A FEATURE OF THE FORMATION
ETHNIC IDENTITY “TYAGUBYA” — DESCENDANTS FROM
INTER-ETHNIC MARRIAGES OF RUSSIAN KOREANS**

There are some common features of self-identification of descendants from interethnic marriages. However, each nation has its own characteristics for the “mestizo”. We will compare the descendants from mixed marriages of representatives of a number of peoples. We have used publications of some Russian authors, as well as our own analysis of stories of descendants from mixed marriages of Russian Koreans — “tyagubya”. A characteristic feature of tyagubya is that they rarely identify themselves unambiguously as Russians or Koreans, and also rarely have a cosmopolitan self-identification. Rather, two types of self-identification of half-Koreans should be distinguished, which can be defined as positive and negative. Tyagubya either categorically does not refer

to themselves as either Koreans or Russians, or they refer to both at once, calling themselves “multibloods”, absorbing and refracting in a special way two very different cultures.

Keywords: interethnic marriage, descendants from interethnic marriages, ethnic self-identification, assimilation.

«Я метис, отлично мне живется. И многочисленным знакомым полукровкам тоже. Этот мир будет наш! И совершенно непонятно, зачем нас так дефицитарно “полукровками” принято звать. Многокровки мы», — утверждает девушка со смешанной русско-украинско-корейской кровью (Елена Стеблянко, 11 ноя 2014 в 23:56). Она спорит с привычным определением «метисов» как людей с точки зрения этнической самоидентификации маргинальных (а именно так о них говорят практически все исследователи, затрагивающие тему потомков от смешанных браков) и говорит о некой новой сущности, которая не теряется, а приобретает со смешением кровей. Крайне редко указывают на случаи положительной самоидентификации «метиса», чаще о переживаемом им внутреннем конфликте¹. Это действительно встречается. Но ведь пути этнической самоидентификации «полукровок» могут быть очень разнообразны, что порой не замечают исследователи, сконцентрировавшись на потомках представителей какого-либо одного народа. В самоидентификации «метисов» есть, конечно, типовые моменты, которые повторяются от народа к народу. Но есть и особенности, которые разнятся у разных народов. Причем последние отражают, с одной стороны, этнокультурную специфику самовосприятия народов, чьи представители вступают в межэтнические браки и порождают детей, которым необходимо как-то самоопределиваться в этническом плане. С другой стороны, они отражают включенность в социокультурные сценарии тех или иных народов метисов, полукровок. Этой темы мы и хотим коснуться в своей работе и показать, что «метисы» — не всегда маргиналы, они могут иметь самостоятельное значение в той или иной культуре. Например, с точки зрения адаптации народа в иноэтнической среде. Порой «метисы» имеют важное значение и для самоидентификации самой диаспоры, ее чистокровных представителей, особенно в случае, если диаспора имеет тенденцию к ассимиляции в стране проживания. Мы покажем

¹ Е. М. Галкина пишет, например, что этническая идентичность у «метиса» «может выступать источником внутриличностного дискомфорта, когда его [ребенка] этническая полинаправленность и вариативность противоречат фиксированным этническим ориентациям окружающей действительности» (Галкина 1993: 23).

это на примере тягубя — так по-корейски называются полукорейцы, корейцы-«полукровки».

Но прежде чем мы обратимся к специфике самоидентификации тягубя, рассмотрим и сравним ряд примеров описания детей из смешанных семей разных народов, предпринятых различными исследователями. Наше собственное исследование тягубя будет основано на материалах особой дискуссии, посвященной потомкам от смешанных браков, на странице «Russian Koreans — Корейцы СНГ — 고려사람» ВКонтакте (https://vk.com/topic-34822693_27877908), которая ведется с начала 2013 г. по настоящее время и насчитывает уже (на 30 июля 2020 г.) 662 поста. Среди участников дискуссии много потомков от смешанных браков, которые пишут о личном опыте этнической самоидентификации, а также корейцы или русские, состоящие в смешанных браках, которые рассказывают о своих детях — тягубя, «тягубяшках».

Итак: что об этнической самоидентификации «метисов» пишут в научной литературе? Характерно то, что во всех исследованиях выделяется несколько вариантов самоидентификации «метисов», которые сходны, но в каждом исследовании встречаются свои нюансы. В качестве типового возьмем описание Е. М. Галкиной, которое было сделано еще в конце 1980-х — начале 1990-х годов на материале исследования детей от браков между представителями целого ряда народов, исследования не столько, собственно, социологического, сколько психологического, где акцент делался на самоощущении подростков из смешанных семей. Галкина выделяет четыре группы подростков на основании особенности их этнической самоидентификации. К первому типу — биэтническому — она относит тех, кто в практически равной степени идентифицируют себя с обеими родительскими этническими общностями. Ко второму — моноэтническому — типу относятся «метисы», которые идентифицируют себя только с одной из родительских этнических групп, именно она для них референтна. Третий тип — безэтнический — характерен тем, что у «метисов», принадлежащих к нему, на первый план выступают иные характеристики социальной идентичности, нежели этнические, например общечеловеческие. К четвертому типу Галкина относит тех, кто отождествляет себя не с одним из родительских этносов, а с неким третьим, например с доминирующим в обществе (Галкина 1993: 21–22).

Е. Э. Носенко, исследуя потомков от смешанных браков евреев, выделяет также четыре типа самоидентификации, но иным образом. Моноэтническая самоидентификация у нее разделяется на две

группы: «нееврейскую» (тех, кто считает себя русскими, предпочитает русские культурные ценности, не интересуется еврейской культурой) и «еврейскую» (представленную в основном молодыми людьми, которые «стремятся найти “свои еврейские корни”, изучая еврейскую культуру и традицию, и принимают активное участие в деятельности различных еврейских организаций»). Носенко выделяет также «интернационалистическую» (или космополитическую) группу (тех, кто не задумывается о национальности, но «обычно не желает “еврейского статуса”, хотя и не отрицает своих еврейских “корней”») и группу, которую исследовательница называет «переходной» или «расколотой» (это те, кто испытывает затруднения в этнической самоидентификации) (Носенко 2004: 51–52). Обратим внимание, что у Носенко не только отсутствует группа тех, кто идентифицирует себя с некоей третьей национальностью (хотя вполне себе можно представить ребенка еврея и, скажем, татарки, который может воспринимать себя как русского, я лично такого знаю). Зато рядом с интернационалистической группой (тех, кто **не хочет** причислять себя к какому-либо отдельному народу, **не хочет** об этом думать) выделяется группа людей с «расколотым» сознанием (тех, кто **не может** причислять себя к какому-либо отдельному народу, хотя много об этом думает). Кроме того, у Носенко полностью отсутствует отдельная группа тех, кто относит себя сразу к двум национальностям, например к евреям и русским одновременно. Видимо, осознание в себе присутствия и еврейского, и русского сопряжено иногда с определенной конфликтностью, такие люди попадают в группу с «расколотым сознанием». Тут проявляет себя этническая специфика.

Посмотрим на пример с потомками от русско-татарских браков. Т. А. Титова, исследовавшая проблему межэтнических семей в целом и самосознания потомков русско-татарских браков в частности, выделяет пять позиций: дети от смешанных русско-татарских браков могут определять себя (1) только русскими, (2) только татарами, (3) больше русскими, чем татарами, (4) больше татарами, чем русскими, (5) татарами и русскими в равной степени. У Титовой не отмечаются случаи «космополитической» идентификации, что, видимо, определяется культурной средой Татарстана. О ее специфике говорит тот факт, что смешанная русско-татарская идентичность характерна для города Казани в целом, поскольку среди опрошенных казанцев-выходцев из моноэтнических семей нередко встречается та же сложная самоидентификация. Часть русских из однонациональных родительских семей и татар из однонациональных родительских семей считают

себя русскими и татарами в равной степени. Некоторые респонденты из чисто татарских семей считают себя больше русскими, чем татарами и даже только русскими (Титова 1999: 35). При этом, что характерно, нечеткую этническую самоидентификацию имеют русские и татары, состоящие в межэтнических браках: 9,8% мужчин и 6,8% женщин русской национальности и 19,4% мужчин и 23,0% женщин татарской национальности, состоящих в межнациональных браках, считают себя в равной степени татарами и русскими; а 12,9% и 7,7% татар мужчин и женщин соответственно больше русскими, чем татарами (Титова 1999: 36). Но следует отметить, что Титова нигде ни разу не говорит о драматичности сложной этнической самоидентификации, будь то дети от смешанных браков или кто еще: выбор между татарской и русской самоидентификацией у жителей Казани не сопряжен с внутренним конфликтом. (Отметим в скобках, что по данным Т. А. Титовой, межэтническая напряженность, наблюдавшаяся в республике в 1990-е годы, практически не проецировалась на межэтнические семьи, где супруги, как правило, придерживаются общих политических взглядов.)

Остановимся и на исследовании о потомках русско-казахских семей, поскольку тут проявляют себя некоторые этнические идентификации, которые мы не встречали в приведенных выше случаях. Итак, говоря об идентификации детей от русско-казахских браков, Сауле Уалиева и Эдриен Эдгар подчеркивают прежде всего вненациональную или интернациональную самоидентификацию некоторых из них. В качестве примера приводится такой отрывок из глубокого интервью: «Я чувствую себя просто человеком. Мне ближе как-то, как у нас при социализме было, — интернациональное. Я человек, ну, как которому действительно все равно, какой он национальности. То есть вот этот принцип интернационализма, это близко мне, в общем-то, по духу». Здесь обратим внимание на пример декларируемого не просто гуманистического, а живого еще советского интернационализма. Так, еще одна респондентка утверждает, что «если бы у нее была возможность указать в паспорте “советскую” национальность, она бы так и сделала». Для другой группы потомков русско-казахских браков характерна русская самоидентификация. По замечанию авторов статьи, «они чувствуют себя русскими, поскольку неразрывно связаны с русским языком и культурой». И что особенно важно, «такие ответы давали даже те, у кого ни один из родителей не является русским, то есть люди, не имеющие возможности официально записаться таковыми», то есть те, кого называют «русскоязычные». Поэтому следовало бы

отдельно выделить «советскую» самоидентификацию, которая отличается от тоже немало распространенной в Казахстане гражданской самоидентификацией, то есть идентификации себя потомками межэтнических браков в качестве «казахстанцев». Так, респондентка смешанного русско-казахского происхождения, хотя официально записана казашкой, как и ее отец, говорит: «Мне сложно сказать, что этническая идентичность является для меня преобладающей. Я не думаю о себе как о казашке, проживающей здесь, в Казахстане. Но, когда я выезжаю за рубеж, я ощущаю себя, я даже не могу сказать, казашкой ли, да?.. Но казахстанкой. Вот казахстанка — это моя идентичность». (Отметим в скобках, что в работах, написанных на российском материале, не встречается аналогичная самоидентификация детей из смешанных семей в качестве россиян.) И еще один тип идентичности, который называется «шала-казах», уничижительный термин, но порой использующийся как самоидентификация, «буквально означающий “полуказах”, сегодня применяемый часто и к чистокровным, но русифицированным казахам» (Уалиева, Эдгар 2011). Отметим, что вот эта последняя идентификация «неполноценного представителя нации» распространена среди потомков межэтнических браков достаточно широко. У якутов присутствует термин «сахаляр», у корейцев же, о чем мы будем говорить, аналогичный термин — тягубя (полу-кореец) — не имеет уничижительного оттенка и активно используется в качестве самоидентификации.

Нередко говорят о маргинальности национального самосознания выходцев из смешанных семей. Иногда оно выражается в манипулировании своей этничностью. Так, Е. М. Галкина отмечает, что дети из смешанных семей «в одной этнической среде называют (а возможно, и считают себя) представителями одной этнической общности, в других условиях — другой» (Галкина 1989: 17). В другой своей работе Галкина пишет: «Среди важнейших признаков этнической идентичности у потомков из смешанных семей выделены ее вариативность (существование нескольких типов этнической идентичности) и изменчивость (возможность манипулировать своей идентичностью)» (Галкина 1993: 25). Исследовательница говорит и о том, что «манипуляция своей этничностью происходит, порой, в поисках стратегических преимуществ» (Галкина 1989: 17). Е. Э. Носенко отмечает, что «люди, родившиеся в смешанных семьях, иногда в течение жизни меняют свой выбор в отношении этнической идентичности (бывает, неоднократно)» (Носенко 2004: 11). Р. Р. Исхаков пишет, что потомок от смешанного брака изначально окружен множеством артефактов, «причем символическое

значение определенного артефакта для этнических групп, к которым принадлежат родители, могут быть очень разными. Таким образом, этнический маргинал попадает в ситуацию свободного выбора, при котором ценность того или иного культурного артефакта для него определяется им самим» (Исхаков 2000).

Однако исследователи называют и некоторые объективные параметры выбора национальности того или иного родителя в межэтнической семье. Тут есть некоторые формальные параметры, общие для самых разных этносов, а есть те, которые определяются этническими культурами родителей «метиса». Та же Галкина говорит о том, что девочки чаще определяют свою национальность по матери, а мальчики — по отцу, причем «связь между половой и этнической идентичностью сильнее, когда речь идет об указании национальности в официальных документах...», и это особенно характерно при большой культурной дистанции между этносами родителей (Галкина 1989: 17). Дело доходит до парадоксов! Как отмечает Т. А. Титова, «иногда у детей из одной семьи разная этническая принадлежность. Один ребенок относит себя к национальности матери, один — к национальности отца. Доля таких семей в обследованных русско-татарских семьях 5,2%. В большинстве случаев девочки относят себя к национальности матери; мальчики, как правило, принимают национальность отца» (Титова 1999: 45). По словам Титовой, «важнейшими факторами этнической самоидентификации детей является этническая принадлежность отца и доминирующий на уровне непосредственного окружения язык», это при том, что «этнокультурную информацию внутри каждой этнической группы несколько чаще передает мать, чем отец» (Титова 1999: 80). По мнению французского антрополога Д. Берто, этническая идентичность детей от смешанных браков в большой мере зависит от того, родительская семья кого из родителей (бабушки-дедушки) доминирует в жизни ребенка: «жизнь так или иначе устанавливает доминирующее отношение между семьями отца и матери этого ребенка, которое в конечном счете и определяет его принадлежность только к одной семье» (Bertaux 1987: 309–310). Кстати, по замечанию Н. Л. Крыловой, в случае «черно-белых», русско-африканских детей у бабушек часто негативное отношение к поступку дочери компенсировалось нежной привязанностью к внукам (Крылова 2006: 299). Интересное мнение на влияние родителей, вернее, модели родительства, в семье на этническую самоидентификацию детей высказано в книге З. В. Синкевич и других: «На уровне тенденций можно сделать вывод о том, что в межэтнической семье с солидарной моделью родительства

выше вероятность того, что у детей сформируется моноэтническая идентичность, а с традиционной моделью родительства — биэтническая идентичность. Дети с этнической индифферентностью чаще по сравнению с другими группами воспринимают в качестве лидера семьи мать или затрудняются определить главу семьи» (Синкевич и др. 2018: 116–117).

Несмотря на наличие некоторых объективных факторов выбора детьми из смешанных семей своей этнической идентификации, все исследователи, которые касались этого вопроса, отмечают его неоднозначность. В лучшем случае, как об этом пишет Т. А. Титова «часть детей обеих национальностей не могут мотивировать выбор своей этнической принадлежности» (Титова 1999: 80). Это в ситуации относительно благополучного биэтнического мегаполиса, такого как Казань. Мы упоминали, что при меньшей комплементарности этносов родителей переживания ребенка могут быть болезненными. Ряд авторов пишут о том, что этническая идентичность может быть позитивной и негативной. С одной стороны, как отмечает Р. Р. Исхаков, «идентичность может иметь как негативный, так и позитивный эмоциональный фон», а для подросткового возраста характерно «эмоционально-оценочное сознание» принадлежности к этнической общности (Исхаков 2000). С другой стороны, по словам П. Румянцевой, «этническая идентичность человека вовсе не сводится к его декларируемой идентичности, а в отдельных случаях может даже противоречить ей» (Румянцева 2001). Е. М. Галкина пишет, что «у выходца из национально-смешанной семьи можно выделить (порой одновременно! — С. Л.) следующие виды этнической самоидентификации: 1) номинальную идентификацию (фиксируемую в официальных документах), 2) внутреннюю этническую идентификацию, включающую два уровня: самоидентификацию — осознанное отнесение себя к определенной этнической группе, и уровень неосознанных установок и ориентаций» (Галкина 1989: 14). П. Румянцева в своем исследовании, основанном на психологическом тестировании, показывает разницу между эксплицитно выражаемой идентичностью подростков из смешанных семей и их установками и стереотипами, которые могут относиться к этнической культуре не того родителя, чью этническую принадлежность выбирает подросток (Румянцева 2001). Е. Э. Носенко-Штейн² выделила четыре позиции по принципу позитивной или негативной самоидентификации детей

² Цитируемый автор в некоторых из своих работ выступает как Носенко, тогда как в других — Носенко-Штейн.

от русско-еврейских браков, где любая моноэтническая самоидентификация выступает как позитивная, связанная с положительными эмоциями, а любая неопределенная, «переломная», «переходная» — выступает как негативная (Носенко-Штейн 2005). В случае межрасового брака представителей народов с большой культурной дистанцией процесс самоидентификации может носить острый и даже трагический характер. Н. Л. Крылова говорит об «отщепенстве метиса с русскими материнскими и африканскими отцовскими корнями, которое покоится на драматическом переживании своей отторженности, отделенности от окружающего мира (несколько) иного цвета кожи, (несколько) иного антропологического типа» (Крылова 2002: 91). Хотя, как пишет Крылова в другой своей работе, «в независимости от того, где они [метисы] проведут большую — социально, информационно и эмоционально наиболее насыщенную — часть жизни, сегодня они могут с романтической любовью относиться к России, в душе считая себя настоящими русскими, или, напротив, мифологизировать родину отца-африканца, чувствуя себя внутренне принадлежащим к его культуре» (Крылова 2006: 282).

Но это крайний для России случай, отличающийся своей относительной редкостью. Мы видели на примере двойной русско-татарской идентичности, что она в Казани не выступает в качестве негативной и является широко распространенной. Здесь, очевидно, вопрос в социокультурных факторах, в рамках которых существует брак между представителями той или иной национальности. Так, еврейская самоидентификация у детей от смешанных русско-еврейских браков в русской среде встречается нечасто: «Большинство респондентов не отождествляют себя с евреями, или отождествляют лишь в определенных ситуациях; гораздо чаще они идентифицируют себя с окружающим большинством. Поэтому большинство потомков смешанных браков вряд ли правомерно считать продуктом двух культур — еврейской и русской» (Носенко-Штейн 2005). Носенко-Штейн, целью исследования которой было понять значения полуюевреев для еврейской культуры, делает вывод, что в России потомки от смешанных браков евреев практически выпадают из еврейской культуры, большинство из них вписывает себя в русскую культуру, а многие полностью идентифицируют себя с русскими.

Итак, изучать «метисов» той или иной национальности можно только в контексте культур диаспоры, представители которой вступают в браки с представителями народов, составляющих социальное окружение диаспоры. Следовательно, обращаясь к теме потомков смешанных браков

корейцев с представителями народов СНГ — тягубя, мы приходим к тому, что ставим вопрос о значении полукорейцев для корейской культуры. Эта постановка вопроса тем более оправдана особенностями социализации тягубя в русской по преимуществу среде.

У тягубя, детей от смешанных браков корейцев, есть причина, по которой они при всем желании не могут не выделяться в своем социальном окружении, — их внешность. Значительная часть ветки о потомках смешанных браков в группе ВКонтакте «Русские корейцы» посвящена обсуждению внешности: кто на кого похож и сколь ярко в нем выражены корейские черты. Таким образом, уже внешними причинами предопределено, что тягубя должны как-то самоидентифицироваться внутри корейской общности, как ее часть, ибо даже при всем разнообразии внешности русских в большинстве случаев каждому видно, что тягубя — не русские. Отсюда очевидно, что случаев идентификации тягубя с национальностью своего русского родителя очень немного. И, следовательно, отправной точкой самоопределения служит корейская идентичность даже в условиях порой чисто русского окружения и часто вполне русского менталитета того или иного тягубя. Хочет он этого или нет, он должен вписать себя в систему корейской культуры. Которая в свою очередь очень не то чтобы закрытая, а слишком специфическая для людей, выросших в русском окружении, так что только очень немногие тягубя могут назвать себя корейцами, в нашем случае корё-сарам — так называют себя корейцы, живущие на пространстве СНГ. Поэтому у тягубя почти нет возможности для «моноэтнической» самоидентификации. Огромный пласт «местисов» составляет «переходная группа», члены которой затрудняются с самоидентификацией, точнее, чувствует себя «не вполне русскими». Есть и еще один способ самоидентификации, к которому прибегают тягубя и о котором мы скажем ниже.

Итак, мы насчитали во всей ветке только два высказывания о русской самоидентификации тягубя, и то с оговорками. Так, кореянка, находящаяся замужем за русским, пишет о своих детях: «Сами себя ощущают русскими. Еда в основном русская, но тый, тире, кукси и паби (Названия корейских блюд. — С. Л.) иногда едят»³ (Светлана Пак, 10 фев 2013). В эту группу высказываний можно отнести некое общее размышление о русскости потомков от русско-корейских браков: «Но я думаю, что мы всё-таки больше русские. Потому что из корейского

³ Здесь и далее в цитатах из Интернет я поправляла в соответствии с общепринятыми нормами орфографию и пунктуацию.

в нас, зачастую, остаётся только корейская внешность, а в остальном — всё (мысли, речь, понимание, менталитет) русское» (Жанна Иванова, 6 окт 2013).

На что следует также обратить внимание, так это на то, что совсем мало высказываний, характеризующих этничность, которую многие исследователи называют интернационалистической — мы насчитали таких только четыре, опять, однако, с оговорками, поскольку ни одно из них не является непосредственным выражением интернационалистической самоидентификации. Ближе всех к ней относится высказывания: «Для меня Человек — это человек, живущий по совести. А в этом плане я со своей совестью в ладу. И не важно кто я по нации, по должности» (Елизавета Нечаяева, 28 ноя 2013 в 5:57) и «Надо, на мой взгляд, понять одну вещь: главное быть человеком, а кто ты по национальности не так важно» (Владимир Ли, 8 окт 2013 в 14:05). Причина редкости интернационалистической самоидентификации в том, как нам кажется, что своей внешностью тягубя накрепко привязаны к монголоидной расе, представителей которых в российских европейских мегаполисах, откуда и происходят большинство участников дискуссии в анализируемой ветке, немного и они выделяются. Но, возможно, к «интернационализму» не предрасполагает сама корейская культура.

Более многочисленны высказывания (их четырнадцать), свидетельствующие о корейской идентичности тягубя. Среди них, например, такое: «Я тягубяшка, батя кореец, мама русская. Похож на армяна. Всю жизнь себя считал корейцем, пусть даже и корейцы меня таковым не считают. Чту традиции, уважаю обычаи... Хочу жену корейнку!» (Вадим Вадимов, 20 сен 2014 в 7:29). Тут мы видим, что наряду с корейской самоидентификацией тягубя подчеркивается невключенность его в корейскую общность. Это типично! Остальные говорят тоже скорее о своей «корейском менталитете» (как они его себе представляют), нежели о включенности в корейские социальные связи. Девушка-аргубя (корейнка на четверть) пишет: «У моего отца мама корейнка, а отец русский, у мамы русско-французские корни. Я сама на внешность вышла на 60% корейнкой. Говорю на русском и французском. Но внутренний менталитет заложен корейский 100%» (Дарья Гребенникова, 19 янв 2016 в 0:13). Другая участница дискуссии отмечает, что ее сын тягубя: «пусть у него самая русская фамилия, но он считает себя корейцем» (Татьяна Тян, 16 апр 2016 в 16:16). Впрочем, при корейском укладе жизни, когда он в смешанных семьях встречается, корейский менталитет правомерно себя проявляет. Девушка-тягубя говорит о характерном корейском укладе свой

межэтнической семьи: «Раньше я не придавала значение нашему укладу семьи, поскольку кроме родни я больше не знала корейцев. Но сейчас, когда я общаюсь в основном с корейцами, могу уверенно говорить, что в моей семье корейского намного больше, чем во многих чистокровных семьях» (Анастасия Ан, 19 мар 2015 в 8:46). Еще одно высказывание: «У меня есть знакомый, он тягубя. Ну настоящий кореец по мышлению, по еде, которую он ест. Что поделаешь если ребенок родился таким (смешанным)» (Сергей Ким, 10 июн 2017 в 20:15). (Тут в скобках обратим внимание на то, что для корё-сарам любовь к корейской кухне — важнейший этнодифференцирующий признак! Корейская еда — последнее, что отличает корейца от некорейца.) Другая участница дискуссии утверждает: «У меня мама корейка, а папа немец, и когда люди спрашивают, кто я по национальности, с гордостью говорю, что я корейка. Потому что это нация, которая не сделала ничего, чтобы стыдиться ее» (Наташа Богомазова, 12 сен 2014 в 13:09). На эту реплику следует ехидный вопрос: «А когда спрашивают, кушаешь ли собаку, что отвечаешь?» (Lenny Illuzion, 18 сен 2014 в 21:00), на который тягубя отвечает: «Когда мне задают этот вопрос, я предлагаю задуматься над тем, что едят те, кто спрашивает» (Наташа Богомазова, 21 сен 2014 в 8:23).

Возможно, у потомков корейцев с азиатскими народами корейская самоидентификация более естественна. Среднеазиатская тягубя пишет о себе: «Папа у меня узбек, мама корейка. Росла в корейской семье, считаю себя корейкой и горжусь этим. Отношусь ко всем нациям хорошо. И трудностей не было никогда» (Ольга Тянь, 20 июл 2014 в 23:13). Также и бурятка, вышедшая замуж за корейца, пишет: «Мы с мужем живём более 15 лет, у детей (8 и 5 лет) никогда не возникает вопроса: кто они по национальности — корейцы. Без паби и тья (Названия корейских блюд. — С. Л.) ни дня. Аромат тья для них самый аппетитный. Во дворе и в школе они с гордостью называют себя корейцами... Они очень гордятся тем, что являются частью замечательной нации. И про мамину (мою) национальность знают и уважают» (Антонина Султумова, 22 мая 2013 в 21:35). Как пишет казашка, состоящая в браке с корейцем, «Когда мы собирались пожениться все были против с двух сторон, но мои мне говорили, что если будут дети, то они будут корейцами, как ни крути, так положено, и у казахов дети по отцу считаются и в этом духе воспитываются. Сейчас нашу дочь все любят, конечно, но всегда отмечают и ей же внушают, что она корейка, мои не пытаются на себя одеяло тянуть» (Асель Ким, 31 мая 2017 в 8:42).

В России также есть редкие случаи, когда в смешанных семьях осознанно растят корейцев. Например, русская женщина, вышедшая замуж за корейца, заботится о том, чтобы ее дети не чувствовали себя в корейской среде неполноценными: «Муж и его сестры ни язык не знают, ни толком историю семьи, кухню корейскую любят и кушают, но из традиций, если только асянди (У корейцев первый день рождения ребенка. — *С. Л.*) проводят. Я учила язык и ездила в Корею, изучала традиции народа и семейный уклад. А дети метисы, и их становление в обществе, по моему мнению, зависит от родителей. Как говорит моя свекровь, я больше кореец, чем муж, и деткам будущим хочу привить самопознание себя не только как русских проживающих в России, но и корейцев. Сейчас хочу восстановить насколько возможно родословную мужа (еще жива бабушка его во Владивостоке), чтобы детям рассказать историю своей семьи. Дети должны знать свои корни, кем бы они ни были, русскими или корейцами» (Татьяна Цой, 16 апр 2016 в 16:16). Но у автора этого поста идея корейского представляется несколько головной. Во всяком случае, это поведение нетипично. Но, конечно, даже в русском окружении родители, настроенные воспитать детей-тягубя корейцами, могут достигнуть определенного успеха: «В нашем городе мы не знаем ни одну семью корейскую, хотя бы смешанную. Поэтому отец и требовал от нас, он всегда говорил — мы живем среди других национальностей, и если мы не будем чтить традиции, мы утратим свои корни» (Анастасия Ан, 20 мар 2015 в 18:38).

Как правило, однако, тягубя в России, в русском окружении, где корейцы вообще сильно в ментальном смысле ассимилированы, соприкасаются с корейской культурой как бы по касательной. Участник дискуссии, кореец из Петербурга, пишет: «У меня дети 3/4 корейской 1/4 русской крови... Ни языка, ни культуры (истории) не знают. От корейцев — еда, единоборства, внешность» (Валерий Тен, 27 янв 2013 в 21:36). Тягубя отмечает: «Рад, что знаю немного культуру, обычаи и роскошную кухню» (Slavik Maksimov, 26 сен 2016 в 16:42). Другая тягубя проявляет только самые слабые корейские пристрастия: «В нашей семье не было привязанности к какой-то определённой культуре или традициям. Корейского языка я не знаю, люблю кушать борщ, добавляя туда рис» (Ольга Калужная, 9 ноя 2016 в 1:28). Внук деда-корейца так пишет о том, что осталось корейское в их семье: «Моя мама “русская татарка”, я старший сын, внешность осталась еще корейская. Языка я не знаю, папа умеет только считать до 10. Помню, знал дедушка. Дедушка, по рассказам, даже доставал во времена СССР газеты

корейские. Корейская кухня дома идет на ура, и довольно часто... Почитаю родителей, уважаю родственников» (Дмитрий Ли, 17 июня 2013 в 19:41).

Подавляющее большинство тягубя говорят о неопределенности своей этнической идентификации: они как бы между народов и рас, ни те, ни другие, ни корейцы, ни русские. «Языка корейского я не знаю, культуру — по минимуму... Честно говоря, сейчас понимаю, что ни к той ни к другой нации себя полностью не отношу» (Анна Тен, 27 янв 2013 в 21:36). Еще одна участница дискуссии — тягубя высказывает обобщение: «Есть некоторые минусы в смешанной семье, т.к. ты не можешь дать четкого определения своей национальности» (Olga Shen, 5 июня 2013). Другой тягубя, хотя и говорит о своей русской душе, так же испытывает трудности с этническим самоопределением: «Я не отношу себя ни к одной нации, потому что у меня корейская внешность, которой я, конечно же, очень горжусь, и душа русского пошива, мысли и чувства, а русская душа, как известно, самая поэтичная, гордая и красивая» (Александр Долгушев, 27 сен 2013 в 14:03). Часто невозможность себя как-либо определить формулируется прямо, как в следующих высказываниях: «Смешанные браки мне понятны. Каждый сам строитель своего счастья. Но вот у детей от таких браков есть кое-какие непонятки. (Знаю по себе.) Кто я и где моё место в этой жизни?» (Елизавета Нечаева, 25 ноя 2013 в 19:28), «Ну, конечно, не корейцы. Ну, и не русские тоже» (Катя Цой, 6 окт 2013 в 21:50). Одна из участниц дискуссии пишет: «Я тоже не могу себя отнести к русским, так как не имею сильной тяги к русской культуре, хотя у меня много друзей и хороших знакомых среди славян. Но и к корейцам отнести себя тоже не могу, хотя имею корейскую фамилию и неумную тягу к Востоку ещё с детства» (Елена Тен, 10 янв 2016 в 0:06). Или так: «Ой, я вообще не знаю кто я! Моя мама наполовину корейка, а отец вроде русский... Внешность у меня непонятная. Меня кем только не называли: цыган, грузин, дагестанец, мексиканец... Я не считаю себя русским и тем более азиатом. Я бы не смог жить в Корее, и вообще мне очень чужда азиатская культура» (Сергей Кузнецов, 16 сен 2016 в 23:25). Кстати, это характерная проблема для молодых тягубя, которые нередко имеют неопределенную внешность: «Фигово, ни на корейца, ни на русского я не похож. Скорее даже — на узбека» (Александр Хван, 26 апр 2013 в 9:11). Мать-корейка пишет о трудностях сына-тягубя, родившегося в Казахстане: «Не кореец, не русский, не казах, всего понемногу» (Юля Лу, 21 апр 2016 в 18:12). Выходом из неопределенности тут может быть определенное мифотворчество:

«Жена у меня метиска, по папе корё [корё-сарам], правда местная [петербурженка], как и я, тоже не определилась, так придумали, что предки вообще из Китая» (Валерий Тен, 6 окт 2013 в 19:48). Напрашивается как бы некая новая самоидентификация. Например: «Так кто же мы? Мы — русские корейцы. Не русские, и не корейцы» (Алексей Тян, 5 июл 2020 в 12:14).

Понятно, что кто-то говорит о тягубя как о «закомплексованных людях с корейской внешностью» (Кира Монти, 27 сен 2013 в 20:05). «Хреново. Как же еще! Ни родины, ни истории... лишь слухи, слухи, слухи. И, конечно же, тяжелей на личном фронте, чем остальным» (Валентин Кир, 5 сен 2014 в 2:32). «Тягубя — это и не кореец и не маудя (То есть не русский, но это слово в языке российских корейцев имеет пренебрежительный оттенок. — *С. Л.*). Иногда это не очень положительно сказывается на самом человеке в юношеский и детский период, так как социум такой, например, в школе. Такого человека, если он смешанный и похож на азиата, больше будут спрашивать, а кто ты по нации? Он что скажет? Он скажет, что я маудя, а его начнут дразнить» (Сергей Ким, 10 июн 2017 в 20:00). Безвыходность? «А мне что делать? Разорваться, что ли?» (Татьяна Тян, 23 апр 2016 в 20:51) — вопрошает тягубя.

Как же проблема самоидентификации решается? Иногда она просто игнорируется: «На вопрос: “Кто ты по нации?”, такие дети просто отвечают: “Мама такая-то, а папа такой-то”. И этого бывает достаточно» (Олег Цой, 10 июн 2017 в 20:04). Но практически ее решает прежде всего наднациональная самоидентификация.

Как справедливо пишет один из участников дискуссии: «Смешение браков — это всегда проблема... и главная проблема в идеологии. Вы вспомните СССР? Там люди были советские. В паспорте написано: гражданин Советского Союза, и вопрос о национальности отсекался сразу. Но после распада Союза все вдруг стали русскими. И вот здесь кроется вся загвоздка. И поэтому дети от смешанных браков в замешательстве. Кто они? В СССР такого бы не было. Если бы их спросили, кто вы? Они бы ответили, я советский человек. А сейчас спрашивают, а кто вы по нации? А они отвечают, я русский. Но глаза-то узкие!» (Сергей Ким, 3 сен 2016 в 10:16). Один из участников дискуссии просто определяет тягубя выражением «обычный Россиянин» (Вячеслав Мун, 25 сен 2016 в 20:01). Однако у тягубя эта тема непопулярна. Популярно другое самоопределение, которое мы не встречали в тех классификациях этнических самоопределений детей от смешанных браков, которые приводятся в современной научной литературе.

А именно: ярко выражена самоидентификация себя в качестве «метиса» в положительной коннотации, то есть именно как тягубя.

Как воспринимают себя те, кто принял в качестве своей идентичности «метисизацию», «смесь кровей, обычаев и психологий»? Тут и мелкие «приятности»: «А мне хорошо живется, никаких проблем вообще. Людям свойственно проявлять интерес ко всему нестандартному, необычному, не часто встречающемуся, и это плюсики для меня при общении» (Же Ка, 30 апр 2013 в 18:41). Есть и большие преимущества: «Я аргубяшка [аргубя], мой папа на половину кореец и русский, мама татарка... Думаю, что жить в многонациональной семье это довольно увлекательное дело, т. к. узнаешь много нового и отмечаешь кучу праздников, да и родственников тоже достаточно со всех сторон» (Olga Shen, 5 июн 2013 в 18:50). Но это все то, что относится к любым детям-«метисам». У тягубя есть некоторое особенное осознание: «Это хорошо, когда в тебе текут не только корейские крови, но ты в душе считаешь себя азиатом» (Елена Тен, 12 янв 2016 в 16:30). А потому позиция тягубя — «Я не буду выбирать. Я та, кто я есть. И мне это нравится» (Татьяна Тян, 23 апр 2016 в 20:59).

В ветке встречается немало высказываний о том, как хорошо быть тягубя. Например: «Мы САМЫЕ КРУТЫЕ. До тех пор, пока [тягубя] не вырастут — как в Гадком утёнке. Только нужно много сил, чтобы вырасти и понять, что Я ИНДИВИД ОСОБЕННЫЙ» (Serafima Nowak, 28 мая 2014 в 0:23). «Считаю, что метисы счастливые люди (не в обиду чистокровкам)» (Ольга Тян, 20 июл 2014 в 23:13). «А зачем они, четкие определения? Я с детства на все провокационные вопросы, кем я себя считаю, русской или корейанкой, не без дерзости заявляла, что я — метис, и мы захватим этот мир))) все начинали смеяться и отставали» (Елена Стеблянко, 5 июн 2013 в 21:49). Эта шутка, но в другом месте та же участница дискуссии, тягубя с корейско-русско-украинской кровью, подробно раскрыла свое самоощущение «многокровки» в одном небезынтересном лирическом рассуждении, которое следует привести целиком: «Счастье это, принадлежать по крови и воспитанию к нескольким культурам. Столько аутентичных вещей и явлений из очень непохожих миров вызывают у меня пронзительно мощный и живой душевный отклик. “Вот, оно мое. Настоящее”. До мурашек и щемящей тоски, до непередаваемого внутреннего подъема и чувства гордости. До самой до сути моей разношерстной. Читать Гоголя: ах, галушки, черевички. Идти по южному городу, жадно ловя украинскую мову: дякую, кохаю. Мое. Или вот. Тырнеты подкинули календари с русскими наличниками. Это ж редкость какая красота.

Душа поет: вот ведь как умеем. Развернуть всю нашу необъятную географию и культуру в такой неожиданной, самобытной и красочной форме! Мое. Дайте два! А еще. Посмотреть на ночь глядя корейский фильм про древнюю бабулю и несносного маленького внука, приехавшего к ней в глухую деревню на каникулы. Так защежит невыносимая тоска по собственной бабушке... И перед глазами ее маленькая сгорбленная фигура, руки скрещены за спиной. Вот она палочками кладет мне самый вкусный кусочек рыбы на рис, молча дает вдеть нить в иглу, а вот мы с ней чистим невероятное количество чеснока для засолки кимчи. А вечером она нараспев читает (потому что полуграмотная и так ей легче) письма из Северной Кореи, и, тяжело вздыхая, подолгу смотрит на фотографии из Южной. Вот это вот все, от сала и березок до протяжного аааа-рианг, аааа-рианг мое. Моее не бывает» (Елена Стебляноко, 25 окт 2015 в 3:15). В ветке встречается и еще одна реплика о преимуществе взаимодополнительности, присутствия двух кровей: «Моя племянница — тягубя, ее родители из радикально разных миров, она живет в отрыве от России и очень плохо говорит по-русски, и для нее вся наша родня и мир корё-сарам — скорее диковинка. Она общается с бабушкой и дедушкой через подарки и поцелуи, через тепло, которое не очень принято в той стране, откуда она родом. И когда я думаю об этом, как раз возникают такие же мысли — ей очень повезло, у нее есть то “свое”, чего нет ни у кого из ее школьных подруг и друзей, но так же при этом есть много того “своего”, что непонятно и никогда не будет понятно таким простым русским корейцам, как я. И это большое богатство — эмоциональное, культурное, духовное» (Андрей-Сергей Ким, 25 окт 2015).

Практически тягубя могут встроиться в корейский круг общения, а могут так и зависнуть в обреченном или гордом осознании своей «метисности». Однако о том, что тягубя-метисы — это тупиковая ветвь, говорят скорее некоторые из националистически настроенных корё-сарам, которых в ветке единицы. Приведем несколько подобных высказываний: «Удачных смешанных браков конечно мало, но они есть. Другое дело, что отпрыски тягубя уже не чувствуют себя корейцами даже при удачном смешанном браке. Если кто любит свою нацию или задумывается о том, кем будут его потомки, то им следует воздержаться от смешанных браков, особенно в чужой национальной среде» (Юрик Ким, 14 апр 2013 в 21:34). Также один из участников дискуссии пишет: «Я знаю несколько примеров крепких полукорейских пар, проживших много лет в мире и согласии, причем их дети не имеют проблем с самоопределением, считают себя корё-сарам,

живут как корейцы, тесно общаются с родственниками, соблюдают традиции и т. д. Однако это очень специфичные примеры, как я понимаю, исключительные. Это семьи, где жены-некорейки, по сути, стали корейками: полностью вошли в новую семью, готовили корейскую еду, воспитывали детей в корейском духе и соблюдали корейские обычаи, выучили корёмаль (Язык, на котором говорят корейцы СНГ. — С. Л.) и т. д. Немногие девушки и тем более немногие мужчины могут пойти на такой шаг, отказаться, по сути, от собственных традиций и уклада ради того, чтобы быть с любимым человеком и сделать его счастливым. Я считаю, что это в своем роде признак большой любви и жертва» (Андрей-Сергей Ким, 15 апр 2013 в 14:36). Другой участник дискуссии пишет на ту же тему: «В смешанном браке “кореец — русский”, в условиях разобщенности, малочисленности корейцев, а также сильного влияния русской окружающей среды и практически полного отсутствия корейской культуры и языка, дети — тягубя — по менталитету, культуре, кухне и языку будут русскими. Это в большинстве случаев. Конечно, попадаются исключения, но они единичны» (Алексей Тян, 4 июн 2013 в 0:08). Тут во многом страх потери традиций: «Ваши внуки [потомки от смешанных браков] не будут считать себя корейцами, они скорее всего не будут знать свой пой (Так корё-сарам называют свои роды, которые содержат несколько разных фамилий родственных семей. — С. Л.), и хангаби (Празднование шестидесятилетия у корейцев, что является первым подведением итогов жизни. — С. Л.) родителям делать не будут, тёри отбивать (Корейский обряд. — С. Л.) и подавно» (Александр Цой, 17 июн 2013). Так националистически настроенный кореец обращается к тягубя: «Вам хоть нравится корейская жизнь, Вы все равно не станете частью ею, так как Ваша внешность, Ваша фамилия, и самое главное у вас в голове менталитет не тот» (Victor Kim, 10 июн 2017 в 9:42). Повторим, эти мнения не слишком типичны.

Разумеется, отношения тягубя с чистокровными корё-сарам могут быть весьма непростыми. Это каждый раз отдельная история, человеческая жизнь. В ветке приводится немало случаев вхождения тягубя в корейский круг общения. Вот такой рассказ: «После школы я встретила корейцев только во время учебы в “вышке” — нас было трое на 2,5 тыс. человек со всего СССР — я, Ким Сергей и Ли Денис. Они первые корейцы, для которых я стала СВОЕЙ... В следующий раз мне довелось общаться с корейцами уже через 9 лет. Я влилась в корейскую диаспору своего города, где меня тоже посчитали СВОЕЙ. Корейцев у нас чуть больше 1000 на почти 1,5 млн город. Будучи в командировке

на Северном Кавказе, я встречала корейцев на базаре, куда изредка наведывалась. Узнав, что я тягубя, они удивлялись и радовались, говорили, что гордятся, что есть такие КОРЕЯНКИ, угощали, чем могли, при этом никогда не хотели брать деньги». Хотя легкая неудовлетворенность проступает и в этой истории. Автор ее продолжает: «Но почему, когда я встречаю корейцев, они ВСЕ кажутся мне более родными, чем я им?» (Татьяна Тян, 16 апр 2016 в 16:16). Отделенность тягубя от чисто корейской культуры остается, но осознаваться это может с элементом горечи — именно в случае негативной этнической самоидентификации («ни то, ни се»), а может восприниматься как нечто положительное, при позитивной самоидентификации («я доволен, что метис»). Вот пример тому: «Мне там [в Корее] хорошо. В доску своей мне, конечно, там не стать, но иногда бывает уточняют, не местная ли я. Пока акцент себя не проявит. Но и не стремлюсь стать своей-своей. А относятся с уважением. Всегда интересуются моим происхождением. Ничего негативного сказать не могу. Даже когда была бедным неквалифицированным студентом и ездила туда на нелегальные заработки на заводах, официанткой — никогда не сталкивалась с неуважительным, надменным отношением. Корея мне как добрая тетушка!» (Елена Стеблянко, 2 июн 2013 в 22:36). Это рассуждение той самой участницы дискуссии, которая назвала себя «многокровкой».

Особенно важно для национального воспитания включение в родственную корейскую среду, когда она есть. Вот пример: «Я сама метиска. Мама у меня русская, отец кореец. До моего рождения мои бабушка с дедушкой (со стороны отца) были категорически против брака папы и мамы. Но когда я родилась, все в корне поменялось, они приняли маму... воспитывалась я по всем обычаям, традициям Кореи! Знаю всю историю Кореи, традиции, обычаи, и, естественно, люблю корейскую еду» (Лиана Стрелова, 28 янв 2015 в 11:57). (Опять пример почитивной идентификации тягубя.) Приведем и противоположную историю: «Будучи “отпрыском тягубя”, не чувствую себя корейкой, может быть именно поэтому, моего появления так не хотели все корейские родственники в начале отношений моих родителей, потому что они “очень любили свою нацию и задумывались о том, кем же будут их потомки”... Но то, что я не чувствую себя корейкой, вовсе не означает, что я не уважаю корейской культуры и традиций. Просто я ничего об этом не знаю, т. к. росла в иной среде, европейской» (Анна Тен, 15 апр 2013 в 20:15). (Пример негативной идентификации.) Тем не менее отметим, у тягубя, не получившей никакого корейского воспитания, есть ощущение причастности к корейскому.

Ощущение «корейскости» нередко возникает и у тех, кого с корейцами, казалось бы, ничто не связывает на ментальном уровне — только внешность. Но надо полагать, что эффект внешней несхожести с окружающими заставляет полукорейцев, никогда не знавших своих отцов, обращаться к своим корейским корням. Одним из лейтмотивов дискуссии является тема «голоса крови». Одна такая история: «Папа — кореец, мама — русская. Отца не помню, так как они с мамой расстались, когда мне не было и года. Не знаю ни корейской культуры, не ем корейских блюд. Потому что мама и не знает, и не умеет это готовить. Из корейского во мне только внешность. А в остальном — просто русская. Даже фамилия чисто русская. Но в последние лет десять меня стало очень сильно тянуть к корейским корням. Пытаюсь больше узнать о корейской культуре и о корейцах вообще. Даже иногда посещает мысль — найти отца. Просто, чтобы понять» (Жанна Иванова, 27 сен 2013 в 22:35). Другая реплика: «Мой отец кореец, мама русская, их совместная жизнь давно не сложилась. А у меня, конечно, много вопросов, периодически возникает интерес о корейских корнях. Что-то читаю в интернете, но жаль, что нет связи с родственниками-корейцами, в своей жизни не общалась ни с одним корейцем, вот так.... А зов крови все-таки есть» (Оксана Самоделова, 24 янв 2014 в 17:09). И еще подобные истории. «Я не могу игнорировать историю моих предков, голос крови может... не знаю... Я хочу, чтобы... те родственники помнили и о нас с братом тоже. Я считаю, нельзя так родить детей, тем более нерусских, и бросить их на произвол судьбы. Человек должен знать историю своей семьи, иначе он неполноценен. В общем, сложный вопрос, очень личный» (Катя Цой, 6 окт 2013 в 21:51). «Мама русская, папа кореец. Но папу только на фото видела. Что осталось, так это фамилия Че. Да и на кореянку вообще не похожа. Хотя всем корейским интересуюсь. На работу устраюсь и на курсы корейского языка наконец пойду» (Анна Че, 9 июл 2018 в 23:40). «У меня папа кореец, мама русская. Четверть века считал себя русским, потом всё же принял свою корейскую сущность» (Роман Мян, 8 ноя 2018 в 2:40)... Может повернуться и так, что даже при расторгнутом браке русской с корейцем в семье остается некоторый корейский дух: «Жили относительно недолго, 10 лет, развелись не из-за того, что не сошлись ментальностями, а сыграл роль чисто человеческий фактор. Мама с уважением отнеслась к традициям, которые поддерживались в семье. Кухню полюбили даже в маминой семье, которая раньше никогда ничего подобного не ела. Некоторые корейские слова мама до сих пор использует» (Юлия Ким, 9 июл 2017 в 15:17).

Итак, многие тягубя чувствуют причастность к своей корейской половине. Но почти нет таких, по крайней мере в России, которые бы вполне встраивались в жизнь корё-сарам. Действительно, те тягубя, которые утверждают себя именно как тягубя, метисы, не стремятся перенять все корейские традиции, полностью вписаться в корейскую культуру — они стремятся вкусить ее и привнести ее в свою изначально русскую культуру, создать некий синтез. И этот образ жизни имеет для корё-сарам определенной функциональное значение, которое многие из них осознают. Прежде всего тягубя для них — это способ вживания в чужую культуру, приспособления к среде: «Я кореец, который живет в России. Мы все тут корейцы, которые живем в России или СНГ (это тоже Россия). Это нормально, что я человек не только корейской, но и русской культуры. Тут мы все такие. И для нас это нормально смешивать кровь с местными. И детей от смешанных браков мы считаем тоже корейцами. У нас так принято. Посмотри на название группы: мы называемся “Русские Корейцы”. Даже если у меня кровь чисто корейская, я в душе наполовину русский, но при этом кореец. Ты думаешь так только у нас? Так везде, где живут корейцы. В Америке, в Китае, в Японии, в Европе. Мы не можем быть только корейцами и вокруг себя возвести стену. Когда ты живешь в другой стране, ты должен частично сродниться с этой страной. Если мы будем считать тягубя некорейцами, то мы исчезнем еще быстрее. Культуру мы сохраняем, хотя бы частично. И рады, когда дети от смешанных браков ей интересуются и не забывают, что они корейцы» (Олег Цой, 10 июня 2017 в 14:35). Тут надо уточнить, что восприятие тягубя у разных корейцев (северных, южных, китайских, постсоветских) различное. (Эта тема также обсуждается в ветке о потомках межнациональных браков.) Если на пространстве СНГ отношение к тягубя в целом положительное, то среди китайских корейцев оно крайне настороженное. Выше процитированный участник дискуссии поясняет: «У нас, корейцев СНГ традиционно хорошее отношение к тягубя. Они считаются частью общности. Даже самый ярый противник смешанных браков против самих тягубя, как правило, ничего не имеет и считает своими. Особенно, если те сами разделяют корейскую идентичность. Но у корейцев Маньчжурии и Северной Кореи, судя по всему, отношение к ним традиционно отрицательное. И на Юге до недавнего времени было также. Сейчас, правда, там многое изменилось. Не знаю, как в корейских общинах Японии, Америки, Австралии и Европы. Думаю, как у нас. Вот товарищ из Китая попытался влезть в чужой монастырь со своим уставом. Может у них так принято разговаривать с тягубя. Я не знаю» (Олег Цой, 10 июня 2017 в 19:43).

Подведем итог. «Моноэтническая» и «интернационалистическая» самоидентификация у тягубя — редкость. Скорее надо выделить две группы, соответствующие позитивной и негативной самоидентификации. Тягубя либо не относят себя ни к тем, ни к другим, ни к корейцам, ни к русским (в нашем случае большинство тягубя — потомки от русско-корейских браков), либо относят себя сразу и к тем, и к другим, называя себя «многокровками», впитывающими и каким-то чудным замысловатым способом преломляющими в себе две (а то и более!) столь различные культуры. Упоминаний о такой положительной идентификации себя в качестве метисов мы не встречаем в литературе о самоидентификации потомков смешанных браков.

На этом примере мы видим, что у каждого народа есть особенности самоидентификации «метисов», которые обусловлены рядом внешних и внутренних факторов. Во всех случаях, на которых мы останавливались (на основе ли данных, описанных в литературе, на данных ли, полученных нами), а это дети от русско-татарских, русско-еврейских, русско-казахских и русско-корейских браков, мы видим определенное сходство, и это сходство состоит в затруднении самоидентификации значительной части «метисов». В остальном они являют картину весьма различную, которая определяется соотношением этнических культур родителей, их дистанциями, социокультурными сценариями, в который они вписываются. Среди внешних факторов, влияющих на самоидентификацию «метисов», можно назвать уровень притяжения-непритяжения представителей той или иной национальности в обществе, что сказывается и на детях от смешанных браков. Внешними являются и идеологии, например идеология национализма. Так же чем-то внешним я определила бы национализм (поскольку национализм у всех бывших советских народов однотипен и выступает в форме мифа о чистоте крови как признаке полноценности). Именно такой национализм приводит к презрительному наименованию «метисов» как «недоделанных» казахов, якутов и т. д. Такой взгляд встречается и у корейцев. Так чистокровный кореец разговаривает с тягубя: «Вижу, что Вы тоже не туда и не сюда. Стараетесь быть корейкой? Не получится, так как представьте себе, в курятнике утка с менталитетом курицы, или Вы как Тигр-гибрид между львом-самцом и тигрицей-самкой. Львы стаяй живут, а тигры одинокие, и так этот Тигр будет как жить? Не туда и не сюда, как говорится» (Victor Kim, 10 июня 2017 в 9:42). Но такие реплики встречаются относительно редко. Большинство

чистокровных корейцев в данном контексте предпочитает говорить, что и сами корё-сарам в большинстве своем весьма ассимилированы. Вот пара реплик из множества на эту тему: «Я тоже ни то ни сё, не смотря на то, что я чистокровная и тоже не знаю корейского, только чуть-чуть, про еду, давным-давно услышанные полузабытые слова из раннего детства от моей бабушки» (Рин Ки, 6 окт 2013 в 23:28), «От ассимиляции никуда не деться. По сути, все мы уже русские по языку и культуре» (Алексей Тянь, 4 июн 2013 в 0:08). Поэтому не всегда в корейской диаспоре присутствует ясное противопоставление корё-сарам и тягубя. Мы не будем останавливаться на этой проблеме, которая требует отдельного изучения. Отметим только, что наше исследование показало: в качестве отличительной черты идентификации и самоидентификации тягубя присутствует восприятие «полукровок» как некоторой самооценности. Полагаем, что связана она с определенным глобализмом в мировоззрении корё-сарам, восточных по своим этническим корням, весьма специфических по своим обычаям и кухне и часто русских по своей судьбе и способу мышления.

Источники

Галкина Е. М. Этническая идентификация у выходцев из национально-смешанных семей (этносоциологический и этнопсихологический аспекты) // Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов: Сб. ст. — М.: Институт этнографии АН СССР, 1989. — С. 11–19.

Галкина Е. М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в г. Москве): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — 1993. — 26 с.

Исхаков Р. Р. Этническая идентичность в полиэтнической среде (деятельностный подход) [Электронный ресурс] // Заграница. — М., 2000. — URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/5030-3.shtml (дата обращения: 21.12.2020).

Крылова Н. Л. Метисы в России. Размышления о судьбах, культуре, будущем // Крылова Н. Л., Прожогина С. В. Смешанные браки. Опыт межкультурного общения. — М.: Ин-т Африки РАН, 2002. — 320 с.

Крылова Н. Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба. — М.: РОССПЭН, 2006. — 576 с.

Носенко Е. Э. Быть или чувствовать? (Основные аспекты формирования евр. самоидентификации у потомков смешан. браков в соврем. России). — М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. — 400 с.

Носенко-Штейн Е. Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: Дис. ... д-ра ист. наук [Электронный ресурс] // disserCat — электронная библиотека диссертаций. — 2005. — 546 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-etnicheskoi-samoidentifikatsii-u-potomkov-russko-evreiskikh-brakov-v-sovremenno> (дата обращения: 21.12.2012).

Румянцева П. Дети смешанных браков. Особенности этнокультурного самосознания [Электронный ресурс] // Педагогический Альманах. — 2001. — № 9. — URL: [http://old.ort.spb.ru/\(Eng\)/nesh/njs9/gumqnc9.htm](http://old.ort.spb.ru/(Eng)/nesh/njs9/gumqnc9.htm) (дата обращения: 21.12.2020).

Синкевич З. В., Безрукова О. Н., Поссель Ю. А., Самойлова В. А. Межэтническая семья в современной России. — СПб.: Скифия принт, 2018. — С. 116–117.

Титова Т. А. Этническое самосознание в национально смешанных семьях. — Казань: Форт-Диалог, 1999. — 164 с.

Уалиева С., Эдгар Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане [Электронный ресурс] // Журнальный зал (литературный интернет-проект). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (дата обращения: 21.12.2020).

Bertaux D. Du monopole au pluralisme méthodologique dans la sociologie de la mobilité sociale. *Histoires de vie, histoires de familles, trajectoires sociales. Annales de Vaucresson*. — 1987. — No 26. — P. 305–317.

References

Bertaux D. Du monopole au pluralisme méthodologique dans la sociologie de la mobilité sociale. *Histoires de vie, histoires de familles, trajectoires sociales. Annales de Vaucresson*, 1987, no. 26, p. 305–317.

Galkina E. M. *Etnicheskaya identifikatsiya u vyhodtsev iz natsional'no-smeshannyh semey (etnosotsiologicheskii i etnopsihologicheskii aspekty)* [Ethnic identification among people from nationally unmixed families (ethno-sociological and ethno-psychological aspects)]. *Etnografiya, antropologiya i mezhnye distsipliny: sootnoshenie predmeta i metodov: Sb. st.* Moscow, Institut etnografii AN SSSR, 1989, pp. 11–19. (In Russian)

Galkina E. M. *Etnicheskaya identichnost' podrostkov iz natsional'no-smeshannyh semey (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya v g. Moskve). Avtoreferat* [Ethnic identity of adolescents from nationally unmixed families (based on ethno-sociological research in Moscow). *Author's abstract*]. Moscow, 1993. 26 p. (In Russian)

Iskhakov R. R. *Etnicheskaya identichnost' v polietnicheskoy srede (deyatelnostnyy podhod)* [Ethnic identity in a multi-ethnic environment (activity approach)]. *Zagranitsa*, Moscow, 2000. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/5030-3.shtml (access date: 21.12.2020). (In Russian)

Krylova N. L. *Metisy v Rossii. Razmyshleniya o sud'bah, kul'ture, budushchem* [Metis in Russia. Reflections on fates, culture, future]. *Krylova N. L., Prozhogina S. V. Smeshannye braki. Opyt mezhtsivilizatsionnogo obshcheniya*. Moscow, RAN, In-t Afriki RAN, 2002, 320 p. (In Russian)

Krylova N. L. *Afro-rossiyane: brak, sem'ya, sud'ba* [Afro-Russians: marriage, family, destiny]. Moscow, ROSSPEN, 2006, 576 p. (In Russian)

Nosenko E. E. *Byt' ili chuvstvovat'?* (*Osnovnye aspekty formirovaniya evr. samoidentifikatsii u potomkov smeshan. brakov v sovrem. Rossii*) [*To be or to feel ? (the main aspects of the formation of Jewish self-identity among the descendants of mixed marriages in modern Russia)*]. Moscow, IV RAN, Kraft+, 2004, 400 p. (In Russian)

Nosenko-Shteyn E. E. Formirovanie etnicheskoy samoidentifikatsii u potomkov russko-evreyskikh brakov v sovremennoy Rossii: Dis. [Formation of ethnic self-identification among the descendants of Russian-Jewish marriages in modern Russia] *disserCat — elektronnyaya biblioteka dissertatsiy*. 2005. 546 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-etnicheskoi-samoidentifikatsii-u-potomkov-russko-evreiskikh-brakov-v-sovremenno> (access date: 21.12.2012). (In Russian)

Rumyantseva P. Deti smeshannykh brakov. Osobennosti etnokul'turnogo samosoznaniya [Children from mixed marriages. Features of ethno-cultural self-awareness]. *Pedagogicheskiy Al'manah*, 2001, no. 9. URL: [http://old.ort.spb.ru/\(Eng\)/nesh/njs9/rumqnc9.htm](http://old.ort.spb.ru/(Eng)/nesh/njs9/rumqnc9.htm) (access date: 21.12.2020). (In Russian)

Sinkevich Z. V., Bezrukova O. N., Possel' Yu. A., Samoylova V. A. *Mezhetnicheskaya sem'ya v sovremennoy Rossii* [*Interethnic family in modern Russia*]. Saint Petersburg, Skifiya print, 2018, pp. 116–117. (In Russian)

Titova T. A. *Etnicheskoe samosoznanie v natsional'no smeshannykh sem'yakh* [*Ethnic identity in nationally mixed marriages*]. Kazan, Fort-Dialog, 1999, 164 p. (In Russian)

Ualieva S., Edgar E. Mezhetnicheskie braki, smeshannoe proiskhozhdenie i «druzhba narodov» v sovetskom i postsovetskom Kazahstane [Interethnic marriages: mixed origin “friendship of people” in Soviet and post-Soviet Kazakhstan]. *Zhurnal'nyy zal (literaturnyy internet-proekt)*. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (access date: 21.12.2020). (In Russian)

Лурье Светлана Владимировна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Lourié Svetlana V., Culturology Doctor, Ph.D. (History), Leading Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
svlourie@gmail.com

А. Я. Фейгина, В. П. Авдеева, В. А. Одинокова, М. М. Русакова

СЕТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

В данной статье представлено описание формальных и неформальных ресурсов социальной поддержки семей с детьми, получающих социальные услуги районных Центров социальной помощи семье и детям в Санкт-Петербурге. Проблема исследования заключается в недостатке информации о ресурсах социальной поддержки семей с детьми, которые получают услуги организаций системы социальной защиты. Целью нашего исследования является описание и классификация сетей социальной поддержки детей и семей. Методология исследования основана на стратегии framework анализа. В выборочную совокупность были включены 59 кейсов, каждый из которых включал в себя интервью с ребенком в возрасте от 10 до 17 лет и интервью с его/ее родителем или опекуном. В процессе анализа данных нами были выявлены различные виды социальной поддержки семьи — инструментальная, материальная, информационная и оценочная, определены люди, которые оказывают тот или иной вид поддержки — к ним относятся родственники и члены семьи ребенка, школьные учителя, тренеры кружков, а также специалисты Центров социальной помощи и других организаций в сфере социальной защиты. В анализ данных также вошли характеристики сетей поддержки: их размер, плотность, гетерогенность и комплексность. Наиболее распространенными видами поддержки являются инструментальная, материальная и эмоциональная. Материальную и инструментальную поддержку большинству семей оказывает бабушка ребенка. Инструментальную поддержку, которая может заключаться в помощи в воспитании младших детей, родителям оказывает сам ребенок, также от детей исходит и эмоциональная поддержка. Существенным является факт отсутствия эмоциональной поддержки в трети всех семей из выборки, признанных находящимися в социально опасном положении, и отсутствие какой-либо материальной поддержки в части семей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: сети социальной поддержки, социальное окружение, семья, дети, неформальная поддержка, формальная поддержка.

FEIGINA A. YA., AVDEEVA V. P., ODINOKOVA V. A., RUSAKOVA M. M.

SOCIAL SUPPORT NETWORKS OF FAMILIES WITH CHILDREN IN A DIFFICULT LIFE SITUATION

This article describes formal and informal resources of social support for families with children who receive social services from the regional Centers for

Social Assistance to Families and Children in St. Petersburg. The research problem is the lack of information on the resources of social support for families with children who receive services from the social protection system. The aim of our research was to describe and classify social support networks for children and families. The research methodology is based on the framework analysis. The research sample included 59 cases, each case included an interview with a child aged from 10 to 17 and an interview with his / her parent or legal guardian. When analyzing the research data we identified various types of social support for the family — instrumental, material, informational and appraisal support, identified people who provide these types of support, these were the family members and relatives, school teachers, coaches (in extra curricular activities), as well as specialists from social support centers and other organizations in the field of social welfare system. The data analysis also included the characteristics of these networks: their size, density, heterogeneity, and complexity. The most common types of support are instrumental, material and emotional. The child's grandmothers provide material and instrumental support for most families. Instrumental support, which may include assistance in the upbringing younger children, is provided to the parents by the child him or herself, and emotional support also comes from the children. A significant fact is the lack of emotional support in one third of all families from the sample, recognized as being in a socially dangerous situation, and the absence of any material support in some families in difficult life situations.

Key words: social support networks, social environment, family, children, informal support, formal support.

Введение

Жизнь каждого человека связана с окружающими его людьми, такими как родственники, члены семьи, друзья, коллеги, составляющими сеть отношений, в то время как социальная поддержка является частью этих отношений (Elder 1994). В последние годы проводится большое количество исследований, направленных на изучение сетей социальной поддержки, которые влияют на социальную среду и благополучие людей (Carlos et al. 2019). С развитием в 1980-х гг. новой социологии детства, в рамках которой дети воспринимались как участники социальных отношений и процессов, а детство стало рассматриваться не как подготовка к взрослой жизни, а как самостоятельный важный жизненный этап, увеличилось количество исследований сетей социальной поддержки именно ребенка, а также семей, в которых есть дети (Ai, Hu 2016; Belle 1989).

В фокусе внимания нашего исследования сетей социальной поддержки находятся дети, которые получают услуги Центров социальной

помощи семье и детям (далее — ЦСПСиД) в Санкт-Петербурге. Понимание того, как работают сети социальной поддержки семей, получающих услуги учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, дает нам возможность изучить и определить внешние ресурсы семьи, которые могут быть мобилизованы при работе специалистов и использованы в целях улучшения ситуации в семье. Проблема исследования заключается в отсутствии достаточной информации о том, какие сети социальной поддержки присутствуют в жизни ребенка и семьи, какие функции они выполняют и какими характеристиками обладают.

Особенность нашего исследования заключается в комплексном характере анализа сетей социальной поддержки. Нами было изучено не просто социальное окружение семьи и ребенка как таковое, а получена конкретная информация о том, кто и какую поддержку оказывает семье. Сеть рассматривалась не просто с точки зрения факта ее существования, а была охарактеризована по четырем признакам: размеру, плотности, комплексности и гетерогенности.

Обзор актуальных исследований

На протяжении всей жизни человек вступает в различные социальные контакты с окружающими его людьми, посредством которых он получает поддержку в области эмоционального и материального благополучия (Лифинцев и др. 2016). В особенности существенной для ребенка является поддержка со стороны его ближайшего окружения — семьи, близких родственников и друзей (Abbs 1982).

Существует много различных определений и подходов к пониманию сетей социальной поддержки, но в данном исследовании сеть социальной поддержки будет пониматься как сеть социальных отношений индивида (семьи), функцией которых является оказание поддержки, включающая в себя формальные (специалисты по социальной работе, психологи, учителя, тренеры, медицинские работники и др.) и неформальные (друзья родителей, друзья ребенка, члены семьи, соседи) источники поддержки (Glanz et al. 2008; Heaney, Israel 2008).

На сегодняшний день существуют различные подходы к пониманию сетей социальной поддержки как формальных, так и неформальных. Подавляющее большинство исследований нацелено на анализ неформальных сетей социальной поддержки — со стороны членов семьи,

друзей, одноклассников и знакомых (Abbs 1982; Rosenfeld 1988; Dubow, Ullman 1989; Armstrong 2005; Varda, Talmi 2018).

Многочисленную категорию составляют исследования социальной поддержки семей, в которых ребенок имеет серьезное заболевание или ограничение физического или когнитивного развития (Harper et al. 2016; Ospina-Romero 2016; Alves dos Santos et al. 2019; Varda, Talmi 2018). Большую роль сети социальной поддержки играют для семей, в которых есть дети с особенностями развития, таким семьям необходима дополнительная поддержка.

Часто поддержка через сети социального окружения изучается в группах людей, которые подверглись разным типам насилия. В одном из таких исследований была выявлена слабость сетей социальной поддержки детей и женщин, которые сталкивались с психологическим или физическим насилием (Carlos et al. 2019).

Существует связь между наличием у семьи ресурсов социальной поддержки, которая может выступать в качестве протективного фактора в отношении негативных воздействий среды, с благополучием семьи и общим эмоциональным состоянием ребенка (Armstrong et al. 2005). Отсутствие у семьи или ребенка друзей или людей, к которым они могут обратиться за помощью, может оказывать негативное влияние на психологическое состояние (Procidano, Heller 1983), в свою очередь психологическая устойчивость и поддержка отрицательно коррелируют с одиночеством — поддержка родителей, родных и близких положительно влияет на общую психологическую устойчивость ребенка, позволяя ему понять, что он не одинок (Ai, Hu 2016). Потребность ребенка в дополнительной психологической помощи может быть результатом слабой поддержки, оказываемой ребенку со стороны родителей и родственников (Nanninga et al. 2015).

Отсутствие поддержки семьи может послужить причиной развития депрессивных состояний. Детям необходима поддержка со стороны родителей для того, чтобы у них не возникало психологических проблем (Garipey et al. 2016). Эмоциональная поддержка от родителей оказывает положительное влияние на поддержание психологического состояния детей, в то время как сами родители также нуждаются в поддержке, отсутствие которой негативно влияет на их отношение к детям (Thompson 2015).

Многочисленные исследования были направлены на анализ функциональности, силы, интенсивности и характера влияния сетей социальной поддержки для семей с детьми из различных групп. Фокус

внимания нашего исследования сосредоточен на изучении индивидуальных сетей социальной поддержки семей с детьми, которые получают услуги в ЦСПСиД. В рамках исследования были сформулированы следующие исследовательские вопросы: какие ресурсы сетей социальной поддержки есть у семей, получающих услуги в ЦСПСиД? Кто входит в состав этих сетей? Какие функции выполняют конкретные люди, входящие в одну сеть? Какова роль специалистов организаций системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в сетях социальной поддержки? Какие типы поддержки являются наиболее распространенными в семьях, признанных находящимися в социально опасном положении (далее — СОП) и в трудной жизненной ситуации (далее — ТЖС)?

Теоретические основания исследования

В связи со спецификой наших данных и в соответствии с целями исследования, мы будем использовать классификацию сетей социальной поддержки по содержательной части оказываемой помощи, которая предполагает наличие эмоциональной, инструментальной, информационной и оценочной поддержки (Нирсеу 1998).

1. Эмоциональная поддержка включает предоставление нематериальной поддержки, такой как любовь, сочувствие, забота и доверие. Примерами подобной поддержки могут служить проявление внимания друг к другу, помощь в решении психологических проблем или просто беседы, способствующие улучшению эмоционального состояния.

2. Инструментальная поддержка включает предоставление услуг, которые непосредственно приносят пользу родителю и/или ребенку (например еда, деньги, компьютерная помощь, помощь при поездке в супермаркет).

3. Материальная поддержка представляет собой непосредственно помощь в виде чего-либо материального, это может быть предоставление денежных средств, билетов в театры, музеи, подарков, помощь в покупке одежды, школьных принадлежностей и так далее.

4. Информационная поддержка осуществляется посредством предоставления информации и консультаций или инструкций, предложений, чтобы помочь человеку решить собственные проблемы.

5. Оценочная поддержка относится к предоставлению конструктивной обратной связи, восприятию положительного сравнения, поощрения или другой информации, которая поможет получателю

оценить собственное чувство самоэффективности или компетентности (Hupseu 1998).

Следующие характеристики сетей социальной поддержки легли в основу нашей теоретической модели: **размер сети**, то есть общее количество доступных источников поддержки для одного человека, **гетерогенность**, которая тесно связана с размером, так как в случае обширной сети с большим количеством различных источников поддержки и разнообразие функций, выполняемых источниками поддержки, больше, при более мелких сетях — наоборот; **плотность**, которая означает близость и доступность взаимодействия в сетях, и **комплексность сетей** — многообразие функций, которые может выполнять сеть (Donev et al. 2008).

Методология

Выборочная совокупность

В качестве массива данных для анализа были использованы интервью лонгитюдного исследования «Социальные траектории детства в современной России» (Русакова и др. 2018), которое проводилось в период с 2016 по 2018 г. В процессе сбора данных были взяты интервью у трех типов информантов — детей (ключевые информанты), родителей (или законных представителей) и специалистов по социальной работе. В выборочную совокупность были включены дети в возрасте от 10 до 17 лет, получающие услуги в ЦСПСиД в 14 районах Санкт-Петербурга. В процессе сбора данных была получена информация по 84 кейсам. «Кейс» — это история (жизненная траектория) ребенка в контексте семьи.

Для настоящего анализа данных была сформирована подвыборка, в которую были включены интервью с родителями, полученные в рамках первой волны сбора данных, и интервью с детьми, собранные во второй волне сбора данных. Всего для анализа были отобраны 59 кейсов (118 интервью). Из них девять семей были признаны находящимися в социально опасном положении (СОП), остальные 50 — в трудной жизненной ситуации (ТЖС).

Методы сбора данных

В исследованиях сетей социальной поддержки часто используются визуальные методы, с помощью которых можно графически представить социальное окружение семьи и ребенка и проанализировать

реципрокность, интенсивность связей, плотность или гетерогенность сетей (Donev et al. 2008). В некоторых исследованиях сети социальной поддержки изображают с помощью экокарты социального окружения или генограммы (Barbieri 2016), карты сетей социальной поддержки (Pirkanen et al. 2015), графических методик (Безрукова 2011), минимальных карт личных социальных сетей (Carlos et al. 2019).

В процессе исследования при необходимости иногда могут быть разработаны специальные методики, например такие как Person-Centered Network App, в которой объединяются все персональные связи, указанные респондентами, в одну карту (Varda, Talmi 2018). Также для сбора и анализа данных о ресурсах поддержки разработаны специальные шкалы, например психодиагностические шкалы субъективного благополучия, которые включают в себя информацию о доступных ресурсах поддержки или воспринимаемой социальной поддержке (Шайгерова 2019).

Для достижения целей нашего исследования при изучении сетей социальной поддержки семьи и ребенка в полуструктурированном интервью с родителями этой теме был отведен отдельный раздел — составление экокарты социального окружения. Респондентам предлагалось нарисовать карту социального окружения ребенка, на которой они могли отметить всех людей, которые принимают участие в жизни ребенка, частоту взаимодействий с ними, характер отношений (положительные отношения: любовь и сильная привязанность, конфликтные, нейтральные), а затем указать, какую поддержку эти люди оказывают ребенку и семье в целом.

Детям был задан вопрос о значимом взрослом, целью которого было получение информации о том, есть ли в жизни ребенка взрослый человек (не обязательно родитель), к которому он может обратиться в случае проблем или трудностей, и кем ребенку приходится этот человек (Pringle et al. 2019).

Методы анализа данных

Анализ данных был основан на стратегии framework анализа (Smith, Firth 2011; Parkinson et al. 2016) и проводился в несколько этапов. На первом этапе происходило ознакомление с имеющимися данными и формирование подвыборки кейсов. Нами были отобраны расшифровки интервью, соответствующие целям и задачам анализа и поставленным исследовательским вопросам. На втором этапе нами была создана книга кодов, где 12 априорных кодов, разработанных на

основе теоретической модели, были разделены на три группы: виды поддержки, формальные и неформальные источники поддержки. Первая группа включала коды, характеризующие разные виды поддержки: эмоциональная, инструментальная, материальная, информационная и оценочная. В процессе кодирования инструментальная поддержка была разделена на две группы — собственно инструментальную и материальную, в связи с этим появился один апостериорный код — «материальная поддержка». Вторая группа кодов включала в себя источники формальной поддержки семьи, сюда были включены два кода — поддержка специалистов ЦСПСиД и поддержка специалистов других организаций. Третья группа кодов была посвящена неформальным источникам поддержки, которая, в свою очередь, подразделялась на несколько видов. Поддержка в семье была поделена на две группы — поддержка внутри семьи (родители и дети, в том числе родные братья или сестры) и поддержка других родственников (дяди, тети, бабушки, дедушки и др.). Следующие два кода определяли поддержку друзей семьи — отдельно поддержка друзей или знакомых ребенка и родителей. Последний код в этой группе — поддержка учителей, тренеров, мастеров. Отдельный код, который не был отнесен ни в одну из вышеперечисленных групп, был использован для фиксации информации о значимом взрослом в жизни ребенка.

На третьем этапе анализа данных происходило кодирование транскриптов интервью. На начальном этапе анализа данных в целях обеспечения единообразия при кодировании авторы совместно закодировали несколько интервью для уточнения перечня и определений кодов, затем процесс кодирования осуществлялся индивидуально каждым из авторов.

Следующий этап, тесно связанный с предыдущим, заключался в составлении матрицы данных. В процессе кодирования вся информация заносилась в специально созданную матрицу данных, где для каждого кейса была создана отдельная строка, а каждый столбец соответствовал одному коду. На последнем этапе проводился подсчет, группировка, обобщение и описание полученных данных.

Результаты анализа данных

Виды социальной поддержки семей

Эмоциональная поддержка. Под эмоциональной поддержкой понималось наличие проявления таких чувств, как любовь, забота, сочувствие и доверие (например: поддержка ребенка специалистом

в трудной ситуации, оказание психологом помощи — в общем, психологическая поддержка ребенка или родителей). Чаще всего эмоциональную поддержку семье или ребенку оказывает психолог ($n=32$). Здесь речь идет о профессиональной психологической помощи, которую как ребенок, так и родитель получают у психолога в ЦСПСиД.

«И: Кто и какие услуги Вам оказал?»

Р: Психолог. И: Психолог. Помог ли вам?»

Р: Да, и помогает в настоящее время» (кейс № 48).

Эмоциональную поддержку ребенок получает от матери ($n=10$) и, значительно реже, от отца ($n=2$).

Эмоциональная поддержка исходит от специалистов центров, причем как для родителей, например в качестве поддержки при проблемах в семье или в отношениях с ребенком, так и для детей ($n=8$), ребенку — от преподавателей различных кружков и секций ($n=8$). Сам ребенок также оказывает эмоциональную поддержку своим родителям в трудных ситуациях ($n=8$).

Эмоциональная поддержка ребенку может поступать от их младших или старших братьев или сестер ($n=6$). От друзей эмоциональная поддержка ребенку оказывается не так часто. Она встречается всего в 4 кейсах.

В трети всех семей, признанных находящимися в социально опасном положении, встречается полное отсутствие какой-либо эмоциональной поддержки ($n=3$). В двух семьях источником эмоциональной поддержки является психолог, еще в четырех — друзья или родственники: бабушка, отчим, тетя, дядя, отец, друзья родителей или ребенка.

Материальная поддержка. Под этим видом поддержки понималось оказание людьми из социального окружения ребенка материальной помощи: деньгами, одеждой, подарками, канцелярскими принадлежностями к школе и т. д. Важно отметить, что материальная поддержка семей, оказываемая ЦСПСиД ($n=18$), отличается по содержанию от материальной поддержки, которую родители и дети получают от бабушек ($n=14$) или от других родственников ($n=9$). От ЦСПСиД в качестве материальной поддержки семья может получать одежду, обувь, продукты, билеты в театр (встречается практически во всех кейсах) или канцелярские принадлежности для школьников.

«...всякие экскурсии, зоопарки, билеты в театр давали... Всякие праздники....» (кейс № 71).

От большинства родственников материальная поддержка предоставляется в виде денежных средств или подарков.

«Бабушка оказывает поддержку и мне, и ребенку, потому что она финансово нам помогает...» (кейс № 2).

В одной пятой части всех случаев, а именно в семьях, которые находятся в трудной жизненной ситуации, наблюдается полное отсутствие какой-либо материальной поддержки ($n = 11$).

Инструментальная поддержка. Инструментальная поддержка может включать в себя помощь в сфере воспитания ребенка (посидеть с ребенком, в том числе забрать на каникулы, летом на дачу) помощь с выполнением домашних заданий, контроль, мониторинг спортивных занятий, обучения в школе, лицее или колледже.

Инструментальная поддержка может быть разной по своему содержанию. Например, инструментальная поддержка, оказываемая самим ребенком ($n = 31$), заключается в основном в помощи родителям по дому: уборка, приготовление пищи, уход за домашними животными или помощи с младшими братьями или сестрами (посидеть пока родители заняты, забрать из школы).

«И: Помогает он Вам по дому: уборка, стирка?»

Р: Ой, вообще. Я только его отгоняю. <...> ...Повар, всё он хочет порезать и готовить он хочет, взбить он хочет. Помогает, посуду моет, полы моет» (кейс № 10).

Инструментальная поддержка бабушек ($n = 16$) и дедушек ($n = 7$) заключается в основном в помощи родителям с внуками, например многие забирают ребенка на дачу на все лето или водят на различные секции и кружки, если родители заняты на работе. Схожей является инструментальная поддержка, исходящая от друзей родителей ($n = 7$). Чаще всего они говорят о помощи, которая заключается в том, что друг или подруга остается с ребенком, если его не с кем оставить, проводит с ним время.

Инструментальная помощь друзей ребенка ($n=5$) также не похожа на помощь друзей родителей. В основном это помощь в выполнении домашних заданий у детей школьного возраста. Похожим является содержание инструментальной поддержки ребенку от учителей — они также помогают детям с домашней работой ($n=8$).

Инструментальная поддержка от специалистов ЦСПСиД ($n=15$) заключается, по словам родителей, в основном в том, что они могут оставить ребенка на дневном отделении Центра, что экономит их время, если нет возможности забрать ребенка из школы из-за графика работы. Ребенка в Центре кормят, он/она могут посещать секции, а также специалисты помогают с выполнением домашних заданий, что не входит в их непосредственные профессиональные обязанности.

Информационная поддержка. Информационная поддержка — это предоставление информации и консультаций или инструкции, предложения, чтобы помочь получателю решить собственные проблемы. Например, это может быть консультация юриста, специалиста по социальной работе по вопросу оформления пособий, прав на имущество, формальных статусов, а также конкретные указания, инструкции, предоставление информации.

Информационная поддержка в первую очередь исходит от специалистов центров, с которыми взаимодействует семья ($n=33$). Это может быть как юридическая помощь ($n=4$), так и советы психолога ($n=5$).

Информационная поддержка друзей или знакомых семьи ($n=10$) в основном заключалась в том, что они советовали родителю ребенка посетить центр помощи или по их совету семья нашла определенного специалиста в интересующей области.

Оценочная поддержка. Этот вид поддержки в кейсах встречался реже всего. Возможно, это связано с тем, что сами родители редко расценивают данный вид поддержки как таковой. Оценочная поддержка чаще всего оказывалась родителям специалистами центра ($n=7$). Консультации психолога, в частности, могут выступать в качестве оценочной поддержки ($n=3$). Получить совет и оценить собственное положение родителям могут помочь знакомые, учителя, родственники (бабушки, дедушки, братья, сестры, родители других детей, посещающих ЦСПСиД ($n=10$)).

«В групповых занятиях меня прям все устраивает, все нравится, то что мы общаемся и с другими родителями, и смотришь там, какие у других проблемы, сравниваешь свои, вот эта практика мне очень понравилась...» (кейс № 18).

Источники поддержки: неформальная поддержка

Поддержка внутри семьи

В эту категорию были включены все упоминания оказываемой поддержке внутри семьи, состоящей из родителей (опекунов) и детей, другие родственники не включались в данную категорию. Учитывалась также поддержка не только детей родителями и родителей детьми, но и младшими или старшими братьями и сестрами ребенка, который принимал участие в исследовании. По результатам полученных данных, наиболее распространенные виды поддержки (инструментальную, реже — эмоциональную) оказывают сами дети ($n=31$).

«Это ближе уже, наверное, к годам 14–15... [начал помогать] То есть вот сейчас, то, что он готовит, может с братом посидеть» (кейс № 51).

Поддержку от родителей дети получают практически в равном количестве кейсов. От матери поддержку дети получают в 15 кейсах ($n=15$), от отца в 16 кейсах ($n=16$). В 8 кейсах ребенок получает поддержку от своих братьев или сестер ($n=8$). В 4 кейсах ($n=4$) поддержка ребенку идет от опекуна и в 4 кейсах ($n=4$) от отчима.

Поддержка членов семьи (других родственников)

Чаще всего поддержку семье оказывает бабушка ($n=31$). Бабушки оказывают как материальную (финансовая помощь, подарки), так и инструментальную поддержку родителям, например многие забирают детей на лето на дачу или помогают ребенку добраться до школы или кружков, если у родителей нет возможности делать это самостоятельно.

«Однозначно значит бабушка — это. Куда же без нее. Бабушка Оля, которая моя мама. У нее любовь, сильная привязанность, это 100 процентов... Потому что мама часто их и забирает, когда я не могу» (кейс № 7).

От дедушек поддержка исходит не так часто, в основном она также носит материальный или инструментальный характер ($n=12$). В единичных случаях присутствует поддержка и от тети ($n=7$) или дяди ($n=4$) ребенка.

Поддержка друзей знакомых родителей

В этот код были включены любые упоминания родителем помощи, исходящей от друзей или знакомых семьи. В целом о друзьях и знакомых в качестве источников поддержки говорили информанты из 22 кейсов.

Часто родители говорят о поддержке своих друзей ($n=10$), это бывает как инструментальная поддержка (посидеть с ребенком, пока родитель занят), так и эмоциональная поддержка. Интересно, что из 10 кейсов только в одном упоминается о поддержке друга отца, во всех остальных девяти — это друзья матери.

«Иногда, если подруга может, у меня подруга забирает старшего ребенка и ездит. Подруги помогают» (кейс № 29).

О поддержке соседей, как просто знакомых семьи, упоминается в четырех кейсах. Это чаще всего информационная поддержка (посоветовали обратиться в Центр, подсказали куда, в какую секцию или кружок направить ребенка).

Поддержка друзей, знакомых ребенка

В этот код включены все упоминания о поддержке ребенка друзьями, одноклассниками в школе или просто знакомыми ($n=15$). Стоит упомянуть, что это может быть как инструментальная поддержка — помощь с выполнением домашних заданий, совместное выполнение домашних заданий, так и эмоциональная поддержка — ребенок может поделиться с друзьями своими переживаниями или чувствами, тем, что он, например, не может обсудить с родителем по каким-то причинам.

Поддержка учителей, тренеров, мастеров

В этот код включалась вся поддержка, которую ребенок мог получить вне дома: в школе или в какой-либо секции от учителя или преподавателя, тренера ($n=21$). От учителя ребенок также может получить инструментальную поддержку — чаще всего это помощь в выполнении

домашних заданий или, при необходимости, сопровождение в поездке куда-либо (на соревнование или олимпиаду) в тех случаях, если родители не успевают отвезти ребенка ($n=6$).

Эмоциональная поддержка является неотъемлемой составляющей успешного процесса обучения, но ее дети получали всего в трех случаях ($n=3$). Содержание такой поддержки может заключаться, например, просто в общении ребенка с взрослым человеком о том, что его волнует, или психологическая поддержка («поднятие боевого духа») перед выступлением или соревнованием.

Формальная поддержка

Поддержка специалистов ЦСПСиД

Анализ роли специалистов в ресурсах поддержки семьи являлся одним из ключевых для нашего исследования, так как оно посвящено именно тем семьям, которые получают услуги в Центрах социальной помощи. Упоминание помощи специалистов присутствует в подавляющем большинстве кейсов ($n=49$). Поддержка, которая упоминается чаще всего, исходит от психолога центра и носит эмоциональный характер ($n=31$).

Юридическая помощь семье при оформлении различных документов была оказана в 15 кейсах, в семи кейсах упоминалась поддержка социального работника Центра. Также стоит упомянуть, что в выборке присутствует один кейс, где у семьи нет ни одного источника поддержки, кроме поддержки от специалиста ЦСПСиД.

«Конечно, она [социальный работник] всегда была с нами, и всегда, и в какую школу, и везде мы с ней, то на собраниях, то еще куда-то...» (кейс № 69).

Поддержка специалистов из других учреждений

В эту категорию были включены любые упоминания поддержки семьи со стороны специалистов учреждений кроме ЦСПСиД. Всего поддержка от специалистов упоминалась в 25 кейсах. В семи кейсах ребенок получал поддержку от психолога, в том числе в двух — от школьного. В двух кейсах родители говорят о поддержке со стороны церкви. Остальные источники поддержки, указанные выше, включали поддержку со стороны социального педагога в школе, юриста, воспитателя детского сада, сотрудника НКО, специалиста МФЦ.

Характеристики сетей социальной поддержки

Размер сети

Размер сети определяет общее количество людей, оказывающих различные виды поддержки. По данной характеристике размер сетей варьировался от наличия у семьи только одного источника поддержки ($n=2$) до 12 различных источников поддержки ($n=1$). В среднем же у семьи присутствовало 5–7 источников поддержки ($n=31$).

Гетерогенность

Указанная характеристика сети указывает на наличие различных видов поддержки у семьи. Это не просто люди, которые оказывают поддержку, а характеристика того, какую именно поддержку получают семья и ребенок.

Здесь анализ проводился по пяти уже упомянутым выше видам поддержки — эмоциональной, материальной, инструментальной, информационной и оценочной. Наиболее часто встречающейся комбинацией видов поддержки семьи является материальная и инструментальная, такое сочетание встречается в 35 кейсах. В 25 случаях можно проследить наличие одновременно эмоциональной, материальной и инструментальной поддержки ($n=25$). В восьми семьях присутствует сразу четыре вида поддержки — эмоциональная, инструментальная, материальная и информационная. Наличие всех видов поддержки есть только в пяти семьях.

Стоит упомянуть и те кейсы, где нет такого разнообразия по видам поддержки, а присутствует всего один вид. Это единичные случаи, где у семьи есть только эмоциональная поддержка или только инструментальная.

Плотность

Эта характеристика связана с близостью сетей поддержки к семье. Близость определяется буквально: поддержка внутри семьи — плотность высокая, поддержка друзей или знакомых — плотность ниже.

В 29 кейсах присутствует поддержка внутри семьи, то есть плотность высокая, в меньшем количестве кейсов семьи поддерживают ближайшие родственники ($n=25$) (бабушки, дедушки, дяди, тети). В 49 кейсах поддержку семья получает от специалистов, в 10 кейсах — от друзей. Здесь стоит сказать, что все эти подгруппы пересекаются. Возвращаясь

к размеру — у одной семьи может быть более 2–3 источников поддержки, что характерно для большинства случаев.

Комплексность

Комплексность сети подразумевает разнообразие функций, которые может выполнять одна сеть, то есть, например бабушка, может предоставлять одновременно материальную, инструментальную и эмоциональную поддержку семье и ребенку.

Мы определили комплексность по трем группам: низкая — это от 1 до 4 функций на один источник ($n=47$), средняя — это от 5 до 8 функций, выполняемых одним источником поддержки ($n=10$), и высокая — когда функций больше 8 (до 12) ($n=2$).

Значимый взрослый

В анализ данных был включен вопрос о значимом взрослом в жизни ребенка. Большинство детей отметили в качестве значимого взрослого свою мать ($n=31$), для 14 детей в равном количестве таким человеком являются отец или бабушка. Тетя или дядя являются значимыми взрослыми в жизни ребенка в одинаковом количестве кейсов — в пяти.

В четырех семьях, которые признаны находящимися в социально опасном положении, ребенок не смог назвать значимого взрослого, для других же детей, семьи которых также имеют данный статус, этим человеком, как и для большинства, является мать. В 12 случаях (включая семьи в СОП) в жизни ребенка нет значимого взрослого — в качестве близкого человека они называли друзей или братьев/сестер, которые также являются детьми.

Заключение

Во время взросления и становления личности ребенок нуждается в различных источниках поддержки, обеспечивающих его эмоциональные, материальные и социальные потребности. Ресурсы социальной поддержки реализуются через разные типы взаимодействия ребенка с его социальным окружением, благодаря чему ребенок может справиться с возникающими трудностями на своем жизненном пути и найти оптимальное решение проблем.

По результатам нашего анализа данных можно сделать некоторые выводы по функциональности и действию сетей социальной поддержки.

Первое, что стоит отметить: не только взрослый человек в семье может оказывать поддержку, а значимой и объемной является поддержка самим ребенком родителей или поддержка сверстников. Так, во многих семьях ребенок оказывает инструментальную поддержку родителям. Эмоциональная поддержка родителям от детей также играет большую роль в благополучии всей семьи. Сами дети могут оказывать различную поддержку друг другу, чаще это инструментальная поддержка, связанная с выполнением домашних заданий, как среди друзей, так и среди братьев и сестер.

Следующий момент, на который нужно обратить внимание, это значительная роль бабушек и дедушек в жизни семьи. Бабушки в большом количестве случаев оказывают материальную поддержку, хотя и встречаются семьи с полным ее отсутствием, имеющие статус находящихся в трудной жизненной ситуации. Бабушки также во многих случаях оказывают семье инструментальную и эмоциональную поддержку.

По результатам анализа данных можно сделать вывод о существенном влиянии эмоциональной поддержки на психологическое благополучие семьи и ребенка. В семьях, признанных находящимися в социально опасном положении, наблюдается полное отсутствие эмоциональной поддержки. Это может быть связано со следующими факторами: во-первых, отсутствие эмоциональной поддержки, которая выступает в качестве защитного фактора в отношении различных негативных явлений в жизни семьи, послужило наряду с другими факторами риска причиной возникновения угрозы жизни и здоровью ребенка и, как следствие, основанием для присвоения данного статуса. Во-вторых, само наличие статуса СОП могло стать причиной нежелания социального окружения контактировать и иметь связи с такой семьей: семья в обыденном понимании может характеризоваться как неблагополучная. Самым часто встречающимся человеком, который оказывает эмоциональную поддержку семье и ребенку, является психолог — специалист Центра помощи семье и детям.

Оценочная поддержка, которая связана со способностями людей давать оценку собственной самооценке, возможно, встречается редко, потому что этот вид поддержки является более латентным, в отличие от более понятных и явных материальной и эмоциональной поддержки. Такая поддержка требует от получателя большей рефлексии.

Отсутствие материальной поддержки, которое наблюдается в достаточно большом количестве случаев, может оказать негативное влияние

на общее благополучие семьи. Многим семьям в ТЖС и СОП необходима дополнительная материальная помощь со стороны родственников или государственных учреждений. Положительным моментом является то, что большинство семей обладают вышеупомянутыми ресурсами поддержки.

Что касается поддержки ребенка, согласно результатам анализа данных, в основном значимым взрослым для ребенка является мать. Двенадцать детей, включая четырех, семьи которых имеют статус СОП, не смогли назвать значимого взрослого в своей жизни.

Результаты исследования позволили нам понять, какая поддержка существует в жизни семьи и ребенка, какие люди оказывают различные виды поддержки, и какими характеристиками обладает сеть социальной поддержки. Зачастую без поддержки через сети социального окружения семья не в состоянии справиться с возникающими трудностями, поэтому поддержка или помощь являются необходимыми составляющими на пути к выходу из трудной жизненной ситуации, а анализ и оценка ресурсов поддержки — важным инструментом в социальной работе с семьей.

Источники

Безрукова О. Н. Ресурсы и сети поддержки ответственного родительства в молодых семьях. — СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011. — 216 с.

Лифинцев Д. В., Серых А. Б., Лифинцева А. А. Социальная поддержка как фактор психического благополучия детей и подростков // Национальный психологический журнал. — 2016. — № 4(24). — С. 71–78.

Русакова М. М., Одинокова В. А., Авдеева В. П., Захарова Ю. П., Ерицын К. Ю., Любимова А. И. Протокол исследования «Социальные траектории детства в современной России». Практика социальной работы. Открытый методический ресурс: [электронный журнал]. — 2018. — № 4. — URL: <http://www.xn--e1aavcpgf3a5d4a.xn--p1ai/node/124> (дата обращения: 21.12.2020).

Шайгерова Л. А. и др. Роль различных источников социально-психологической поддержки в субъективном благополучии несовершеннолетних, ожидающих решения суда в следственном изоляторе. Прикладная юридическая психология. — 2019. — № 4.

Abbs P. Social support networks. — Institute of Family Studies, Melbourne, Australia, 1982.

Ai Hongshan and Junmin Hu. Psychological resilience moderates the impact of social support on loneliness of “left-behind” children // Journal of health psychology. — 2016. — Vol. 21, No. 6. — P. 1066–1073.

Alves dos Santos B. et al. Social Support Network for the Family of Cerebral Palsy Bearing Children. *Revista de Pesquisa: Cuidado e Fundamental*. — 2019 — Vol. 11, No. 5.

Armstrong M. I., Birnie-Lefcovitch S., & Ungar M. T. Pathways Between Social Support, Family Well Being, Quality of Parenting, and Child Resilience: What We Know // *Journal of Child and Family Studies*. — 2005. — No. 14 (2). — P. 269–281.

Barbieri M. C. et al. Support network for families of children and adolescents with visual impairment: strengths and weaknesses // *Ciencia & saude coletiva*. — 2016. — Vol. 21. — P. 3213–3223.

Belle D. (ed.). *Children's social networks and social supports*. — John Wiley & Sons. — 1989. — Vol. 136.

Carlos D. M., Silva L. M. P., Beserra M. A., Aragão A. D. S., Gregory A., Ferriani M. D. G. C. Social support network of family members of abused children and adolescents: Perspectives and possibilities // *Journal of clinical nursing*. — 2019. — Vol. 28, No. 5–6. — P. 814–827.

Donev D., Pavlekovic G., Kragelj L. Z. Social networks and social support in health promotion programmes. *Programmes for Training on Research in Public Health for South Eastern Europe*, 2008.

Dubow E. F., Ullman D. G. Assessing social support in elementary school children: The survey of children's social support // *Journal of Clinical Child Psychology*. — 1989. — Vol. 18, No. 1. — P. 52–64.

Elder G. H. *Families in troubled times: Adapting to change in rural America*. — Transaction Publishers, 1994.

Garipey G., Honkaniemi H., Quesnel-Vallée A. Social support and protection from depression: systematic review of current findings in Western countries // *The British Journal of Psychiatry*. — 2016. — Vol. 209, No. 4. — P. 284–293.

Glanz K., Rimer B. K., Viswanath K. (ed.). *Health behavior and health education: theory, research, and practice*. — John Wiley & Sons, 2008.

Harper F. W. K. et al. Satisfaction with support versus size of network: Differential effects of social support on psychological distress in parents of pediatric cancer patients // *Psycho-Oncology*. — 2016. — Vol. 25, No. 5. — P. 551–558.

Heaney C. A., Israel B. A. Social networks and social support // *Health behavior and health education: Theory, research, and practice*. — 2008. — Vol. 4. — P. 189–210.

Nanninga M. et al. Enrolment of children and adolescents in psychosocial care: more likely with low family social support and poor parenting skills // *European child & adolescent psychiatry*. — 2015. — Vol. 24, No. 4. — P. 407–416.

Ospina-Romero M. et al. Caregivers' Self-Reported Absence of Social Support Networks is Related to Treatment Abandonment in Children With Cancer // *Pediatric blood & cancer*. — 2016. — Vol. 63, No. 5. — P. 825–831.

Parkinson S. et al. Framework analysis: a worked example of a study exploring young people's experiences of depression // *Qualitative Research in Psychology*. — 2016. — Vol. 13, No. 2. — P. 109–129.

Pirskanen H. et al. Researching children's multiple family relations: Social network maps and life-lines as methods // *Qualitative Sociology Research*. — 2015. — Vol. 11.

Pringle J. et al. Developing a taxonomy to characterise trusted adult support in the lives of adolescents // *Journal of adolescence*. — 2019. — Vol. 76. — P. 30–36.

Procidano M. E., Heller K. Measures of perceived social support from friends and from family: Three validation studies // *American journal of community psychology*. — 1983. — Vol. 11, No. 1. — P. 1–24.

Smith J., Firth, J. Qualitative data analysis: application of the framework approach // *Nurse Researcher*. — 2011. — No. 18 (2). — P. 52–62.

Thompson R. A. Social support and child protection: Lessons learned and learning // *Child Abuse & Neglect*. — 2015. — Vol. 41. — P. 19–29.

Varda D. M., Talmi A. Social connectedness in family social support networks: Strengthening systems of care for children with special health care needs // *eGEMs*. — 2018. — Vol. 6, No. 1.

References

Abbs P. *Social support networks*. Institute of Family Studies, Melbourne, Australia, 1982.

Ai Hongshan and Junmin Hu. Psychological resilience moderates the impact of social support on loneliness of “left-behind” children. *Journal of health psychology*, 2016, vol. 21, no. 6, pp. 1066–1073.

Alves dos Santos B. et al. Social Support Network for the Family of Cerebral Palsy Bearing Children. *Revista de Pesquisa: Cuidado e Fundamental*, 2019, vol. 11, no. 5,

Armstrong M. I., Birnie-Lefcovitch S., Ungar M. T. Pathways Between Social Support, Family Well Being, Quality of Parenting, and Child Resilience: What We Know. *Journal of Child and Family Studies*, 2005, no. 14 (2), pp. 269–281.

Barbieri M. C. et al. Support network for families of children and adolescents with visual impairment: strengths and weaknesses. *Ciencia & saude coletiva*, 2016, vol. 21, pp. 3213–3223.

Belle D. (ed.). Children's social networks and social supports. *John Wiley & Sons*, 1989, vol. 136.

Bezrukova O. N. *Resursy i seti podderzhki otvetstvennogo roditel'stva v molodyh sem'yah* [Resources and support networks for responsible parenting in young families]. Saint Petersburg: Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta [St. Petersburg State Univ. Publishing House], 2011, 216 p. (In Russian)

Carlos D. M., Silva L. M. P., Beserra M. A., Aragão A. D. S., Gregory A., Ferriani M. D. G. C. Social support network of family members of abused children and adolescents: Perspectives and possibilities. *Journal of clinical nursing*, 2019, vol. 28, no. 5–6, pp. 814–827.

Donev D., Pavlekovic G., Kragelj L. Z. Social networks and social support in health promotion programmes. *Programmes for Training on Research in Public Health for South Eastern Europe*, 2008.

Dubow E. F., Ullman D. G. Assessing social support in elementary school children: The survey of children's social support. *Journal of Clinical Child Psychology*, 1989, vol. 18, no. 1, pp. 52–64.

Elder G. H. *Families in troubled times: Adapting to change in rural America*. Transaction Publishers, 1994.

Garipey G., Honkaniemi H., Quesnel-Vallee A. Social support and protection from depression: systematic review of current findings in Western countries. *The British Journal of Psychiatry*, 2016, vol. 209, no. 4, pp. 284–293.

Glanz K., Rimer B. K., Viswanath K. (ed.). *Health behavior and health education: theory, research, and practice*. John Wiley & Sons, 2008.

Harper F. W. K. et al. Satisfaction with support versus size of network: Differential effects of social support on psychological distress in parents of pediatric cancer patients. *Psycho-Oncology*, 2016, vol. 25, no. 5, pp. 551–558.

Heaney C. A., Israel B. A. Social networks and social support. *Health behavior and health education: Theory, research, and practice*, 2008, vol. 4, pp. 189–210.

Lifintsev D. V., Seryh A. B., Lifintseva A. A. Sotsial'naya podderzhka kak faktor psicheskogo blagopoluchiya detey i podrostkov [Social support as a factor in the mental well-being of children and adolescents]. *Natsional'nyy psihologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*, 2016, no. 4 (24), pp. 71–78.

Nanninga M. et al. Enrolment of children and adolescents in psychosocial care: more likely with low family social support and poor parenting skills. *European child & adolescent psychiatry*, 2015, vol. 24, no. 4, pp. 407–416.

Ospina-Romero M. et al. Caregivers' Self-Reported Absence of Social Support Networks is Related to Treatment Abandonment in Children With Cancer. *Pediatric blood & cancer*, 2016, vol. 63, no. 5, pp. 825–831.

Parkinson S. et al. Framework analysis: a worked example of a study exploring young people's experiences of depression. *Qualitative Research in Psychology*, 2016, vol. 13, no. 2, pp. 109–129.

Pirskanen H. et al. Researching children's multiple family relations: Social network maps and life-lines as methods. *Qualitative Sociology Research*, 2015, vol. 11.

Pringle J. et al. Developing a taxonomy to characterise trusted adult support in the lives of adolescents. *Journal of adolescence*, 2019, vol. 76, pp. 30–36.

Procidano M. E., Heller K. Measures of perceived social support from friends and from family: Three validation studies. *American journal of community psychology*, 1983, vol. 11, no. 1, pp. 1–24.

Rusakova M. M., Odinkova V. A., Avdeeva V. P., Zaharova Yu. P., Eritsyen K. Yu., Lyubimova A. I. Protokol issledovaniya «Sotsial'nye traektorii detstva v sovremennoy Rossii» [Research protocol “Social trajectories of childhood in modern Russia”]. *Praktika sotsial'noy raboty. Otkrytyy metodicheskiy resurs [Practices of the Social Work. Open Methodical Resource]*. 2018. no. 4. URL: <http://www.xn--e1aavcpgf3a5d4a.xn--p1ai/node/124> (access date: 21.12.2020).

Shaygerova L. A. i dr. Rol' razlichnyh istochnikov sotsial'no-psihologicheskoy podderzhki v sub'ektivnom blagopoluchii nesovershennoletnih, ozhidayushchih resheniya suda v sledstvennom izolyatore [The role of various sources of social and psychological support

in the subjective well-being of minors awaiting a court decision in a pre-trial detention center]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Applied Legal Psychology]*, 2019, no. 4.

Smith J., Firth, J. Qualitative data analysis: application of the framework approach. *Nurse Researcher*, 2011, no. 18 (2), pp. 52–62.

Thompson R. A. Social support and child protection: Lessons learned and learning. *Child Abuse & Neglect*, 2015, vol. 41, pp. 19–29.

Varda D. M., Talmi A. Social connectedness in family social support networks: Strengthening systems of care for children with special health care needs. *eGEMs*, 2018, vol. 6, no. 1.

Фейгина Анна Яковлевна, факультет социологии, бакалавриат, Санкт-Петербургский государственный университет.

Feigina Anna Ya.

annalusha805@gmail.com

Авдеева Владлена Павловна, менеджер проектов, Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», аспирант, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Avdeeva Vladlena P.

vladlena.avdeeva@gmail.com

Одинокова Вероника Александровна, кандидат социологических наук, руководитель направления «Инновационные программы и фандрайзинг», Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Odinokova Veronika A., PhD, Senior Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

veronika.odinokova@gmail.com

Русакowa Майя Михайловна, директор Региональной общественной организации социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Rusakova Maia M., PhD, Senior Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

rusakova.maia@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-13-14.51v1-ed23

Н. Л. Русинова, В. В. Сафронов

ЦЕННОСТИ, КУЛЬТУРА И РАЗЛИЧИЯ В ЗДОРОВЬЕ: ОБЗОР ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

В статье представлен обзор современных западных исследований, посвященных влиянию ценностей и культуры на субъективное благополучие и состояние здоровья людей. Анализ состояния дел свидетельствует о появлении важного направления в изучении субъективного благополучия и неравенств в здоровье, в котором они объясняются особенностями ценностных ориентаций людей и распространенными в культуре предпочтениями. Обобщение научных фактов, выявленных в этом направлении, затруднено неоднозначными результатами, полученными во все еще немногочисленных исследованиях, проводившихся на многообразных и специфических выборках с использованием различных конструкторов и инструментов для фиксации зависимых и независимых переменных, а также — противоречивостью эмпирических заключений или их несоответствием теоретическим ожиданиям. Преодолению этих трудностей способствует обращение исследователей к сравнительному многоуровневому моделированию, в котором анализируются контекстуальные социально-экономические и культурные модерации зависимостей на индивидуальном уровне между ценностями, субъективным благополучием, эмоциональными расстройствами и релевантным для здоровья поведением.

Ключевые слова: обзор исследований, субъективное благополучие, здоровье, личные и культурные ценности, теория Ш. Шварца, сравнительный многоуровневый анализ.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект «Социальные неравенства в здоровье и персональные психологические ресурсы: исследование взаимосвязи в России и странах Европы методами многоуровневого моделирования», № 18-013-00064 а.

The study was supported by the RFBR, research project “Social inequalities in health and personal psychological resources: a study of relationship in Russia and European countries with statistical methods of multilevel modeling”, grant No. 18-013-00064 а.

RUSINOVA NINA L., SAFRONOV VLACHESLAV V.

VALUES, CULTURE AND HEALTH DIFFERENCES: OVERVIEW OF WESTERN RESEARCH

This article provides an overview of contemporary Western research on the impact of values and culture on people's subjective wellbeing and health. An analysis of the state of art indicates the emergence of an important research area on subjective well-being and inequalities in health, in which they are explained by the peculiarities of people's value orientations and cultural preferences. Generalization of the scientific facts revealed in this research area is hampered by the ambiguous results obtained in the still few studies, carried out on diverse and specific samples, using various constructs and tools for fixing dependent and independent variables, as well as by the contradictoriness of empirical conclusions or their inconsistency with theoretical expectations. To overcome ambiguity, researchers turn to comparative multilevel modeling, which analyzes the contextual socio-economic and cultural moderation of the individual level relationships between values, subjective well-being, emotional distress and health related behaviors.

Keywords: research review, subjective wellbeing, health, individual and cultural values, Schwartz's theory, comparative multilevel analysis.

Введение

В современных обществах здоровье людей, как свидетельствуют многочисленные факты, обусловлено в значительной мере социальными причинами. Оно зависит от общественного положения человека, ухудшаясь по мере снижения доходов, образования и профессионального статуса (Arcaya et al. 2015; Mackenbach 2012; Marmot, Wilkinson 2006). Это происходит из-за усиления в нижних общественных слоях материальной депривации, ограничивающей доступность ресурсов, необходимых для поддержания здоровья, и распространения нездорового поведения — курения, злоупотребления алкоголем, ограниченной физической активности, неправильного питания и игнорирования профилактической медицины.

Исследования последних лет свидетельствуют, что на здоровье влияют также «психосоциальные резервы» личности (Gallo, Matthews 2003; Matthews, Gallo 2011). Социальный капитал, указывающий на отношения взаимопомощи и доверия между людьми, и психологическая устойчивость, проявляющаяся в оптимистическом отношении к жизни, уверенности человека в себе и способности контролировать происходящее, помогают, согласно полученным

результатам, справляться с трудностями жизни и стрессами, способствуя сохранению здоровья (Ehsan et al. 2019; Rasmussen et al. 2009; Ryff et al. 2015). Одно из ответвлений этих исследований было связано с анализом влияния на состояние здоровья ценностных предпочтений. Его развитию способствовала теория личных и культурных ценностей Ш. Шварца (Schwartz 1992; 2006; 2012) — именно она используется во многих работах, за редкими исключениями, при постановке проблемы, выдвижении гипотез и измерении ценностных конструкторов.

Ценностная теория: основные положения

Ценности представляют собой мотивационные образования, определяемые теми целями, обобщающими конкретные ситуации, на которые они направлены, и служащие для руководства поведением и оценивания людей и событий. Согласно теории Ш. Шварца (Schwartz 1992; 2012; 2016) можно выделить десять универсальных ценностей, которые образуют иерархии в соответствии с придаваемой им значимостью и упорядочены на круговом континууме, определяющем отношения конфликта и близости между ними — рядом расположенные предпочтения играют сходную мотивационную роль, тогда как диаметрально противоположные побуждают действовать в различных направлениях. Этими ценностями являются: *безопасность* (мотивационные цели — безопасность, гармония, стабильность общества, взаимоотношений, индивида), *подчинение* (ограничение действий, которые могут вызвать недовольство у других и нарушают социальные ожидания и нормы), *соблюдение традиций* (уважение, приверженность представлениям традиционной культуры или религии и необходимость следования им), *доброжелательность* (сохранение и укрепление благополучия близких людей), *универсализм* (понимание других людей, обеспечение благоденствия для всех, защита окружающей среды), *саморегуляция* (независимость мысли и выбора действий, созидание, изучение), *стимуляция* (острота, новизна и вызовы в жизни), *гедонизм* (удовольствие и чувственное наслаждение), *достижение* (личный успех через демонстрацию способностей в соответствии с общественными стандартами) и *власть* (социальный статус и престиж, контроль или доминирование над людьми и ресурсами).

Структуру этих предпочтений, согласно теории, можно описать также с помощью четырех ценностных образований более высокого порядка. По одной оси ориентация на *открытость изменениям*

(openness to change), включающим саморегуляцию, стимуляцию и гедонизм, противостоят ценности, утверждающие важность *сохранения* (conservation) и объединяющие безопасность, подчинение, традиции. А по другой — ценности, предполагающие *усиление Я* (self-enhancement), в том числе власть и достижение, отграничиваются от предпочтений, связанных с *преодолением личного* (self-transcendence) — доброжелательностью и универсализмом. В свою очередь предпочтения, указывающие на открытость изменениям и усиление Я, объединяет *личностная фокусировка* (personal focus), а ценности преодоления личного и сохранения — *социальный фокус* (social focus). В другом ракурсе сближаются, с одной стороны, ориентации на открытость изменениям и преодоление личного, образуя ценностный полюс *роста, выхода за границы Я, освобождения от тревоги* (growth, self-expansion, anxiety-free), а с другой — стремления к усилению Я и сохранения, располагающиеся на полюсе *защиты Я и устранения тревоги* (self-protection, anxiety-control).

Индивиды и сообщества могут существенно отличаться по относительной значимости тех или других ценностей — у них разные ценностные приоритеты.

Проверка теории осуществлялась на многочисленных, разнообразных выборках во многих странах мира с использованием нескольких специально разработанных инструментов. Осуществлялась она и при обращении к опросным данным Европейского социального исследования, полученным на национальных выборах большинства стран Западной и Восточной Европы (European Social Survey, ESS) (Schwartz 2007). Респондентам, принимавшим участие в этих опросах, предлагалась краткая версия «Портретного ценностного вопросника» (21-item version of the Portrait Values Questionnaire, PVQ) (Schwartz 2001). Многомерное шкалирование с использованием данных трех первых раундов ESS (32 страны, 71 репрезентативная национальная выборка) подтвердило теоретические представления о круговой структуре базисных ценностей, отклонения от этой структуры были меньшими в более развитых странах, а контраст между ценностями сохранения и развития был в этих странах более выраженным (Bilsky et al. 2011).

В дополнение к концепции индивидуальных ценностей Ш. Шварц развивает теорию культурных различий между обществами, полагая, что об особенностях культуры можно судить по распространенности в них основных десяти ценностных ориентаций (Schwartz 2006).

Согласно этой теории любому обществу приходится решать три принципиальные проблемы, определяющих его культуру. Первая — каков должен быть характер отношений или границ между индивидом и группой, насколько люди независимы или связаны со своей группой. Полярные позиции в этом культурном измерении (*autonomy vs. embeddedness*) обозначаются как *автономия* (интеллектуальная: важность таких ценностей, как любопытство, креативность, открытость новому, и *аффективная* — предполагающая получение удовольствия, захватывающую и разнообразную жизнь) и *зависимость от других* (предпочтения ориентациям на общественный порядок, уважение к традициям, безопасность и подчинение). Вторая проблема — каким образом обеспечивается ответственное поведение членов сообщества, позволяющее избежать угроз их взаимодействиям. В этом отношении (*egalitarianism vs. hierarchy*) культурный *эгалитаризм* (признание людьми друг друга как равных в моральном отношении, предполагающее такие ценности, как социальная справедливость, ответственность, равенство, помощь, честность) противопоставляется культурной *иерархии* (иерархическая система предписанных ролей, обеспечивающая согласованное поведение, предполагает приверженность ориентациям на власть, авторитет, подчинение, богатство). Третья проблема связана с тем, как выстраиваются отношения с природным и социальным мирами. В этом случае (*harmony vs. mastery*) один способ предполагает *гармонию* — стремление понять и принять мир (акцентированы ценности защиты окружающей среды, единства с природой, сохранения мирных отношений), а противоположное культурное решение — *овладение* им (важные ценности — успех, амбиции, решительность, компетентность). Семь базисных культурных ценностей (выделены выше курсивом) можно структурировать, описав их близость и противопоставления с помощью круга. Так, автономия, эгалитаризм и гармония могут сочетаться в одном культурном типе, от которого будут заметно отличаться культуры, ориентирующиеся на иерархию, зависимость от других и овладение.

Эти теоретические положения подтверждаются при многомерном шкалировании, проводившемся с использованием средних значений индивидуальных ценностей для многих сообществ людей в мире, в том числе и на данных Европейского социального исследования (ESS). В частности, Ш. Шварц отмечает заметные культурные особенности Западной и Восточной Европы. «Западноевропейская культура придает значение интеллектуальной автономии, эгалитаризму и гармонии

в большей мере, чем любой другой регион. В ней самыми низкими были иерархия и зависимость от других» (Schwartz 2006: 158), тогда как восточноевропейские культуры отличаются большими — по сравнению с Западом — ориентациями на социальную взаимозависимость и иерархию (но уступают в этом отношении культурам Африки, Азии и Среднего Востока). Восточная Европа неоднородна, в балтийских и центрально-восточных государствах большее значения придается гармонии, интеллектуальной автономии, эгалитаризму и меньшее — иерархии и овладению, чем на Балканах и Востоке Европы.

Ценностные основания субъективного благополучия

Важное значение для проблематики влияния ценностей на здоровье имеют работы, посвященные анализу ценностных оснований субъективного благополучия — аффективных и когнитивных оценок людьми своей жизни (Diener 2000). Хорошее здоровье является одним из аспектов субъективного благополучия (Cummins 1996; Schimmack et al. 2002; Van Praag et al. 2003) и зависит от того, насколько человек удовлетворен жизнью. Такая взаимосвязь обнаруживается с объективными индикаторами здоровья (Chida, Steptoe 2008; Diener, Chan 2011; Howell et al. 2007; Lyubomirsky et al. 2005), а также — с показателями воспринимаемого самочувствия (Ngamaba et al. 2017).

Исследования зависимостей между субъективным благополучием и ценностями разветвляются в трех основных направлениях (Schwartz, Sortheix 2018). В одном из них предполагается, что мотивационные основания определенной ценности непосредственно определяют характер ее ассоциации с удовлетворенностью жизнью. Так, росту удовлетворенности могут способствовать ориентации на внутренние цели, связанные с психологическими потребностями в автономии, компетентности, самореализации, социальной интеграции (Deci, Ryan 1995; Ryan, Deci 2001) или с ценностями саморегуляции, стимуляции и достижения, а также — заботы о других людях, состоянии окружающей среды и равенства прав в обществе (Bilsky, Schwartz 1994; Haslam et al. 2009; Sagiv, Schwartz 2000). Напротив, ценности, выражающие внешние цели, такие как богатство и известность (Deci, Ryan 1995; Ryan, Deci 2001) или стремление к самосохранению и избавлению от тревоги — к власти, безопасности, подчинению, следованию традиции — могут негативно сказываться на субъективном благополучии (Bilsky, Schwartz 1994; Haslam et al. 2009;

Sagiv, Schwartz 2000). Результаты эмпирической проверки этих соображений оказались неоднозначными, что потребовало пересмотра теоретических положений. Согласно реформированной концепции, влияние ценностей на субъективное благополучие определяется двумя общими мотивационными основаниями — социальной или личной фокусировкой и ориентацией либо на саморазвитие, либо на защиту *Я* (Sortheix, Schwartz 2017). Анализ авторами этой теории трех раундов репрезентативных опросов Европейского социального исследования (ESS), охватывающих 35 стран, продемонстрировал, что отчетливое позитивное влияние на удовлетворенность жизнью действительно оказывали ценности саморегуляции, стимуляции и стремления к удовольствию, сочетающие личный фокус с развитием, а негативное — ориентации на безопасность, подчинение и соблюдение традиций, объединенные социальной направленностью и стремлением к защите *Я*. Эффекты, связанные с амбивалентными сочетаниями социального фокуса и развития, характерные для ценностей заботы о близких и равенства прав, а также — личной фокусировки с защитой *Я* в ценностях власти и достижения, были выражены, как и ожидалось, менее отчетливо.

В другом направлении поиска мотивационных оснований субъективного благополучия проверялось предположение о влиянии на него соответствия или несоответствия предпочтений индивида тем ценностям, на которые ориентируются окружающие люди, референтные группы или общества в своей культуре (Sagiv, Schwartz 2000). Конгруэнтность, как предполагается, способствует повышению оценок благополучия, поскольку устремления человека получают нормативную поддержку, тогда как расхождение, связанное с социальным неодобрением и негативными санкциями, ведет к его снижению. Такие предположения находили отдельные эмпирические подтверждения, в основном при изучении группового контекста. Например, в России большую удовлетворенность жизнью выражали люди, разделяющие ценности, соответствующие предпочтениям их сограждан со сходными социально-демографическими характеристиками (Khaptsova, Schwartz 2016). Однако анализ соответствия между индивидуальными предпочтениями и культурными ценностями, в котором рассматривались данные Европейского социального исследования для 32 стран, гипотезу конгруэнтности не поддерживает — вопреки ожиданиям соответствие с распространенными в обществе предпочтениями увеличивало отрицательные корреляции субъективного благополучия

с ценностями сохранения и уменьшало положительные корреляции с ценностями открытости изменениям (Schwartz 2012).

В третьем направлении изучения связей ценностей с воспринимаемым благополучием в центре внимания исследователей оказывается общественный контекст — возможности и ограничения, которые он создает для достижения индивидом ценностных целей (Sagiv, Schwartz 2000). Многоуровневое моделирование в 25 европейских странах показало, что Индекс человеческого развития (HDI) выступает контекстуальным модератором для большинства ассоциаций индивидуальных ценностей с удовлетворенностью жизнью: например, стремление к достижению было положительно связано с удовлетворенностью в странах с низкими значениями индекса, тогда как при высоких его значениях эта связь была отрицательной, а с ценностью универсализма зависимости были обратными (Sortheix, Lönnqvist 2014). Анализ данных Европейского социального исследования в другой работе продемонстрировал, что контекстуально обусловленные влияния ценностей (по Шварцу) на удовлетворенность жизнью получают лучшее объяснение при учете особенностей культуры изучавшихся стран — значимости в обществе эгалитарных ориентаций (Sortheix, Schwartz 2017). Согласно теоретическим представлениям, подтвердившимся при двухуровневом моделировании, ценности с личным фокусом сочетаются с большим субъективным благополучием в низкоэгалитарных обществах, поскольку подразумевают активные, индивидуальные усилия для достижения поставленных целей, связанных с саморазвитием и устранением угроз благополучию, — они позволяют компенсировать недостаток ресурсов и неравное их распределение в таких обществах. Напротив, ценности с социальным фокусом, предполагающие стремление к гармонии с другими людьми, но не мобилизацию индивидуальных усилий для преодоления жизненных препятствий, не способствуют достижению успеха в неэгалитарных общественных условиях, что и находит проявление в меньшей удовлетворенности жизнью тех людей, которые на них ориентируются. Эти положения объясняют эмпирические факты, свидетельствующие о больших позитивных эффектах ценностей открытости изменениям в странах с низкими значениями эгалитаризма, а также о наиболее отчетливо выраженных в этих странах негативных влияниях на удовлетворенность жизнью ценностей сохранения.

Воздействие ценностей на здоровье, кроме описанных работ, косвенно затрагивающих эту тематику, исследовалось в двух проблемных

областях. Одна — это анализ поведения, имеющего важные для здоровья последствия, включая особенности питания, курение, употребление алкоголя и наркотиков, а другая была связана с изучением психического здоровья. Есть и отдельные примеры исследований, посвященных общему самочувствию.

Ценностные ориентации и поведение

Результаты, характеризующие поведенческие проявления мотивационных устремлений, указывают на вероятную ассоциацию ценности открытости изменениям (саморегуляции, стимуляции по Шварцу) с нездоровым поведением — меньшую вовлеченностью ориентирующихся на эти ценности людей в превентивную активность (Honka et al. 2019; Kristiansen 1986) и большую распространенность среди них вредных привычек, в частности курения (Honka et al. 2019; Kristiansen 1985a, 1985b). Позитивное влияние на здоровье могут оказывать ценности сохранения, сдерживая проблемное поведение детей школьного возраста (Liu et al. 2007), употребление психоактивных веществ подростками (Rees et al. 2005), курение и употребление алкоголя взрослыми (Honka et al. 2019; Kristiansen 1985a). Влияние ценностей усиления *Я* и преодоления личного на значимое для здоровья поведение было неоднозначным. Так, стремление к власти сочеталось с нездоровыми привычками в питании (Honka et al. 2019; Wang, Worsley 2014; Worsley et al. 2013), интенсивным курением (Kristiansen 1985a), нерегулярными занятиями физкультурой, а также повышенным потреблением алкоголя (Honka et al. 2019). Ориентации на достижение, согласно одним работам, тоже связаны со склонностью к алкоголю (Kristiansen 1985a; Nordfjærn, Brunborg 2015), однако в других такая зависимость не обнаруживается (Dollinger, Kobayashi 2003). Ценности универсализма, указывающие на важность отношений между людьми и состояния окружающей среды, амбивалентно связаны с поведенческими стратегиями, способствуя, с одной стороны, правильному питанию и профилактике заболеваний (Wang, Worsley 2014; Worsley et al. 2013), но с другой — вредным привычкам, большей склонности к алкоголю (Young, West 2010).

Неоднозначные отношения между личными ценностями и поведением могут объясняться их зависимостью от контекстуальных культурных норм (Bardi, Schwartz 2003). Это соображение подкрепляет многоуровневый анализ с использованием данных Европейского

социального исследования (2014 г., 21 страна) о ценностных предпочтениях (вопросник Ш. Шварца) и склонности к алкоголю (Rudnev, Vauclair 2018). Его результаты, среди прочего, показывают, что выраженность на индивидуальном уровне положительной зависимости между ценностной шкалой усиление Я/преодоление личного и частотой употребления алкогольных напитков различается в европейских странах. Эта зависимость с большей отчетливостью проявлялась в обществах, ориентирующихся на культурные ценности сохранения и усиления Я.

Психическое здоровье и ценностные предпочтения

Влияние ценностей на психическое здоровье может проявляться, как полагают некоторые авторы, по преимуществу в позитивных эффектах (Haslam et al. 2009), что подтверждается, например, отсутствием их взаимосвязей с нейротизмом (Parks-Leduc et al. 2015; Roccas et al. 2002). Однако есть немало свидетельств ценностного воздействия на негативные аффекты, хотя и противоречивых. В ряде работ эти зависимости изучались на экологическом уровне — при сопоставлении агрегированных показателей для разных стран, а в других они рассматривались на индивидуальном уровне.

Так, в обществах с культурными ценностями (Schwartz 2006) автономии, эгалитаризма и гармонии были в большей мере распространены депрессия и тревожность, тогда как важность для многих людей ориентаций на социальные взаимосвязи, иерархию, овладение снижала вероятность обнаружения в стране этих состояний (Maercker 2001). Другие исследователи сообщают, напротив, об отрицательной зависимости между культурной автономией и тревожностью (Fischer, Boer 2011), а также — депрессией (Fischer, Boer 2011; Van Hemert et al. 2002), причем такая зависимость проявлялась и после контроля валового национального дохода (Van Hemert et al. 2002). В традиционных и коллективистских обществах, согласно метаанализу 63 стран (Fischer, Boer 2011), автономия усиливала депрессию и тревожность, но в индивидуалистических европейских странах эффект был противоположным. Кроме того, оказалось, что в бедных странах тревожность и уровень жизни не связаны, зато в более богатых по мере роста среднего дохода тревожность снижается. Недавний анализ репрезентативных данных, полученных в 25 странах, подтвердил

заклучение о меньшей распространенности аффективных расстройств в обществах, отличающихся высокими уровнями социальной взаимосвязанности, иерархии и овладения, и большей — в странах с культурными акцентуациями на автономии, эгалитаризме, гармонии (Heim et al. 2017).

В немногочисленных исследованиях, посвященных влиянию — на индивидуальном уровне — ценностей на этиологию психических расстройств, также были получены противоречивые результаты. Есть свидетельства, указывающие на отсутствие устойчивых паттернов. Так, сообщалось об отрицательной корреляции депрессии с ценностями открытости изменениям и слабых ее связях с ориентациями на сохранение и усиление Я (Hanel, Wolfradt 2016; Maercker et al. 2015). Сравнение студенческих выборок из разных стран показывает, что мотивация достижения была положительно связана с депрессией в Германии (Hanel, Wolfradt 2016), но отрицательно — в Китае, а ценности преодоления личного — отрицательно в России и Китае, но не в Германии (Maercker et al. 2015). У турецких студентов ценности доброжелательности и саморегуляции, в соответствии с теоретическим прогнозом, препятствовали развитию негативных аффективных состояний, однако, вопреки ожиданиям, мотивация достижения их не усиливала, тогда как ориентации на подчинение, безопасность, традиции, стимуляцию, гедонизм и власть с этими состояниями не коррелировали (Bilican et al. 2016). Неоднозначность и противоречивость результатов, согласно недавнему обзору, возникает вследствие различий в измерении психических расстройств и разнообразия изучавшихся культурных групп и выборок (Heim et al. 2019). Кроме того, они могут отражать особенности общественного и культурного контекста. Так, в уже отмеченной выше работе, посвященной анализу субъективного благополучия по данным Европейского социального исследования (Sortheix, Schwartz 2017), рассматривались и зависимости между ценностями и депрессией. Предпочтения, связанные с развитием индивида, включая доброжелательность, саморегуляцию, стимуляцию, гедонизм, сокращают симптоматику депрессивных состояний, а стремления к сохранению, включающие безопасность, подчинение, соблюдение традиций, ее расширяют. Причем отрицательная зависимость между депрессией и ценностями саморегуляции и достижения, а также положительная — с мотивациями подчинения и следования традициям, проявлялись сильнее в менее эгалитарных странах.

Ценностные особенности и самооценки здоровья

Недостаточно изученными остаются зависимости между ценностными предпочтениями и общим самочувствием людей. И это при том, что восприятие человеком своего здоровья — свидетельство «физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствия заболеваний или физической немогущности» (Grad 2002), оно связано с субъективным благополучием — ощущением счастья и удовлетворенностью жизнью (Kööts-Ausmees, Realo 2015; Røysamb et al. 2003), показатель самооценки, широко используемый в опросах, дает надежное измерение объективного состояния здоровья (Idler et al. 1999; Wu et al. 2013), позволяя выявлять хронические заболевания, функциональную дееспособность и риски преждевременной смертности (Idler, Benyamini 1997).

Экологический анализ влияния культуры на статус общественного здоровья в разных странах показывает, что ориентации на самовыражение (Inglehart 1990), индивидуализм (Hofstede et al. 2010) и автономию (Schwartz 2006) положительно связаны со средними самооценками здоровья, долей счастливых людей, продолжительностью жизни, низкой смертностью, уровнем физической активности (Mackenbach, McKee 2013; Matsumoto, Fletcher 1996; Minkov 2009). Культурные ценности, отражающие стремление к избеганию неопределенности и соблюдение дистанции с властями (по Г. Хофстеде), напротив, сочетались с повышенной тревожностью — снижением самооценок здоровья, высокими уровнями самоубийств, более широким использованием антибиотиков (Arrindell et al. 1997; Deschepper et al. 2008; Hofstede et al. 2010).

Первое систематическое исследование национальных различий в здоровье, обусловленных культурой, охватывало 42 европейских страны, все основные измерения культурных ценностей — по Р. Инглехарту, Г. Хофстеде и Ш. Шварцу, три десятка показателей здоровья и еще больше — для фиксации релевантного поведения, собранных из гармонизированных международных источников (Mackenbach 2014). Регрессионный анализ, в котором контролировались социально-экономические факторы, продемонстрировал, что в первую очередь сдвиг от традиционных ценностей выживания к ценностям самовыражения, наблюдающийся в экономически развитых странах, способствует улучшению здоровья, стимулируя поведение, которое повышает долголетие.

В единственной, насколько нам известно, работе, посвященной индивидуальным различиям самооценок здоровья по данным опросов в 51 стране мира (World Values Survey), было установлено, что приверженность опрошенных ценностям самовыражения (по Р. Инглехарту) положительно влияет на самочувствие, повышая их оценки здоровья по сравнению с теми, кто ориентируется на ценности выживания (Roudijk et al. 2017). Сравнительный анализ на уровне стран подтвердил выявленные ранее факты, свидетельствующие о благоприятной для национального здоровья культуре, в которой важную роль начинает играть стремление к самовыражению. Ценностное размежевание по другой оси на традиционно-религиозные и рационально-светские предпочтения также было связано с оценками здоровья на индивидуальном и экологическом уровнях, однако не так, как предполагалось — показатели были выше при ориентациях традиционного толка (для объяснения требуется дальнейшее изучение вопроса).

Заключение

Представленный обзор англоязычной научной литературы говорит о появлении важного направления в исследованиях субъективного благополучия и неравенств в здоровье, в котором они объясняются особенностями ценностных ориентаций людей и распространенными в культуре предпочтениями. Обобщение научных фактов, полученных в этом направлении, затруднено неоднозначными результатами немногочисленных исследований на многообразных выборках, их противоречивостью, несоответствием теоретическим ожиданиям. Важные шаги для преодоления этих препятствий были связаны со сравнительным многоуровневым анализом индивидуальных зависимостей ценностей с удовлетворенностью жизнью, релевантным для здоровья поведением, рисками развития депрессивных состояний и модерации этих зависимостей в разных странах факторами социально-экономического развития и культуры. Недостаточно внимания уделялось пока ценностным основаниям представлений людей о своем здоровье, хотя его самооценки — признанный показатель физического и психического состояния человека, общего благополучия.

Источники

Arcaya M. C., Arcaya A. L., Subramanian S. V. Inequalities in health: definitions, concepts, and theories // *Global Health Action*. — 2015. — Vol. 8, iss. 1. — Article No.: 27106. — DOI: 10.3402/gha.v8.27106.

Arrindell W. A., Hatzichristou C., Wensink J., Rosenberg E., Van Twillert B., Stedema J., Meijer D. Dimensions of national culture as predictors of cross-national differences in subjective well-being // *Personality and Individual Differences*. — 1997. — Vol. 23, iss. 1. — P. 37–53. — DOI: 10.1016/S0191-8869(97)00023-8.

Bardi A., Schwartz S. H. Values and behavior: strength and structure of relations // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2003. — Vol. 29, iss. 10. — P. 1207–1220. — DOI: 10.1177/0146167203254602.

Bilican F. I., Yapici A., Kutlu M. O. A value model for depressive symptoms and hopelessness among university students in Turkey // *Educational Sciences: Theory & Practice*. — 2016. — Vol. 16, No. 4. — P. 1397–1418. — DOI: 10.12738/estp.2016.4.0112.

Bilsky W., Schwartz S. H. Values and personality // *European Journal of Personality*. — 1994. — Vol. 8, No. 3. — P. 163–181. — DOI: 10.1002/per.2410080303.

Bilsky W., Janik M., Schwartz S. H. The Structural Organization of Human Values-Evidence from Three Rounds of the European Social Survey (ESS) // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2011. — Vol. 42, No. 5. — P. 759–776. — DOI: 10.1177/0022022110362757.

Chida Y., Steptoe A. Positive psychological well-being and mortality: a quantitative review of prospective observational studies // *Psychosomatic Medicine*. — 2008. — Vol. 70, iss. 7. — P. 741–756. — DOI: 10.1097/PSY.0b013e31818105ba.

Cummins R. A. The domains of life satisfaction: An attempt to order chaos // *Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement*. — 1996. — Vol. 38, iss. 3. — P. 303–328. — DOI: 10.1007/BF00292050.

Deci E. L., Ryan R. M. Human autonomy: The basis for true self-esteem. // *Efficacy, agency, and self-esteem* / Ed. by M. H. Kernis. — New York: Plenum Press, 1995. — P. 31–49.

Deschepper R., Grigoryan L., Lundborg C. S. et al. Are cultural dimensions relevant for explaining cross-national differences in antibiotic use in Europe? // *BMC Health Services Research*. — 2008. — Vol. 8. — Article No.: 123. — DOI: 10.1186/1472-6963-8-123.

Diener E. Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index // *American Psychologist*. — 2000. — Vol. 55, iss. 1. — P. 34–43. — DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.34.

Diener E., Chan M. Y. Happy people live longer: subjective well-being contributes to health and longevity // *Applied Psychology: Health and Well Being*. — 2011. — Vol. 3, No. 1. — P. 1–43. — DOI: 10.1111/j.1758-0854.2010.01045.x.

Dollinger S. J., Kobayashi R. Value correlates of collegiate alcohol abuse // *Psychological Reports*. — 2003. — Vol. 93, No. 3. — P. 848–850. — DOI: 10.2466/pr0.2003.93.3.848.

Ehsan A., Klaas H. S., Bastianen A., Spini D. Social capital and health: A systematic review of systematic reviews // *SSM Population Health*. — 2019. — Vol. 8. Article No.: 100425. — DOI: 10.1016/j.ssmph.2019.100425.

Fischer R., Boer D. What is more important for national well-being: Money or autonomy? A meta-analysis of well-being, burnout, and anxiety across 63 societies // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2011. — Vol. 101, iss. 1. — P. 164–184. — DOI: 10.1037/a0023663.

Gallo L. C., Matthews K. A. Understanding the association between socioeconomic status and physical health: do negative emotions play a role? // *Psychological Bulletin*. — 2003. — Vol. 129, iss. 1. — P. 10–51. — DOI: 10.1037/0033-2909.129.1.10.

Grad F. P. The preamble of the constitution of the World Health Organization // *Bulletin of the World Health Organization: The International Journal of Public Health*. — 2002. — Vol. 80, No. 12. — P. 981–984.

Hanel P. H. P., Wolfradt U. The “dark side” of personal values: Relations to clinical constructs and their implications // *Personality and Individual Differences*. — 2016. — Vol. 97. — P. 140–145. — DOI: 10.1016/j.paid.2016.03.045.

Haslam N., Whelan J., Bastian B. Big five traits mediate associations between values and subjective well-being // *Personality and Individual Differences*. — 2009. — Vol. 46, iss. 1. — P. 40–42. — DOI: 10.1016/j.paid.2008.09.001.

Heim E., Wegmann I., Maercker A. Cultural values and the prevalence of mental disorders in 25 countries: A secondary data analysis // *Social Science & Medicine*. — 2017. — Vol. 189. — P. 96–104. — DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.07.024.

Heim E., Maercker A., Boer D. Value Orientations and Mental Health: A Theoretical Review // *Transcultural Psychiatry*. — 2019. — Vol. 56, No. 3. — P. 449–470. — DOI: 10.1177/1363461519832472.

Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. — Third ed. London: McGraw-Hill, 2010. — 576 p.

Honka A. M., Helander E., Pavel M., Jimison H., Mustonen P., Korhonen I., Ermes M. Exploring Associations Between the Self-Reported Values, Well-Being, and Health Behaviors of Finnish Citizens: Cross-Sectional Analysis of More Than 100,000 Web-Survey Responses // *Journal of Medical Internet Research (MIR) Mental Health*. — 2019. — Vol. 6, No. 4. — Article No.: e12170. — DOI: 10.2196/12170.

Howell R. T., Kern M. L., Lyubomirsky S. Health benefits: Meta-analytically determining the impact of well-being on objective health outcomes // *Health Psychology Review*. — 2007. — Vol. 1, No. 1. — P. 83–136. — DOI: 10.1080/17437190701492486.

Idler E. L., Benyamini Y. Self-rated health and mortality: a review of twenty-seven community studies // *Journal of Health and Social Behavior*. — 1997. — Vol. 38, No. 1. — P. 21–37. — DOI: 10.2307/2955359.

Idler E. L., Hudson S. V., Leventhal H. The meanings of self-ratings of health: A qualitative and quantitative approach // *Research on Aging*. — 1999. — Vol. 21, No. 3. — P. 458–476. — DOI: 10.1177/0164027599213006.

Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. — Princeton: Princeton University Press, 1990. — 484 p.

Khaptsova A., Schwartz S. H. Life satisfaction and value congruence: Moderators and extension to constructed socio-demographic groups in a Russian national sample // *Social Psychology*. — 2016. — Vol. 47, No. 3. — P. 163–173. — DOI: 10.1027/1864-9335/a000268.

Köötis-Ausmees L., Realo A. The association between life satisfaction and self-reported health status in Europe // *European Journal of Personality*. — 2015. — Vol. 29, No. 6. — P. 647–657. — DOI: 10.1002/per.2037.

Kristiansen C. M. Smoking, health behavior, and value priorities // *Addictive Behaviors*. — 1985a. — Vol. 10, iss. 1. — P. 41–44. — DOI: 10.1016/0306-4603(85)90051.

Kristiansen C. M. Smoking, health behavior, and values: a replication, refinement, and extension // *Addictive Behaviors*. — 1985b. — Vol. 10, iss. 3. — P. 325–328. — DOI: 10.1016/0306-4603(85)90015-2.

Kristiansen C. M. A two-value model of preventive health behavior // *Basic and Applied Social Psychology*. — 1986. — Vol. 7, No. 3. — P. 173–183. — DOI: 10.1207/s15324834basp0703_1.

Liu H., Yu S., Cottrell L. et al. Personal values and involvement in problem behaviors among Bahamian early adolescents: a cross-sectional study // *BMC Public Health*. — 2007. — Vol. 7. — Article No.: 135. — DOI: 10.1186/1471-2458-7-135.

Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: Does happiness lead to success? // *Psychological Bulletin*. — 2005. — Vol. 131, iss. 6. — P. 803–855. — DOI: 10.1037/0033-2909.131.6.803.

Mackenbach J. P. The persistence of health inequalities in modern welfare states: the explanation of a paradox // *Social Science and Medicine*. — 2012. — Vol. 75, iss. 4. — P. 761–769. — DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.02.031.

Mackenbach J. P., McKee M. A comparative analysis of health policy performance in 43 European countries // *European Journal of Public Health*. — 2013. — Vol. 23, iss. 2. — P. 195–201. — DOI: 10.1093/eurpub/cks192.

Mackenbach J. P. Cultural values and population health: a quantitative analysis of variations in cultural values, health behaviours and health outcomes among 42 European countries // *Health and Place*. — 2014. — Vol. 28. — P. 116–132. — DOI: 10.1016/j.healthplace.2014.04.004.

Maercker A. Association of cross-cultural differences in psychiatric morbidity with cultural values: a secondary data analysis // *German Journal of Psychiatry*. — 2001. — Vol. 4 (1). — P. 16–23.

Maercker A., Chi Zhang X., Gao Z. et al. Personal value orientations as mediated predictors of mental health: A three-culture study of Chinese, Russian, and German university students // *International Journal of Clinical and Health Psychology*. — 2015. — Vol. 15, iss. 1. — P. 8–17. — DOI: 10.1016/j.ijchp.2014.06.001.

Marmot M., Wilkinson R. G. (Eds.) *Social Determinants of Health*. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 366 p. — DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198565895.001.0001.

Matsumoto D., Fletcher D. Cross-national differences in disease rates as accounted for by meaningful psychological dimensions of cultural variability // *Journal of Gender, Culture, and Health*. — 1996. — Vol. 1, No. 1. — P. 71–82.

Matthews K. A., Gallo L. C. Psychological perspectives on pathways linking socioeconomic status and physical health // *Annual Review of Psychology*. — 2011. — Vol. 62. — P. 501–530. — DOI: 10.1146/annurev.psych.031809.130711.

Minkov M. Predictors of differences in subjective well-being across 97 nations // *Cross-Cultural Research: The Journal of Comparative Social Science*. — 2009. — Vol. 43, No. 2. — P. 152–179. — DOI: 10.1177/1069397109332239.

Ngamaba K. H., Panagioti M., Armitage C. J. How strongly related are health status and subjective well-being? Systematic review and meta-analysis // *European Journal of Public Health*. — 2017. — Vol. 27, iss. 5. — P. 879–885. — DOI: 10.1093/eurpub/ckx081.

Nordfjærn T., Brunborg G. S. Associations between human values and alcohol consumption among Norwegians in the second half of life // *Substance Use & Misuse*. — 2015. — Vol. 50, No. 10. — P. 1284–1293. — DOI: 10.3109/10826084.2014.998237.

Parks-Leduc L., Feldman G., Bardi A. Personality traits and personal values: A meta-analysis // *Personality and Social Psychology Review*. — 2015. — Vol. 19, iss. 1. — P. 3–29. — DOI: 10.1177/1088868314538548.

Rasmussen H. N., Scheier M. F., Greenhouse J. B. Optimism and physical health: a meta-analytic review // *Annals of Behavioral Medicine*. — 2009. — Vol. 37, iss. 3. — P. 239–256. — DOI: 10.1007/s12160-009-9111-x.

Rees K. S., Thompson S., Rees C., Cluph D. Unexpected Findings in an Alternative High School: New Implications for Values Education // *Californian Journal of Health Promotion*. — 2005. — Vol. 3, No. 1. — P. 130–139. — DOI: 10.32398/cjhp.v3i1.1749.

Roccas S., Sagiv L., Schwartz S. H., Knafo A. The Big Five personality factors and personal values // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2002. — Vol. 28, iss. 6. — P. 789–801. — DOI: 10.1177/0146167202289008.

Roudijk B., Donders R., Stalmeier P. Cultural values: can they explain self-reported health? // *Quality Life Research*. — 2017. — Vol. 26, iss. 6. — P. 1531–1539. — DOI: 10.1007/s11136-017-1512-x.

Roysamb E., Tambs K., Reichborn-Kjennerud T., Neale M. C., Harris J. R. Happiness and health: Environmental and genetic contributions to the relationship between subjective well-being, perceived health, and somatic illnesses // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2003. — Vol. 85, iss. 6. — P. 1136–1146. — DOI: 10.1037/0022-3514.85.6.1136.

Rudnev M., Vauclair C.-M. The Link Between Personal Values and Frequency of Drinking Depends on Cultural Values: A Cross-Level Interaction Approach // *Frontiers in Psychology*. — 2018. — Vol. 9. — Article No.: 1379. — DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01379.

Ryan R. M., Deci E. L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // *Annual Review of Psychology*. — 2001. — Vol. 52. — P. 141–166. — DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.141.

Ryff C. D., Radler B. T., Friedman E. M. Persistent Psychological Well-being Predicts Improved Self-Rated Health Over 9–10 Years: Longitudinal Evidence from MIDUS // *Health Psychology Open*. — 2015. — Vol. 2 (2). — Article No.: 2055102915601582. — DOI: 10.1177/2055102915601582.

Sagiv L., Schwartz S. H. Value priorities and subjective well-being: direct relations and congruity effects // *European Journal of Social Psychology*. — 2000. — Vol. 30, No. 2. — P. 177–198. — DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(200003/04).

Schimmack U., Diener E., Oishi S. Life satisfaction is a momentary judgment and a stable personality characteristic: The use of chronically accessible and stable sources // *Journal of Personality*. — 2002. — Vol. 70, No. 3. — P. 345–384. — DOI: 10.1111/1467-6494.05008.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. — 1992. — Vol. 25. — P. 1–65. — DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6.

Schwartz S. H. A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations // *European Social Survey Core Questionnaire Development*. — London: European Social Survey, City University London, 2001. — Ch 7.

Schwartz S. H. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications // *Comparative Sociology*. — 2006. — Vol. 5, iss. (2–3). — P. 137–182. — DOI: 10.1163/156913306778667357.

Schwartz S. H. Value orientations: measurement, antecedents and consequences across nations // *Measuring Attitudes Cross Nationally: Lessons from the European Social Survey* / Ed. by R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, and G. Eva. — London: Sage Publications, 2007. — P. 169–203. — DOI: 10.4135/9781849209458.n9.

Schwartz S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*. — 2012. — Vol. 2, iss. 1. — DOI: 10.9707/230770919.1116.

Schwartz S. H. Basic individual values: Sources and consequences // *Handbook of Value: Perspectives from Economics, Neuroscience, Philosophy, Psychology and Sociology* / Ed. by D. Sander and T. Brosch. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P. 63–84. — DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198716600.003.0004.

Schwartz S. H., Sortheix F. M. Values and subjective well-being // *Handbook of well-being* / Ed. by E. Diener, S. Oishi, L. Tay. — Salt Lake City, UT: DEF Publishers, 2018. — URL: <https://nobascholar.com/chapters/51/download.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

Sortheix F. M., Lönnqvist J.-E. Personal value priorities and life satisfaction in Europe: The moderating role of socioeconomic development // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2014. — Vol. 45, No. 2. — P. 282–299. — DOI: 10.1177/0022022113504621.

Sortheix F. M., Schwartz S. H. Values that Underlie and Undermine Well-Being: Variability Across Countries // *European Journal of Personality*. — 2017. — Vol. 31, No. 2. — P. 187–201. — DOI: 10.1002/per.2096.

Van Hemert D. A., Van de Vijver F. J. R., Poortinga Y. H. The Beck Depression Inventory as a measure of subjective well-being: a cross-national study // *Journal of Happiness Studies*. — 2002. — Vol. 3, iss. 3. — P. 257–286. — DOI: 10.1023/A:1020601806080.

Van Praag B. M. S., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. The anatomy of subjective well-being // *Journal of Economic Behavior & Organization*. — 2003. — Vol. 51, iss. 1. — P. 29–49. — DOI: 10.1016/S0167-2681(02)00140-3.

Wang W. C., Worsley A. Healthy eating norms and food consumption // *European Journal of Clinical Nutrition*. — 2014. — Vol. 68, iss. 5. — P. 592–601. — DOI: 10.1038/ejcn.2014.2.

Worsley A., Wang W. C., Hunter W. Gender differences in the influence of food safety and health concerns on dietary and physical activity habits // *Food Policy*. — 2013. — Vol. 41. — P. 184–192. — DOI: 10.1016/j.foodpol.2013.05.011.

Wu S., Wang R., Zhao Y., Ma X., Wu M., Yan X., He J. The relationship between self-rated health and objective health status: A population-based study // *BMC Public Health*. — 2013. — Vol. 13, iss. 1. — Article No.: 320. — DOI: 10.1186/1471-2458-13-320.

Young R., West P. Do “good values” lead to “good” health-behaviours? Longitudinal associations between young people’s values and later substance-use // *BMC Public Health*. — 2010. — Vol. 10, iss. 1. — Article No.: 165. — DOI: 10.1186/1471-2458-10-165.

References

Arcaya M. C., Arcaya A. L., Subramanian S. V. Inequalities in health: definitions, concepts, and theories. *Global Health Action*, 2015, vol. 8, iss. 1, art. no. 27106. DOI: 10.3402/gha.v8.27106.

Arrindell W. A., Hatzichristou C., Wensink J., Rosenberg E., Van Twillert B., Stedema J., Meijer D. Dimensions of national culture as predictors of cross-national differences

in subjective well-being. *Personality and Individual Differences*, 1997, vol. 23, iss. 1, pp. 37–53. DOI: 10.1016/S0191-8869(97)00023-8.

Bardi A., Schwartz S. H. Values and behavior: strength and structure of relations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003, vol. 29, iss. 10, pp. 1207–1220. DOI: 10.1177/0146167203254602.

Bilican F. I., Yapici A., Kutlu M. O. A value model for depressive symptoms and hopelessness among university students in Turkey. *Educational Sciences: Theory & Practice*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 1397–1418. DOI: 10.12738/estp.2016.4.0112.

Bilsky W., Janik M., Schwartz S. H. The Structural Organization of Human Values-Evidence from Three Rounds of the European Social Survey (ESS). *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2011, vol. 42, no. 5, pp. 759–776. DOI: 10.1177/0022022110362757.

Bilsky W., Schwartz S. H. Values and personality. *European Journal of Personality*, 1994, vol. 8, no. 3, pp. 163–181. DOI: 10.1002/per.2410080303.

Chida Y., Steptoe A. Positive psychological well-being and mortality: a quantitative review of prospective observational studies. *Psychosomatic Medicine*, 2008, vol. 70, iss. 7, pp. 741–756. DOI: 10.1097/PSY.0b013e31818105ba.

Cummins R. A. The domains of life satisfaction: An attempt to order chaos. *Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of Life Measurement*, 1996, vol. 38, iss. 3, pp. 303–328. DOI: 10.1007/BF00292050.

Deci E. L., Ryan R. M. Human autonomy: The basis for true self-esteem. *Efficacy, agency, and self-esteem*, Ed. M. H. Kernis. New York, Plenum Press, 1995. Pp. 31–49.

Deschepper R., Grigoryan L., Lundborg C. S. et al. Are cultural dimensions relevant for explaining cross-national differences in antibiotic use in Europe? *BMC Health Services Research*, 2008, vol. 8, art. no. 123. DOI: 10.1186/1472-6963-8-123.

Diener E. Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index. *American Psychologist*, 2000, vol. 55, iss. 1, pp. 34–43. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.34.

Diener E., Chan M. Y. Happy people live longer: subjective well-being contributes to health and longevity. *Applied Psychology: Health and Well Being*, 2011, vol. 3, no. 1, pp. 1–43. DOI: 10.1111/j.1758-0854.2010.01045.x.

Dollinger S. J., Kobayashi R. Value correlates of collegiate alcohol abuse. *Psychological Reports*, 2003, vol. 93, no. 3, pp. 848–850. DOI: 10.2466/pr0.2003.93.3.848.

Ehsan A., Klaas H. S., Bastianen A., Spini D. Social capital and health: A systematic review of systematic reviews. *SSM Population Health*, 2019, vol. 8, art. no. 100425. DOI: 10.1016/j.ssmph.2019.100425.

Fischer R., Boer D. What is more important for national well-being: Money or autonomy? A meta-analysis of well-being, burnout, and anxiety across 63 societies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, vol. 101, iss. 1, pp. 164–184. DOI: 10.1037/a0023663.

Gallo L. C., Matthews K. A. Understanding the association between socioeconomic status and physical health: do negative emotions play a role? *Psychological Bulletin*, 2003, vol. 129, iss. 1, pp. 10–51. DOI: 10.1037/0033-2909.129.1.10.

Grad F. P. The preamble of the constitution of the World Health Organization. *Bulletin of the World Health Organization: The International Journal of Public Health*, 2002, vol. 80, no. 12, pp. 981–984.

Hanel P. H. P., Wolfardt U. The ‘dark side’ of personal values: Relations to clinical constructs and their implications. *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 97, pp. 140–145. DOI: 10.1016/j.paid.2016.03.045.

Haslam N., Whelan J., Bastian B. Big five traits mediate associations between values and subjective well-being. *Personality and Individual Differences*, 2009, vol. 46, iss. 1, pp. 40–42. DOI: 10.1016/j.paid.2008.09.001.

Heim E., Maercker A., Boer D. Value Orientations and Mental Health: A Theoretical Review. *Transcultural Psychiatry*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 449–470. DOI: 10.1177/1363461519832472.

Heim E., Wegmann I., Maercker A. Cultural values and the prevalence of mental disorders in 25 countries: A secondary data analysis. *Social Science & Medicine*, 2017, vol. 189, pp. 96–104. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.07.024.

Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. Third ed. London, McGraw-Hill, 2010. 576 p.

Honka A. M., Helander E., Pavel M., Jimison H., Mustonen P., Korhonen I., Ermes M. Exploring Associations Between the Self-Reported Values, Well-Being, and Health Behaviors of Finnish Citizens: Cross-Sectional Analysis of More Than 100,000 Web-Survey Responses. *Journal of Medical Internet Research (MIR) Mental Health*, 2019, vol. 6, no. 4, art. no. e12170. DOI: 10.2196/12170.

Howell R. T., Kern M. L., Lyubomirsky S. Health benefits: Meta-analytically determining the impact of well-being on objective health outcomes. *Health Psychology Review*, 2007, vol. 1, no. 1, pp. 83–136. DOI: 10.1080/17437190701492486.

Idler E. L., Benyamini Y. Self-rated health and mortality: a review of twenty-seven community studies. *Journal of Health and Social Behavior*, 1997, vol. 38, no. 1, pp. 21–37. DOI: 10.2307/2955359.

Idler E. L., Hudson S. V., Leventhal H. The meanings of self-ratings of health: A qualitative and quantitative approach. *Research on Aging*, 1999, vol. 21, no. 3, pp. 458–476. DOI: 10.1177/0164027599213006.

Inglehart R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, Princeton University Press, 1990. 484 p.

Khaptsova A., Schwartz S. H. Life satisfaction and value congruence: Moderators and extension to constructed socio-demographic groups in a Russian national sample. *Social Psychology*, 2016, vol. 47, no. 3, pp. 163–173. DOI: 10.1027/1864-9335/a000268.

Kööts-Ausmees L., Realo A. The association between life satisfaction and self-reported health status in Europe. *European Journal of Personality*, 2015, vol. 29, no. 6, pp. 647–657. DOI: 10.1002/per.2037.

Kristiansen C. M. Smoking, health behavior, and value priorities. *Addictive Behaviors*. 1985a, vol. 10, iss. 1, pp. 41–44. DOI: 10.1016/0306-4603(85)90051.

Kristiansen C. M. Smoking, health behavior, and values: a replication, refinement, and extension. *Addictive Behaviors*, 1985b, vol. 10, iss. 3, pp. 325–328. DOI: 10.1016/0306-4603(85)90015-2.

Kristiansen C. M. A two-value model of preventive health behavior. *Basic and Applied Social Psychology*, 1986, vol. 7, no. 3, pp. 173–183. DOI: 10.1207/s15324834baspp0703_1.

Liu H., Yu S., Cottrell L. et al. Personal values and involvement in problem behaviors among Bahamian early adolescents: a cross-sectional study. *BMC Public Health*, 2007, vol. 7, art. no. 135. DOI: 10.1186/1471-2458-7-135.

Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: Does happiness lead to success? *Psychological Bulletin*, 2005, vol. 131, iss. 6, pp. 803–855. DOI: 10.1037/0033-2909.131.6.803.

Mackenbach J. P. The persistence of health inequalities in modern welfare states: the explanation of a paradox. *Social Science and Medicine*, 2012, vol. 75, iss. 4, pp. 761–769. DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.02.031.

Mackenbach J. P., McKee M. A comparative analysis of health policy performance in 43 European countries. *European Journal of Public Health*, 2013, vol. 23, iss. 2, pp. 195–201. DOI: 10.1093/eurpub/cks192.

Mackenbach J. P. Cultural values and population health: a quantitative analysis of variations in cultural values, health behaviours and health outcomes among 42 European countries. *Health and Place*, 2014, vol. 28, pp. 116–132. DOI: 10.1016/j.healthplace.2014.04.004.

Maercker A. Association of cross-cultural differences in psychiatric morbidity with cultural values: a secondary data analysis. *German Journal of Psychiatry*, 2001, vol. 4(1), pp. 16–23.

Maercker A., Chi Zhang X., Gao Z. et al. Personal value orientations as mediated predictors of mental health: A three-culture study of Chinese, Russian, and German university students. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 8–17. DOI: 10.1016/j.ijchp.2014.06.001.

Marmot M., Wilkinson R. G. (Eds.) *Social Determinants of Health*. Oxford, Oxford University Press, 2006. 366 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198565895.001.0001

Matsumoto D., Fletcher D. Cross-national differences in disease rates as accounted for by meaningful psychological dimensions of cultural variability. *Journal of Gender, Culture, and Health*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 71–82.

Matthews K. A., Gallo L. C. Psychological perspectives on pathways linking socioeconomic status and physical health. *Annual Review of Psychology*, 2011, vol. 62, pp. 501–530. DOI: 10.1146/annurev.psych.031809.130711.

Minkov M. Predictors of differences in subjective well-being across 97 nations. *Cross-Cultural Research: The Journal of Comparative Social Science*, 2009, vol. 43, no. 2, pp. 152–179. DOI: 10.1177/1069397109332239.

Ngamaba K. H., Panagioti M., Armitage C. J. How strongly related are health status and subjective well-being? Systematic review and meta-analysis. *European Journal of Public Health*, 2017, vol. 27, iss. 5, pp. 879–885. DOI: 10.1093/eurpub/ckx081.

Nordfjærn T., Brunborg G. S. Associations between human values and alcohol consumption among Norwegians in the second half of life. *Substance Use & Misuse*, 2015, vol. 50, no. 10, pp. 1284–1293. DOI: 10.3109/10826084.2014.998237.

Parks-Leduc L., Feldman G., Bardi A. Personality traits and personal values: A meta-analysis. *Personality and Social Psychology Review*, 2015, vol. 19, iss. 1, pp. 3–29. DOI: 10.1177/1088868314538548.

Rasmussen H. N., Scheier M. F., Greenhouse J. B. Optimism and physical health: a meta-analytic review. *Annals of Behavioral Medicine*, 2009, vol. 37, iss. 3, pp. 239–256. DOI: 10.1007/s12160-009-9111-x.

Rees K. S., Thompson S., Rees C., Cluphf D. Unexpected Findings in an Alternative High School: New Implications for Values Education. *Californian Journal of Health Promotion*, 2005, vol. 3, no. 1, pp. 130–139. DOI: 10.32398/cjhp.v3i1.1749.

Roccas S., Sagiv L., Schwartz S. H., Knafo A. The Big Five personality factors and personal values. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2002, vol. 28, iss. 6, pp. 789–801. DOI: 10.1177/0146167202289008.

Roudijk B., Donders R., Stalmeier P. Cultural values: can they explain self-reported health? *Quality Life Research*, 2017, vol. 26, iss. 6, pp. 1531–1539. DOI: 10.1007/s11136-017-1512-x.

Røysamb E., Tambs K., Reichborn-Kjennerud T., Neale M. C., Harris J. R. Happiness and health: Environmental and genetic contributions to the relationship between subjective well-being, perceived health, and somatic illnesses. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, vol. 85, iss. 6, pp. 1136–1146. DOI: 10.1037/0022-3514.85.6.1136.

Rudnev M., Vauclair C.-M. The Link Between Personal Values and Frequency of Drinking Depends on Cultural Values: A Cross-Level Interaction Approach. *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9, Art. no. 1379. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01379.

Ryan R. M., Deci E. L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*, 2001, vol. 52, pp. 141–166. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.141.

Ryff C. D., Radler B. T., Friedman E. M. Persistent Psychological Well-being Predicts Improved Self-Rated Health Over 9–10 Years: Longitudinal Evidence from MIDUS. *Health Psychology Open*, 2015, vol. 2(2), art. no. 2055102915601582. DOI: 10.1177/2055102915601582.

Sagiv L., Schwartz S. H. Value priorities and subjective well-being: direct relations and congruity effects. *European Journal of Social Psychology*, 2000, vol. 30, no. 2, pp. 177–198. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(200003/04).

Schimmack U., Diener E., Oishi S. Life satisfaction is a momentary judgment and a stable personality characteristic: The use of chronically accessible and stable sources. *Journal of Personality*, 2002, vol. 70, no. 3, pp. 345–384. DOI: 10.1111/1467-6494.05008.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*, 1992, vol. 25, pp. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6.

Schwartz S. A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. *European Social Survey Core Questionnaire Development*. London, European Social Survey, City University London, 2001. Ch. 7.

Schwartz S. H. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications. *Comparative Sociology*, 2006, vol. 5, iss. 2–3, pp. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357.

Schwartz S. H. Value orientations: measurement, antecedents and consequences across nations. *Measuring Attitudes Cross Nationally: Lessons from the European Social Survey*. Eds. R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, and G. Eva. London, Sage Publications, 2007. Pp. 169–203. DOI: 10.4135/9781849209458.n9.

Schwartz S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2012, vol. 2, iss. 1. DOI: 10.9707/230770919.1116.

Schwartz S. H. Basic individual values: Sources and consequences. *Handbook of Value: Perspectives from Economics, Neuroscience, Philosophy, Psychology and Sociology*. Eds. D. Sander and T. Brosch. Oxford, Oxford University Press, 2016. Pp. 63–84. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198716600.003.0004.

Schwartz S. H., Sortheix F. M. Values and subjective well-being. *Handbook of well-being*. Eds. E. Diener, S. Oishi, L. Tay. Salt Lake City, UT, DEF Publishers, 2018. URL: <https://nobascholar.com/chapters/51/download.pdf> (access date: 20.11.2020).

Sortheix F. M., Lönnqvist J.-E. Personal value priorities and life satisfaction in Europe: The moderating role of socioeconomic development. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2014, vol. 45, no. 2, pp. 282–299. DOI: 10.1177/0022022113504621.

Sortheix F. M., Schwartz S. H. Values that Underlie and Undermine Well-Being: Variability Across Countries. *European Journal of Personality*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 187–201. DOI: 10.1002/per.2096.

Van Hemert D. A., Van de Vijver F. J. R., Poortinga Y. H. The Beck Depression Inventory as a measure of subjective well-being: a cross-national study. *Journal of Happiness Studies*, 2002, vol. 3, iss. 3, pp. 257–286. DOI: 10.1023/A:1020601806080.

Van Praag B. M. S., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. The anatomy of subjective well-being. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2003, vol. 51, iss. 1, pp. 29–49. DOI: 10.1016/S0167-2681(02)00140-3.

Wang W. C., Worsley A. Healthy eating norms and food consumption. *European Journal of Clinical Nutrition*, 2014, vol. 68, iss. 5, pp. 592–601. DOI: 10.1038/ejcn.2014.2.

Worsley A., Wang W. C., Hunter W. Gender differences in the influence of food safety and health concerns on dietary and physical activity habits. *Food Policy*, 2013, vol. 41, pp. 184–192. DOI: 10.1016/j.foodpol.2013.05.011.

Wu S., Wang R., Zhao Y., Ma X., Wu M., Yan X., He J. The relationship between self-rated health and objective health status: A population-based study. *BMC Public Health*, 2013, vol. 13, iss. 1, art. no. 320. DOI: 10.1186/1471-2458-13-320.

Young R., West P. Do 'good values' lead to 'good' health-behaviours? Longitudinal associations between young people's values and later substance-use. *BMC Public Health*, 2010, vol. 10, iss. 1, art. no. 165. DOI: 10.1186/1471-2458-10-165.

Русинова Нина Львовна, кандидат экономических наук, заведующий сектором социологии здоровья, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Rusinova Nina L., Head of the Sociology of Health Department, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
nrusinova@gmail.com

Сафронов Вячеслав Владимирович, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Safronov Viacheslav V., Senior Fellow, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
vsafronov@list.ru

С. И. Бояркина

КОПИНГ В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ: БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНОГО ДИСКУРСА*

В статье представлены результаты исследования, проведенного с применением методов библиометрического анализа метаданных публикаций, размещенных в международной базе научной литературы Web of Science (WoS): Core Collection, посвященных изучению копинга. Дисциплинарное распределение массива публикаций свидетельствует о преобладании узко профилированной медицинской и психологической научной тематики, существенно меньшей доли социальных наук в изучении проблем восприятия и поведения в трудных жизненных ситуациях, в том числе в ситуации болезни. Анализ терминологических полей, проведенный с помощью программы VOS Viewer, позволил выявить тенденции тематического структурирования научного дискурса, подтвердить предположение о наличии взаимосвязи между массовым распространением хронических болезней и частотой их обсуждения научным сообществом, выделить наиболее актуальные болезни, требующие мобилизации индивидуальных социально-психологических ресурсов и проблемы их психологического восприятия, обозначить соответствующие ресурсы и стратегии копинга.

Ключевые слова: болезнь, угроза жизни, восприятие, копинг, социальная поддержка, индивидуальные психологические ресурсы, библиометрический анализ.

BOYARKINA SANIYA I.

COPING WITH DISEASE: A BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF SCIENTIFIC DISCOURSE

The article presents the results of a study carried out using bibliometric analysis of publications metadata posted in the international scientific literature database Web of Science (WoS): Core Collection, devoted to the coping issues. The disciplinary

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Социальные неравенства в здоровье и персональные психологические ресурсы: исследование взаимосвязи в России и странах Европы методами многоуровневого моделирования», рук. Н. Л. Русинова (грант № 18-013-00064).

The study was supported by the RFBR, research project “Social inequalities in health and personal psychological resources: a study of relationship in Russia and European countries with statistical methods of multilevel modeling” (hands. N. L. Rusinova), grant No. 18-013-00064.

distribution of the publications array testifies to the predominance of specialized medical and psychological scientific topics, a noticeable lag in the social sciences in studying problems of perception and behavior in difficult life situations, including the situation of disease. The analysis of terminological fields, carried out using the VOS Viewer program, made it possible to identify tendencies in the thematic structuring of scientific discourse, to confirm the assumption that there is a relationship between the massive spread of chronic diseases and the frequency of their discussion by the scientific community; to highlight the most urgent diseases requiring the mobilization of individual social and psychological resources and their psychological perception problems; identify appropriate coping resources and strategies.

Keywords: disease, life-threatening, perception, coping, social support, personal psychological resources, bibliometric analysis.

Введение

Современная международная статистика свидетельствует о том, что наряду с общим ростом продолжительности жизни происходит массовое распространение болезней, приводящих к ежегодной преждевременной смерти миллионов людей, приросту показателей заболеваемости и инвалидизации, увеличению числа живущих в ситуации болезни, сопровождающейся функциональными ограничениями и психологической и социальной депривацией. В течение последних десятилетий в рейтинге ведущих причин заболеваемости и смертности в мире с большим отрывом лидируют сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. По данным ВОЗ в 2016 г. из 56,9 млн случаев смерти во всем мире 17,9 млн были обусловлены сердечно-сосудистыми заболеваниями, в том числе, 15,2 млн были вызваны ишемической болезнью сердца и инсультом, 1,7 млн — раком легких (в 2018 г. из общего количества умерших за год 60 млн человек от онкологических болезней всех видов погибло 9,6 млн). Далее в рейтинге ведущих причин смерти по нисходящей следуют такие заболевания как хроническая обструктивная болезнь легких, ставшая причиной смерти 3,0 млн человек, и диабет — 1,6 млн умерших. В числе инфекционных заболеваний самый значимый вклад в показатели заболеваемости и смертности вносят инфекции нижних дыхательных путей, от которых в 2016 г. в мире умерли 3,0 млн человек, туберкулез, унесший жизни 1,3 млн человек и ВИЧ/СПИД, от которого в мире умерли 1,0 млн человек (ВОЗ 2018).

Распределение показателей заболеваемости и смертности по странам мира указывает на то, что для жителей стран с высоким уровнем дохода, в том числе развитых стран Европы, наибольшую угрозу представляют неинфекционные болезни: сердечно-сосудистые, онкологические,

хронические респираторные заболевания, диабет, психические расстройства (с 2000 по 2016 г. смертность от деменции возросла более чем в два раза, в связи с чем это заболевание стало 5-й ведущей причиной смерти в мире в 2016 г., тогда как в 2000 г. оно занимало 14-е место в рейтинге причин смерти). Их доля в показателях заболеваемости составляет 77%, а в показателях смертности — 86% от всех причин смерти населения стран Европейского региона Всемирной организации здравоохранения в возрасте от 30 до 69 лет.

Проблема инфекционной заболеваемости в большей степени актуальна для стран со средним и низким уровнями дохода, в том числе, стран Восточной Европы: Хорватии, Словении, Словакии, Чехии, России, Украины. При этом в последних двух государствах (России и Украине) в 2017 г. было зарегистрировано 75% новых случаев заболевания вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) по европейскому региону ВОЗ, или 92% от всех случаев заболевания в Восточном регионе. В странах Восточного региона наблюдается и высокая заболеваемость туберкулезом, его лекарственно устойчивыми формами. В 2018 г. доля случаев заболевания туберкулезом со множественной лекарственной устойчивостью во всем мире составила 3,4% среди новых случаев и 18% среди ранее пролеченных случаев и была наиболее высока (свыше 50% среди ранее пролеченных случаев) в странах бывшего Советского Союза, в том числе более 9% — в России.

Большинство из перечисленных заболеваний, массово воздействующих на здоровье людей, характеризуются хронической формой течения, могут сопровождаться выраженным болевым синдромом и в течение длительного периода жизни больных оказывать влияние не только на функциональное состояние, но и индивидуальный социальный и психологический статусы. Ситуация продолжительной болезни становится источником хронического стресса, требующего привлечения всех имеющихся ресурсов и психологической готовности к тому, чтобы оценить трудную жизненную ситуацию и сформировать адекватные поведенческие стратегии для ее преодоления. Современные исследования доказывают, что способность противостоять жизненным невзгодам, в том числе болезням, определяется как индивидуальными психологическими ресурсами, так и теми запасами социального капитала, поддержки ближайшего окружения, которые может привлекать человек, включенный в сети социальных взаимодействий (см., например, Halstead et al. 2018; Kong et al. 2019); наличие этих социально-психологических ресурсов позволяет наиболее успешно справляться с жизненными трудностями и способствует сохранению

приемлемого уровня здоровья, функционального и социального благополучия.

Проблемы психологической готовности к преодолению (копингу) трудных жизненных ситуаций, к которым относится и ситуация болезни, вызывают обоснованный интерес исследователей, предпринимающих попытки изучения поведенческих стратегий и ресурсов, используемых представителями различных социальных и демографических групп в условиях стресса. Термин «копинг» появился в психологической литературе в конце 50-х годов в работах Л. Murphy, посвященных исследованию способов преодоления кризисов развития у детей (Murphy 1959; Murphy 1960). Несколько лет спустя R. Lazarus описал осознанные стратегии преодоления стрессов и других событий, сопровождающихся тревогой у взрослых (Lazarus 1966). С конца 70-х годов возникают первые ресурсные теории копинга, предполагающие, что в основе различий в эффективности преодоления трудных жизненных ситуаций, в том числе связанных с нарушением здоровья, лежат запасы и характеристики отдельных индивидуальных ресурсов (Bandura 1977; Pearlin, Schooler 1978; Moos 1988; Hobfoll 1989). Проводившиеся исследования копинга, его ресурсов и механизмов привели к возникновению ряда моделей, предполагающих выделение различных форм реагирования на трудную жизненную ситуацию, восприятия и поведения в ней. В работах R. Lazarus преодоление трудных жизненных ситуаций связано с мобилизацией двух основных механизмов — психологического и поведенческого, основанных, соответственно, на «работе с отношением к проблеме» — эмоционально-ориентированный (emotional-focused) копинг и «работе с проблемой» — проблемно-ориентированный (problem-focused) копинг (Folkman, Lazarus 1980; Carver et al. 1989). Изучение совладающего поведения привело к появлению детализированной модели Frydenberg E., Lewis R. (ACS — Adolescent Coping Scale), включающей в себя три основные формы копинга в трудных жизненных ситуациях: (1) обращение к другим за поддержкой и помощью — включает в себя поиск социальной поддержки ближайшего окружения, друзей, тех, кто оказался в схожей жизненной ситуации, поиск духовной поддержки и профессиональной помощи; (2) продуктивный копинг — оптимизм, позитивное восприятие ситуации, готовность к работе по преодолению трудностей, фокусирование внимания на решении проблемы, своих физических силах; (3) непродуктивный копинг — беспокойство, принятие желаемого за действительное, игнорирование проблемы, избегание, преуменьшение ее значимости и самоуспокоение, в том числе с помощью алкоголя, курения, «заедания»,

самообвинение и признание собственной беспомощности (Frydenberg, Lewis 2000; Frydenberg, Rowley 1998; Frydenberg, Lewis 1993). Похожая классификация, в которой одна из форм копинга основана на социальной поддержке, была предложена и в модели, основанной на теории сохранения ресурсов (COR-теория, Conservation of Resources), в которой автор обозначил 6 осей: просоциальная/антисоциальная направленность, прямое/непрямое поведение и пассивное/активное поведение (Hobfoll 1996). Выделяемые авторами формы копинга позволяют предположить, что трудные жизненные ситуации могут представлять собой объективную проблему и проблему психологического восприятия ситуации, требующие задействования индивидуальных социально-психологических ресурсов и выработки адаптивных или неадаптивных (непродуктивных) поведенческих стратегий.

В современных исследованиях реакций на стрессовые ситуации авторы обращают внимание на то, что индивидуальные социально-психологические ресурсы распределены по социальной иерархии неравномерно и оказывают неодинаковое влияние на представителей различных социальных страт, в том числе и на их восприятие и способы решения проблем, связанных с нарушениями здоровья. В числе моделей, получивших наибольшую известность, — модель резервного потенциала Gallo, Matthews, обосновывающая принципиальную важность в формировании статусных неравенств в здоровье персональных социально-психологических ресурсов как совокупности межличностных и собственно личностных свойств/качеств, обеспечивающих человека способностью противостоять стрессам и трудностям жизни (Русинова, Бояркина 2019). В эмпирических исследованиях роли резервного потенциала во взаимосвязи между статусными характеристиками и неравенствами в здоровье в центре внимания находятся проблемы градиентного характера распределения социально-психологических ресурсов по социальной и возрастной иерархии и медиативных/модеративных эффектов, оказываемых на здоровье людей, обладающих различным социальным статусом (Русинова, Сафронов 2017; Русинова, Сафронов 2020; Gallo, Matthews 2003; Finkelstein 2007; Matthews et al. 2010).

Предварительный анализ литературы, посвященной обсуждению проблем, требующих мобилизации копинг-ресурсов и стратегий позволяет предположить, что основной массив публикаций относится к психологическим наукам, в первую очередь в силу дисциплинарной специфики применяемого понятийно-категориального аппарата, значительно меньшая часть принадлежит представителям социальных наук.

Заметная часть публикаций посвящена копингу в ситуации болезни, что, вероятно, связано с актуальностью эпидемиологических процессов, массового распространения хронических болезней, их последствий для психологического и социального благополучия значительного числа людей, однако не ясно, какие именно заболевания и соответствующие им формы копинга обсуждаются чаще других, и попадают ли в фокус внимания исследователей демографические особенности изучаемых социальных групп. Проверить предположения, которые возникают в отношении особенностей научного дискурса и дисциплинарного распределения наиболее актуальных тематических направлений анализа копинга в ситуации болезни, позволяет метод библиометрического анализа метаданных научных публикаций, размещенных в международных базах научной литературы, с помощью которого исследователь получает возможность структурировать дисциплинарные и тематические поля проводимых исследований, сформировать и визуализировать терминологические кластеры, на которых основан академический дискурс, выстраиваемый вокруг изучаемой проблематики.

Материалы и методы

Несмотря на относительную новизну тематики, в международной базе научных публикаций Web of Science (WoS): Core Collection размещено более 38 000 публикаций, посвященных исследованиям копинга. Для выделения типов проблем, на преодоление которых направлены психологические ресурсы и копинг-стратегии, и определения степени актуальности для научного сообщества отдельных болезней, были произведены поисковые запросы, сравнительный анализ которых позволил обозначить дисциплинарные и тематические особенности научного дискурса, структурировать ключевые понятия в соответствии с существующими теоретическими представлениями, выделяя в числе трудных жизненных ситуаций, требующих копинга, проблемы объективных нарушений здоровья и проблемы их восприятия; индивидуальные психологические ресурсы и формы копинга — обращение за поддержкой и помощью, продуктивные и непродуктивные стратегии.

Первый поисковый запрос был сформулирован для выявления дисциплинарных и терминологических особенностей научной дискуссии о проблемах копинга в ситуации болезни. В ответ на поисковый запрос со словами «копинг», «болезнь» («disease»), «недуг» («illness») было найдено 2832 публикации, более 95% которых представлены статьями, существенное увеличение ежегодного количества публикаций

по сравнению с предыдущим периодом началось с 2014 г. (рис. 1), что сопровождалось ростом их цитирования (рис. 2).

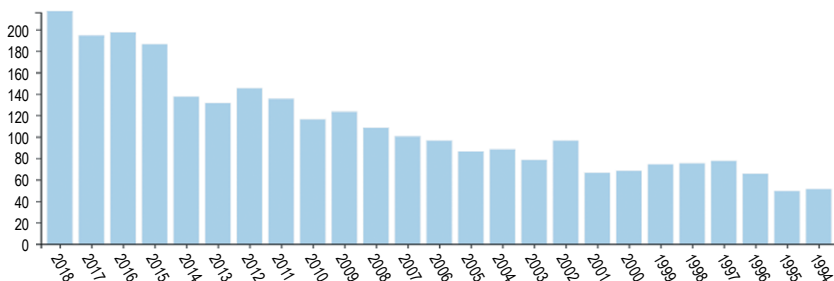
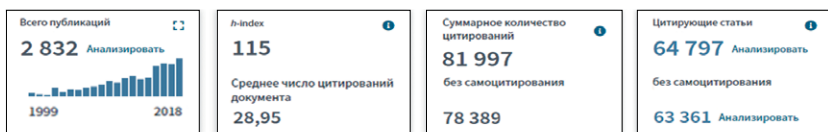

Рис. 1. Динамика публикационной активности по изучению копинга в ситуации болезни за период с 1994 по 2018 г.

Количество цитирований по годам

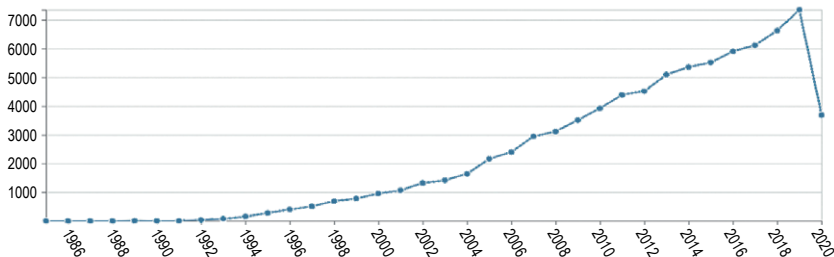

Рис. 2. Динамика цитирования статей, посвященных изучению копинга в ситуации болезни

Распределение публикаций по дисциплинарным направлениям, в рамках которых дискутируются проблемы копинга в ситуации болезни, происходит преимущественно по профильным медицинским (психиатрия, общественное здоровье, сестринский уход, онкология, клиническая неврология, педиатрия, реабилитология и др.) и психологическим наукам (клиническая психология, психология) с преобладанием доли медицинских, в центре внимания которых находятся проблемы

здоровья и болезней. Количество статей, опубликованных в рамках социальных наук (биомедицинские социальные науки, социальная работа, социальная политика), существенно меньше (рис. 3).

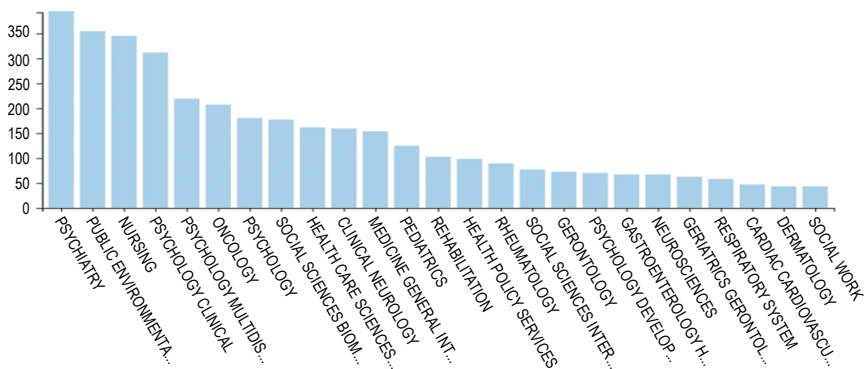

Рис. 3. Дисциплинарное распределение публикаций, посвященных изучению coping в ситуации болезни

Изучение тематической направленности публикаций осуществлялось с помощью программы VOSviewer, которая позволяет построить терминологическую карту на основе анализа метаданных отобранных публикаций и поиска повторяющихся слов в заголовках, аннотациях и ключевых словах статей. Для снижения «шумов» поиска и повышения достоверности его результатов было задано применяемое к методу ограничение: термин должен встречаться не менее 30 раз (см., например, Sweileh 2018). В результате было выделено 9 кластеров, объединяющих тематически близкие понятия (см. ил. 1 на с. 147 наст. изд.), из которых 3 наиболее малочисленных кластера были исключены программой из построения карты, на которой размер круга соответствует частоте его упоминания, а связи между терминами обозначены линиями, позволяющими определить центральное понятие и понятия, связанные с ним.

Анализ полученного терминологического поля позволил описать следующие основные трудности в ситуации болезни и ресурсы, задействованные для ее преодоления.

Кластер 1 (147 терминов) красный, центральный термин «Поддержка», содержит термины, обозначающие проблемы, требующие coping: (1) нарушения здоровья: диагноз-рак, ампутация, рак груди, рак простаты, рак горла, деменция, психоз, хроническая обструктивная болезнь легких, прогрессирующее заболевание, химиотерапия, лучевая

терапия, побочные эффекты; (2) восприятия: страх, потеря и др. Копинг-стратегии и ресурсы: обращение за поддержкой и помощью: супружеская поддержка, партнер, психосоциальная адаптация, копинг с партнером (dyadic coping), друзья, опыт, паллиативная помощь и др.

Кластер 2 (128 терминов) зеленый, центральный термин «Депрессия», содержит термины, обозначающие проблемы требующие копинга: (1) нарушения здоровья: психическое расстройство, боль, депрессия, длительность болезни; (2) восприятия: тревожность, поведение в болезни, эмоциональный дистресс, восприятие болезни, беспомощность, репрезентация болезни, одиночество и др. Копинг-стратегии и ресурсы: (1) продуктивный копинг: статус здоровья, чувство здорового смысла, принятие, самоэффективность, когнитивный, когерентность, оптимизм, медиатор; (2) непродуктивный копинг: пассивный копинг, избегание, неадекватный копинг, и др. В кластере содержатся термины, описывающие демографические характеристики: возраст, взрослый пациент.

Кластер 3 (39 терминов) синий, центральный термин «Терапия», содержит термины, обозначающие проблемы, требующие копинга: нарушения здоровья: болезнь, хроническая боль, шизофрения и др. Копинг-стратегии и ресурсы: обращение за поддержкой и помощью: социальные сети, психотерапия, приверженность, медикализация, медицинская помощь, комплаенс и др.

Кластер 4 (36 терминов) желтый, центральный термин «Ребенок», содержит термины, обозначающие проблемы, требующие копинга: нарушения здоровья: больной ребенок, диабет, ожирение, эпилепсия, болезни сердца, конфликт и др. Копинг-стратегии и ресурсы: (1) обращение за поддержкой и помощью: семья, родители, психологическая поддержка; (2) продуктивные: физическая активность, самооценка и др. В кластере содержатся термины, описывающие демографические характеристики: молодежь, взрослый, юность, ребенок.

Кластер 5 (31 термин) сиреневый, центральный термин «Рак», содержит термины, обозначающие проблемы, требующие копинга: (1) нарушения здоровья: рак, рак груди, рак простаты, химиотерапия; (2) восприятия: страх и др. Копинг-стратегии и ресурсы: обращение за поддержкой и помощью: муж, жена, родители, партнер, доверие; религия, религиозный копинг, духовность, Бог и др.

Кластер 6 (19 терминов) голубой, центральный термин «Обеспечивающий уход», содержит термины, обозначающие проблемы, требующие копинга: (1) нарушения здоровья: ВИЧ, СПИД, инфекции, смерть, выживание; (2) восприятия: стигма, стигматизация, страх. Копинг-стратегии и ресурсы: обращение за поддержкой и помощью: лицо, обеспечивающее уход.

В построенном терминологическом поле в числе болезней, обсуждаемых в контексте тематики копинга, упоминаются сердечно-сосудистые, онкологические и психические заболевания (депрессия, эпилепсия, шизофрения), диабет, ожирение, ВИЧ, СПИД, инфекции; к трудным жизненным ситуациям, связанным с нарушением здоровья и требующим мобилизации индивидуальных социально-психологических ресурсов, также относятся перенесенные калечащие операции (ампутация), боль, смерть. Типичной проблемой восприятия ситуации болезни являются тревожность и страх, упоминаемый в каждом кластере, где центральные понятия имеют отношение к тяжелым нарушениям здоровья: кластер 1 и кластер 5 — центральные понятия связаны с онкологическими заболеваниями, кластер 2 — психические болезни, кластер 6 — инфекционные заболевания. Наиболее частое упоминание такой формы копинга, как «обращение за поддержкой и помощью», указывает на актуальность (1) семейных связей (термины «родители», «супруг», «партнер», «муж», «жена»), (2) религиозных убеждений (термины «Бог», «религия», «духовность»), (3) профессиональной медицинской помощи и ухода (термины «приверженность», «медиализация», «медицинская помощь», «комплаенс»), которые становятся основными источниками ресурсов для больных трудноизлечимыми заболеваниями, длительно оказывающими негативное воздействие на индивидуальный психологический и функциональный статусы.

Для определения степени значимости ситуации болезни в ряду прочих трудных жизненных ситуаций, обсуждаемых в связи с тематикой копинга, был произведен тематически более широкий поисковый запрос по ключевым словам «психол*», «копинг», «стратег*» (знак «звездочка» указывает программе, что окончание слова может быть любым) позволивший обнаружить 7897 публикаций, более 95% которых также представлено статьями, основное количество которых было опубликовано в течение последних 20 лет; увеличение числа которых и числа цитирований которых также произошло с 2014 г. (рис. 4, рис. 5).

Несмотря на то, что указание на ситуацию болезни в запросе отсутствует, дисциплинарное распределение публикационного массива свидетельствует о том, что психологические копинг-стратегии в целом также изучаются преимущественно представителями профильных медицинских (психиатрия, общественное здоровье, клиническая неврология, сестринский уход, онкология, реабилитология и др.) и психологических (психология, социальная психология, прикладная психология и др.) наук, значительно меньше число публикаций подготовлено в рамках социальных наук (рис. 6).

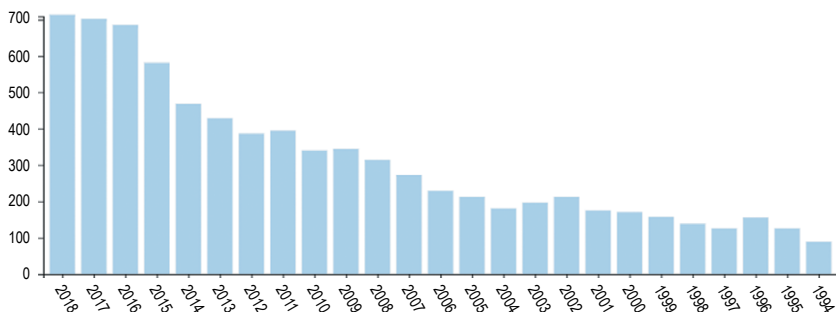
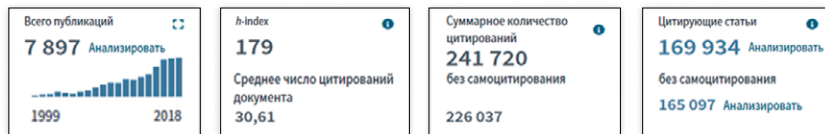

Рис. 4. Динамика публикационной активности по изучению психологических копинг-стратегий за период с 1994 по 2018 г.

Количество цитирований по годам

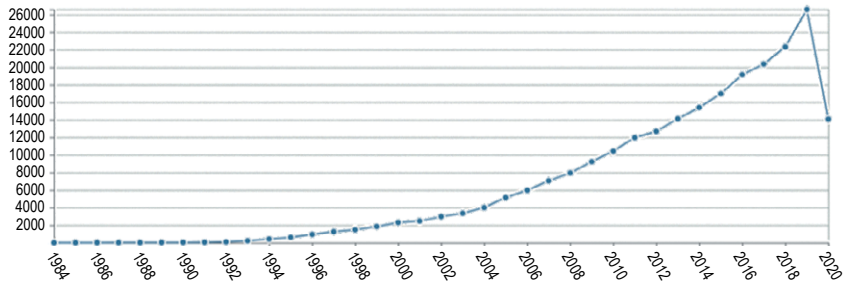

Рис. 5. Динамика цитирования статей, посвященных изучению психологических копинг-стратегий

Обработка результатов поиска в программе VOSviewer с сохранением ограничения тридцатикратного повтора термина позволила выявить 10 кластеров, объединяющих тематически близкие понятия (см. цв. ил. 2 на с. 147 наст. изд.), из которых 4 малочисленных кластера были исключены программой из построения карты.

В полученном терминологическом поле в числе наиболее обсуждаемых трудных жизненных ситуаций и применяемых в них копинг-стратегий и ресурсов можно выделить следующие структуры.

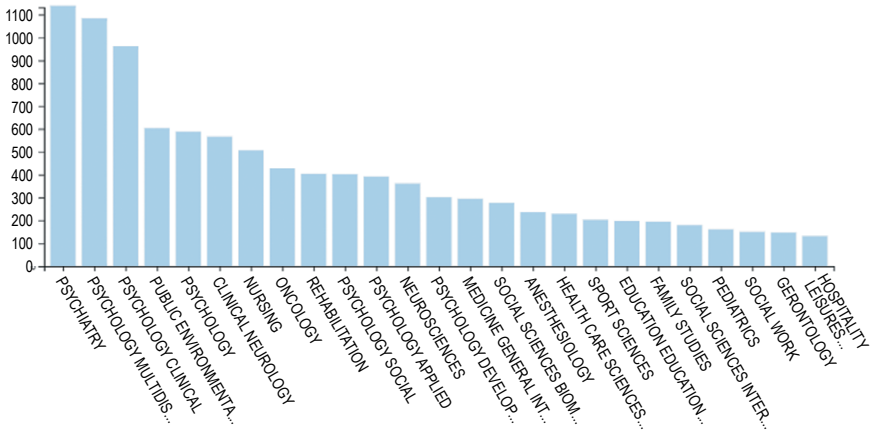

Рис. 6. Дисциплинарное распределение публикаций, посвященных изучению психологических копинг-стратегий

Кластер 1 (302 термина) красный, центральный термин «Боль», содержит термины, обозначающие проблемы требующие копинга: (1) нарушения здоровья: боль (интенсивная, хроническая), меланома, инфаркт, хронический, синдром хронической усталости, тревожные расстройства, психическое расстройство, депрессия; (2) восприятия: восприятие болезни, катастрофизация боли, госпитальная тревожность, самообвинение, саморазрушение, подавленность, беспомощность. Копинг-стратегии и ресурсы: (1) продуктивные: когнитивный копинг, внутреннее постоянство, удовлетворенность жизнью, оптимизм, мастерство, контроль, опыт, эффективность, здравый смысл, психологический статус, социально-экономический статус и др.; (2) непродуктивные: пассивный копинг, избегание, оправдывающее поведение и др. В кластере присутствуют термины, обозначающие демографическую принадлежность: юность, старшие пациенты.

Кластер 2 (246 термина) зеленый, обозначение центрального понятия затруднено, более других выделяется термин «Забота», хотя его частота упоминания заметно ниже центральных терминов кластеров «Боль», «Лечение», «Ребенок», «Студент», «Рак». Кластер содержит термины, обозначающие проблемы, требующие копинга: смерть, психическое заболевание, производственный стресс, выгорание, социальная изоляция и др. Копинг-стратегии и ресурсы: (1) продуктивные: индивидуальные рефлексия, позитивные эмоции, саморегуляция, уверенность в себе, забота о себе, толерантность, автономия, баланс; социальный контекст;

(2) обращение за поддержкой и помощью: здравоохранение, паллиативная помощь, сестринский уход и др. Термины, обозначающие демографическую принадлежность: пожилые, молодые женщины, юные.

Кластер 3 (214 терминов) синий, центральный термин «Студент», содержит термины, обозначающие проблемы, требующие копинга: (1) насилия: насилие, домашнее насилие, сексуальное насилие, жертва, агрессия, конфликт, стигма, острый стресс, дискриминация, посттравматический стресс, суицидальное поведение; (2) нарушения здоровья: вес, масса тела, депрессивный синдром, ВИЧ, проблемы психического здоровья, интернет-зависимость; (3) восприятия: диссоциация и др. Социально-психологические копинг-стратегии и ресурсы: непродуктивные: психологический статус, самокритика, понимание себя, прощение, сострадание к себе и др. Термины, обозначающие демографическую принадлежность: юность, взрослые, женщина.

Кластер 4 (133 термина) желтый, центральный термин «Лечение», содержит термины, обозначающие проблемы, требующие копинга: (1) нарушения здоровья: деменция, биполярное расстройство, шизофрения, фибромиалгия, рак легких, остеоартрит, боль; (2) восприятия: восприятие боли, совладание с болью. Копинг-стратегии и ресурсы: (1) обращение за поддержкой и помощью: терапия, когнитивно-поведенческая терапия, вмешательство; (2) продуктивные: тренинг навыков, готовность, психологическая подвижность, психологическое образование, эффективное поведение и др.

Кластер 5 (42 термина) светло-фиолетовый, центральный термин «Ребенок», содержит основные термины, обозначающие проблемы, требующие копинга: аутизм, болезнь Альцгеймера, родительский стресс, госпитализация, хронические состояния, когнитивные расстройства. Копинг-стратегии и ресурсы: (1) обращение за поддержкой и помощью: семья, родители, мать, отец; (2) непродуктивные: дисфункциональный (избегающий) копинг.

Кластер 6 (40 терминов) голубой, центральный термин «Рак 2», содержит термины, обозначающие проблемы, требующие копинга: (1) нарушения здоровья: диагноз-рак, ампутация, рак груди, рак простаты, рак шеи, прогрессирующее заболевание, лечение, химиотерапия, лучевая терапия, побочные эффекты, сексуальная дисфункция и др. (2) восприятия: страх. Копинг-стратегии и ресурсы: обращение за поддержкой и помощью: супружеская поддержка, партнер, психосоциальная адаптация, копинг с партнером (dyadic coping).

Несмотря на отсутствие в поисковом запросе слов «болезнь» («disease»), «недуг» («illness»), в каждом выделенном тематическом

кластере присутствуют термины, свидетельствующие об упоминании массовых хронических болезней в числе проблем, требующих копинга. В отдельных кластерах (кластер 1 «Боль», кластер 4 «Лечение», кластер «Рак»), два из которых отличаются наличием центрального термина с наибольшей частотой упоминания в публикационном массиве (кластер «Боль» и кластер «Лечение»), образована плотная сеть часто упоминаемых понятий, связанных с обсуждением нарушений здоровья. Наиболее часто упоминаемые термины — «Боль», «Рак», «ВИЧ», наименования психических расстройств: «Деменция», «Шизофрения». В числе проблем восприятия чаще других обсуждаются посттравматическое стрессовое расстройство (ptsd), тревожность, страх. В отличие от терминологического поля, построенного по поиску «копинг-болезнь» в метаданных статей, посвященных копинг-стратегиям, значительно чаще встречаются термины, обозначающие индивидуальные психологические ресурсы — «эффективность», «оптимизм», «удовлетворенность жизнью», «эмоциональное регулирование», что может объясняться более широким спектром обсуждаемых в публикациях жизненных ситуаций и отличиями в оказываемом ими воздействии от ситуации болезни. Сеть связей между понятиями, обозначающими перечисленные психологические ресурсы, и центральным понятием кластера 1 — «Боль» указывает на различия в роли психологических ресурсов в урегулировании ситуации болезни и ситуации боли, что может быть обусловлено влиянием стигмы диагноза на психологический статус больных. В то же время в остальных кластерах высокой остается частота упоминания терминов, предполагающих обращение за поддержкой и помощью.

В произведенных поисковых запросах «копинг-болезнь» и «копинг-стратегии» в отдельных кластерах, центральные понятия которых не содержат указания на конкретную болезнь (кластеры «Депрессия» и «Ребенок» в первом терминологическом поле, кластеры «Боль», «Забота» и «Студент» во втором терминологическом поле), упоминаются отдельные возрастные характеристики, попадающие в поле внимания исследователей: «ребенок», «юность», «молодые», «взрослые», «пожилые», что указывает на наличие исследований возрастных различий восприятия и поведения в трудных жизненных ситуациях.

В то же время практически не представлены термины, связанные с обсуждением тематики социальных неравенств, статусной стратификации копинг-ресурсов и стратегий, медиативных и модеративных эффектов психологических ресурсов во взаимосвязи между социально-экономическим статусом, его отдельными измерениями — доходом и образованием — и состоянием здоровья. Понятия, описывающие

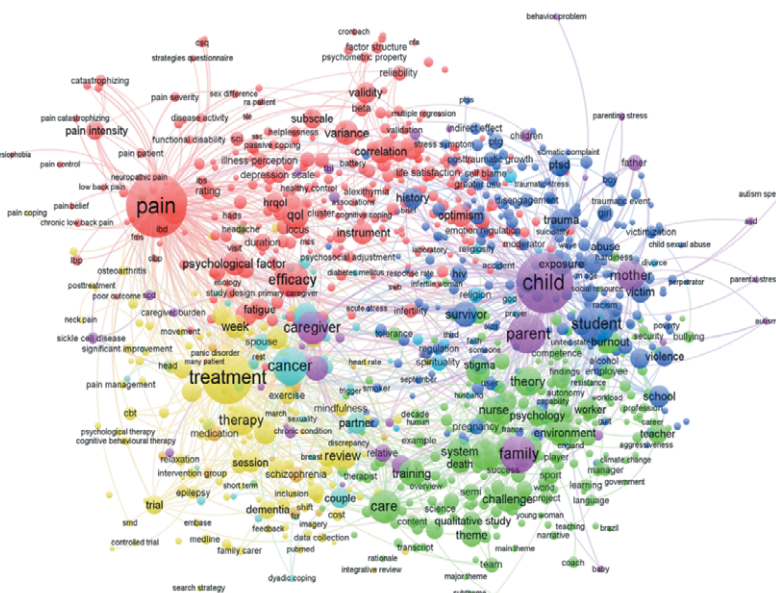
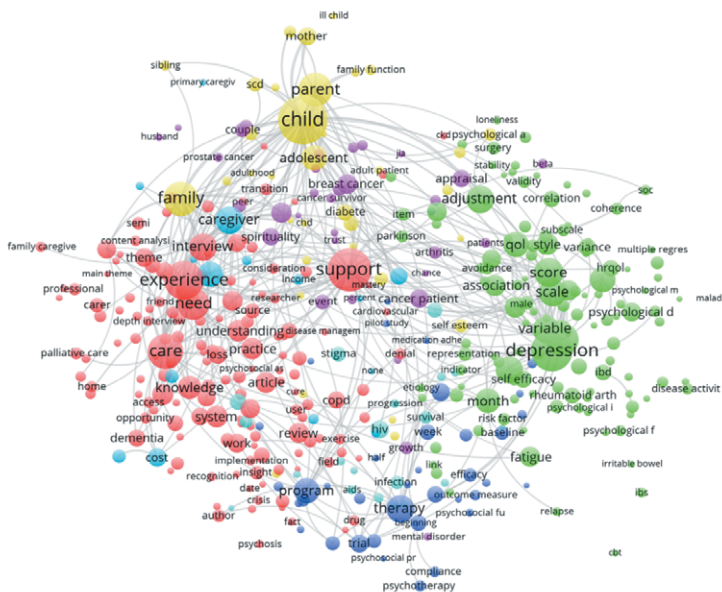
социально-структурные неравенства — «социально-экономический статус», «медиативный эффект», «модератор», «бедность» упоминаются только в кластерах «Боль» и «Студент» во втором терминологическом поле, что указывает на меньшую степень разработанности проблемы неравенств в исследованиях копинга.

Проверка гипотезы о периферийном положении социальных наук и тематики социальных неравенств в дискуссии, посвященной проблемам и ресурсам копинга в ситуации болезни, проходила через включение в запросы слов «социальный статус», «копинг», «недуг», «болезнь» (420 публикаций), «неравенства», «копинг», «недуг», «болезнь» (54 публикации), в результатах анализа которых было обнаружено, что понятие неравенств является одним из наиболее часто упоминаемых (см. цв. ил. 3 на с. 148 наст. изд.) в научной дискуссии, однако дисциплинарная специфика публикуемых статей, обнаруженная при проведении предшествующих поисковых запросов, сохраняется.

Выводы

В результате исследования, проведенного с применением специальных средств библиометрического анализа метаданных массива публикаций, было выявлено, что подавляющее большинство публикаций, посвященных изучению копинга в трудных жизненных ситуациях в целом и ситуации болезни в частности, принадлежит представителям профильных медицинских и психологических наук, использующих соответствующую терминологию, что способствует распространению и доминированию медицинского и психологического дискурса в обсуждении роли социально-психологических ресурсов в решении трудных жизненных ситуаций. Относительно редкое упоминание понятий, описывающих социальные неравенства и их статусные измерения — дохода, образования, профессиональной занятости, медиативных и модеративных эффектов, может объясняться спецификой дисциплинарного распределения публикаций и указывать на новизну и меньшую степень изученности социальной детерминированности эффектов персональных социально-психологических ресурсов для здоровья представителей различных социальных страт.

Наиболее актуальные жизненные трудности, рассматриваемые авторами в качестве проблем, требующих копинга, обусловлены нарушениями здоровья: из числа массовых болезней, ежегодный прирост которых фиксируется статистикой Всемирной организации здравоохранения, наиболее часто обсуждаются онкологические и психические заболевания, ВИЧ.

Проблема восприятия этих заболеваний, представляющих угрозу жизни, стигматизирующих больных фатальностью диагноза, сопровождается преобладанием терминологии, описывающей формы непродуктивного копинга. Значимым ресурсом копинга в ситуации тяжелой продолжительной болезни становится обращение за поддержкой и помощью к членам семьи и профессионалам, обеспечивающим уход. Частое упоминание партнеров, супругов, родителей в обсуждении онкологических болезней и паллиативного ухода за терминальными больными и при этом отсутствие в соответствующих кластерах понятий, обозначающих продуктивный копинг и индивидуальные психологические ресурсы, может указывать на различия в ресурсах, необходимых для управления ситуацией болезни, обусловленные восприятием степени угрозы жизни и снижением персональной психологической готовности к ее преодолению, однако эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке.

Источники

10 ведущих причин смерти в мире / Всемирная организация здравоохранения // ВОЗ [официальный сайт]. 24.05.2018. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death> (дата обращения: 20.06.2020).

Русинова Н. Л., Бояркина С. И. Роль социального неравенства и психологических ресурсов личности в заболеваемости социально значимыми болезнями в России и странах Европы // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2019. — № 5. — С. 64–73.

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Персональные психологические ресурсы и социальные неравенства в здоровье: выраженность буферного эффекта в европейских странах // Демографическое обозрение. — 2017. — Т. 4, № 3.

Русинова Н. Л., Сафронов В. В. Медиаторы структурных неравенств в здоровье в странах Европы: социальный капитал близкого окружения и доверия людям // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2020. — Т. 23, № 1. — С. 35–64.

Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. — 1977. — Vol. 84, iss. 2. — P. 191–215.

Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. — 1989. — Vol. 56. — P. 267–283

Finkelstein D. M. et al. Socioeconomic differences in adolescent stress: The role of psychological resources // Journal of Adolescent Health. — 2007. — Vol. 40, No. 2. — P. 127–134.

Folkman S., Lazarus R. An analysis of coping in a middle-aged community sample // Journal of health and social behavior. — 1980. — P. 219–239.

Frydenberg E., Lewis R. Teaching Coping to adolescents: when and to whom? // American Educational Research Journal. — 2000. — Vol. 37, No. 3. — P. 727–745.

Frydenberg, E., Rowley G. Coping with social issues: What Australian university students do // Issues in Educational Research. — 1998. — Vol. 8, iss. 1. — P. 33–48.

Gallo L.C., Matthews K. A. Understanding the association between socioeconomic status and physical health: Do negative emotions play a role? // Psychological Bulletin. — 2003. — Vol. 129, iss. 1. — P. 10–51.

Halstead E. J., Griffith G. M., Hastings R. P. Social support, coping, and positive perceptions as potential protective factors for the well-being of mothers of children with intellectual and developmental disabilities // International Journal of Developmental Disabilities. — 2018. — Vol. 64, No. 4–5. — P. 288–296.

Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American psychologist. — 1989. — Vol. 44, No. 3. — P. 513–524.

Hobfoll S. E. Social Support: Will you be there when I need you? // A lifetime of relationships / Ed. by N. Vanzetti and S. Duck. — California: Brooks / Cole Publishing Co., 1996.

Kong L. N. et al. Relationships among social support, coping strategy, and depressive symptoms in older adults with diabetes // Journal of gerontological nursing. — 2019. — Vol. 45, No. 4. — P. 40–46.

Lazarus R. S. Psychological stress and the coping process. — New York: McGraw-Hill, 1966. — 466 p.

Matthews K. A., Matthews L. C., Taylor Sh. E. Are psychosocial factors mediators of socioeconomic status and health connections? A progress report and blueprint for the future // Annals of the New York Academy of sciences. — 2010. — P. 146–173. Issue: The Biology of Disadvantage.

Murphy L. B. A longitudinal study of children's coping methods and styles // Acta Psychologica. — 1959. — Vol. 15. — P. 433–435.

Murphy L. B. Coping devices and defense mechanisms in relation to autonomous ego functions // Bulletin of the Menninger Clinic. — 1960. — Vol. 24, No. 3. — P. 144.

Moos R. H. Life stressors and coping resources influence health and well-being // Evaluación Psicológica. — 1988. — Vol. 4, iss. 2. — P. 133–158.

Pearlin L., Schooler C. The structure of coping // Journal of Health and Social Behavior. — 1978. — Vol. 19, iss. 1. — P. 2–21.

Sweileh W. M. A bibliometric analysis of global research output on health and human rights (1900–2017) // Global health research and policy. — 2018. — Vol. 3, No. 1. — P. 30

References

10 vedushchih prichin smerti v mire [The top 10 causes of death]. Vsemirnaya organizatsiya zdavoohraneniya [World Health Organization]. 24.05.2018. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death> (access date: 20.06.2020). (In Russian)

Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, 1977, vol. 84, iss. 2, pp.191–215.

Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 56, pp. 267–283.

Finkelstein D. M. et al. Socioeconomic differences in adolescent stress: The role of psychological resources. *Journal of Adolescent Health*, 2007, vol. 40, no. 2, pp. 127–134.

Folkman S., Lazarus R. An analysis of coping in a middle-aged community sample. *Journal of health and social behavior*, 1980, pp. 219–239.

Frydenberg E., Lewis R. Teaching Coping to adolescents: when and to whom? *American Educational Research Journal*, 2020, vol. 37, no. 3, pp. 727–745.

Frydenberg, E., Rowley G. Coping with social issues: What Australian university students do. *Issues in Educational Research*, 1998, vol. 8, iss. 1, pp. 33–48.

Gallo L.C, Matthews K. A. Understanding the association between socioeconomic status and physical health: Do negative emotions play a role? *Psychological Bulletin*, 2003, vol. 129, iss. 1, pp. 10–51.

Halstead E. J., Griffith G. M., Hastings R. P. Social support, coping, and positive perceptions as potential protective factors for the well-being of mothers of children with intellectual and developmental disabilities. *International Journal of Developmental Disabilities*, 2018, vol. 64, no. 4–5, pp. 288–296.

Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress. *American psychologist*, 1989, vol. 44, no. 3, pp. 513–524.

Hobfoll S. E. Social Support: Will you be there when I need you? *A lifetime of relationships*. Eds. N. Vanzetti and S. Duck. California, Brooks. Cole Publishing Co., 1996, Kong L. N. et al. Relationships among social support, coping strategy, and depressive symptoms in older adults with diabetes. *Journal of gerontological nursing*, 2019, vol. 45, no. 4, pp. 40–46.

Lazarus R. S. *Psychological stress and the coping process*. New York, McGraw-Hill, 1966. 466 p

Matthews K. A., Matthews L. C., Taylor Sh. E. Are psychosocial factors mediators of socioeconomic status and health connections? A progress report and blueprint for the future. *Annals of the New York Academy of sciences*, 2010, pp. 146–173. Issue: The Biology of Disadvantage.

Moos R. H. Life stressors and coping resources influence health and well-being. *Evaluación Psicológica*, 1988. vol. 4, iss. 2

Murphy L. B. A longitudinal study of children's coping methods and styles. *Acta Psychologica*, 1959, vol. 15, pp. 433–435.

Murphy L. B. Coping devices and defense mechanisms in relation to autonomous ego functions. *Bulletin of the Menninger Clinic*, 1960, vol. 24, no. 3, pp. 144.

Pearlin L., Schooler C. The structure of coping. *Journal of Health and Social Behavior*, 1978, vol. 19, iss. 1, pp. 2–21.

Rusinova N. L., Boyarkina S. I. Rol' sotsial'nogo neravenstva i psihologicheskikh resursov lichnosti v zaboлеваemosti sotsial'no znachimymi boleznyami v Rossii i stranah Evropy [The role of social inequality and psychological resources of the individual in the incidence of socially significant diseases in Russia and Europe]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: journal of sociological and marketing research], 2019, no. 5, pp. 64–73. (In Russian)

Rusinova N. L., Safronov V. V. Personal'nye psihologicheskie resursy i sotsial'nye neravenstva v zdorov'e: vyrazhennost' bufernogo effekta v evropeyskikh stranah [Personal psychological resources and social inequalities in health: severity of the buffer effect in European countries]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], 2017, vol. 4, no. 3, (In Russian)

Rusinova N. L., Safronov V. V. Mediatory strukturnykh neravenstv v zdorov'e v stranah Evropy: sotsial'nyy kapital blizkogo okruzheniya i doveriya lyudyam [Mediators of structural health inequalities in Europe: the social capital of the inner circle and trust in people]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2020, vol. 23, no. 1, pp. 35–64. (In Russian)

Sweileh W. M. A bibliometric analysis of global research output on health and human rights (1900–2017). *Global health research and policy*, 2018, vol. 3, no. 1, p. 30.

Бояркина Саня Исааковна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Boyarkina Saniya I., Senior Research Fellow, Associate professor, Candidate of Science in Sociology, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

s.boyarkina@socinst.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-13-14.25b8-nz22

А. С. Мищенко

ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ ПРОКЛАДКИ ГАЗОПРОВОДА «СЕВЕРНЫЙ ПОТОК — 2» ЧЕРЕЗ КУРГАЛЬСКИЙ ЗАКАЗНИК КАК СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА

В статье рассматривается возможность изучения низовых экологических инициатив с позиций теории «Сетевого общества» и анализа социальных сетей. В качестве примера используется сетевой анализ электронной переписки участников низового экологического движения — Движение против прокладки газопровода «Северный поток — 2» через Кургальский заказник. Дается описание теоретического подхода к сетевому анализу низовых экологических инициатив. Рассматриваются основные понятия и категории анализа социальных сетей. Приводятся результаты сетевого анализа переписки участников движения. Эти результаты показывают, что изучаемое движение действительно во многом является сетевым и достаточно хорошо описывается в рамках предложенного подхода. Основное заключение сводится к тому, что сетевой анализ вполне можно использовать при изучении низовых экологических инициатив, и он дает возможность получать содержательную информацию об этих движениях.

Ключевые слова: экологическая ситуация, экологическая политика, низовые экологические движения, локальные экологические инициативы, сетевое общество, социальные сети, анализ социальных сетей, акторы социальной сети, структура социальной сети, сетевое экологическое движение.

MISHCHENKO ALEXANDR S.

MOVEMENT AGAINST LAYING THE “NORTHERN STREAM — 2” GAS PIPELINE THROUGH THE KURGALSKY ZAKAZNIK AS A NETWORK STRUCTURE

The article considers the possibility of studying grassroots environmental initiatives from the standpoint of the theory of “Network society” and the analysis of social networks. As an example, we use a network analysis of e-mail correspondence of participants of the grassroots environmental movement — Movement against the construction of the Nord stream-2 gas pipeline through the Kurgalsky reserve.

A theoretical approach to network analysis of grassroots environmental initiatives is described. The main concepts and categories of social network analysis are considered. The results of a network analysis of the correspondence of traffic participants are presented. These results show that the movement under study is indeed largely network-based and is described fairly well within the framework of the proposed approach. The main conclusion is that network analysis can be used in the study of grassroots environmental initiatives, and it makes it possible to obtain meaningful information about these movements.

Keywords: environmental situation, environmental policy, grassroots environmental movements, local environmental initiatives, network society, social networks, social network analysis, social network actors, social network structure, network environmental movement.

Введение

Как и предсказывали многие авторы, в России в последнее время обострилась экологическая ситуация (Прокопенко 2015; Тагаева, Гильмундинов, Казанцева 2016; Блоков 2018; Цепилова 2019).

А. В. Яблоков характеризовал экологическую политику в России как «де-экологизацию» — создание губительного для развития страны благоприятного инвестиционного климата путем снижения природоохранных требований (Яблоков 2007: 224). В дальнейшем А. В. Яблоков развил этот тезис более глубоко. «Экологические беды современной России не случайны. Они — следствие продуманной политики де-экологизации. Логика де-экологизации, которая вырисовывается из различных официальных документов формулируется так: “Займемся экологией, когда Россия станет богатой. Для быстрого обогащения надо широко использовать природные ресурсы. Для этого надо ослаблять природоохранные требования (законы, нормы, правила, экологический контроль и мониторинг)”» (Яблоков 2011: 29).

За период с начала 1990-х гг. изменилось в худшую сторону отношение федеральных властей РФ и к особо ценным природным территориям (ООПТ). И. П. Блоков характеризует это отношение как «потребительское» (Блоков 2018: 281). Обострились проблемы, связанные с сохранностью этих территорий, во многом из желания «освоить» наиболее привлекательные с экономической точки зрения участки ООПТ. Наиболее ярким примером является изъятие территорий федеральных ООПТ в ходе подготовки к зимним Олимпийским играм в Сочи (Газарян, Шевченко 2018).

В связи с этими тенденциями отмечается рост низовой общественной активности экологической направленности, связанной с решением

локальных экологических проблем. Это такие движения, как Байкальское экологическое движение (Ляпин 2018), движение «В защиту Химкинского леса» (Смирнов 2011), движение «Стоп Шиес» [<https://stopshies.ru/>].

Исходя из этого, является актуальным изучение низовых общественных инициатив экологической направленности.

В данной статье автор делает такую попытку на примере изучения движения против газопровода «Северный поток — 2» через Кургальский заказник.

Теоретические основания исследования

Появление низовых экологических движений связано с возникновением в 60-х годах новых общественных движений, связанных с инициативой принятия решений снизу вверх, а не сверху вниз, и организацией действий на местном уровне (Gove 1961). Эти движения привлекли внимание таких исследователей, как М. Кастельс (Castells 1978; 1983), А. Мелуччи (Melucci 1980; 1984; 1985; 1994), А. Турен (Турен 1988), П. Экинс (Ekins 1992). В конечном итоге это привело к появлению парадигмы «Новых общественных движений» (Казенин, Королева 2018).

Ранее для изучения экологических движений применялась теория «мобилизации ресурсов». В частности, эту теорию для изучения экологических движений использовал Р. П. Гейл, (Gale 1986). В России ее использовала О. Д. Цепилова (Цепилова 2002).

В рамках изучения вопроса о возникновении местного экологического активизма зарубежные исследования традиционно ориентировались на такие темы, как:

- механизмы вовлечения в участие в местных экологических организациях (Kitts 1999);
- организационные характеристики местных экологических организаций — их структурные особенности (Andrews, Edwards 2005);
- выбор тактики и репертуара коллективных действий (Sherman 2008);
- механизмы и формы создания местных экологических коалиций (Mix 2011);
- использование движениями политических возможностей и зависимость от них результатов, которые они получают в ходе борьбы (1998);
- возможности и условия привлечения движениями средств массовой информации для формирования общественного мнения (Andrews, Caren 2010);

- влияние наличия организаций движения «За гражданские права» на количество создаваемых низовых экологических организаций (Andrews, Caren 2010).

Автор занимается изучением локальных экологических инициатив с 2017 г. За время изучения этих движений была уточнена концепция исследования низовых экологических инициатив. Она основывается на использовании следующих теоретических подходов:

- теории «мобилизации ресурсов» (Дж. Маккарти и М. Залд (McCarthy, Zald 1977), Ч. Тилли (Tilly 1988) и Д. Макадам (McAdam 1996));
- теории «структуры политических возможностей» (С. Терроу (Tarrow 1994), Д. Рухт (Rucht 1996), Б. Кландерманс (Klandermans 1992));
- теории «новых общественных движений» (А. Турен (Turen 1988), А. Мелуччи (Melucci 1980; 1984; 1985; 1994), М. Кастельс (Castells 1978; 1983), П. Экинс (Ekins 1992), К. Оффе (Offe 1985)).

В рамках уточненной концепции предполагалось изучать следующие особенности экологических инициатив:

- сетевые взаимодействия инициаторов и участников движений;
- использование движениями различных ресурсов;
- механизмы вовлечения в участие в местных экологических организациях;
- организационные характеристики местных экологических организаций — их структурные особенности;
- механизмы и формы создания местных экологических коалиций;
- использование движениями политических возможностей и зависимость от них результатов, которые они получают в ходе борьбы;
- возможности и условия привлечения движениями средств массовой информации для формирования общественного мнения;
- социальные ситуации, приводящие к возникновению низовых экологических инициатив;
- социальный состав лидеров и участников низовых экологических инициатив;
- механизмы формирования организационного ядра инициативных групп;
- ценностные ориентации и мотивы лидеров и участников экологических инициатив;
- стратегии и тактики руководства движений по достижению поставленных целей;

- организационные формы, используемые участниками движений;
- выбор репертуара коллективных действий, практики и механизмы мобилизации участников движений на коллективные действия.

Для изучения низовых экологических инициатив прежде всего необходимо дать им определение. Оно связано с понятием *низовые экологические движения*, являющимся производным от понятия *низовые общественные движения*. *Низовые общественные движения* (grassroots movement) — это организации, которые привлекают людей в определенном районе, регионе или общине в качестве основы для политического или экономического движения. Низовые организации используют коллективные действия на местном уровне для осуществления изменений на местном, региональном, национальном или международном уровне. Низовые движения связаны с принятием решений снизу вверх, а не сверху вниз (Gove 1961).

И. А. Халий дает следующее определение *локальным экологическим движениям* — это местные экологические гражданские инициативы, группы и организации, созданные для разрешения конкретных экологических проблем локальных сообществ — от жителей микрорайонов крупных городов до райцентров, малых городов и других поселений (Халий 2000). Существует и определение *низовых гражданских инициатив* — это неформальные объединения граждан, которые создаются для ненасильственной борьбы с конкретными недостатками общества. Такого рода объединения отличаются друг от друга разной степенью организованности, устойчивости, успешности их деятельности (Краснова 2010). Н. Н. Ягодка считает, что понятие «гражданская инициатива» можно рассматривать в широком и узком смыслах: «В широком смысле под гражданской инициативой следует понимать любую инициативу гражданина или группы граждан конкретного государства, направленную на решение вопросов в политической, социальной, экономической, экологической, бытовой и иных сферах жизни общества... В узком смысле гражданская инициатива — это конкретная индивидуальная или общественная форма волеизъявления граждан, имеющая отличительные характеристики (название, программа, органы управления и др.) и акцентирующая внимание на решении определенной проблемы (примеры: гражданская инициатива “Движение в защиту Химкинского леса”, “Лига избирателей”, “Гражданская инициатива “Моя Москва”, гражданские инициативы в защиту экологии Москвы и др.)» (Ягодка 2015).

Представляется, что данные определения в целом описывают состав и сферу деятельности *локальных низовых экологических инициатив и движений*.

Методология исследования

Объектом исследований автора являлись низовые локальные экологические инициативы: борцы с экологически опасными объектами в Санкт-Петербурге, Ленинградской области и Северо-Западном регионе России.

Предметом исследования являются факторы формирования и развития локальных экологических инициатив.

Основная гипотеза — низовые экологические инициативы в современной ситуации в России становятся важными агентами становления гражданского общества. Они являются резервом рекрутирования гражданских активистов и политических лидеров.

Целью исследований являлось выявление и описание особенностей возникновения и функционирования низовых локальных экологических инициатив, оценка их потенциала в формировании гражданских активистов и политических лидеров.

Эмпирическим объектом исследования явилось «Движение против прокладки 2-й очереди газопровода “Северный поток” через Кургальский заказник». Это движение привлекло автора тем, что в нем отразились многие свойства низовых экологических движений, а также тем, что оно приобрело достаточно большую известность в связи с большим общественным резонансом, который получило строительство 2-й очереди газопровода в Европу «Северный поток — 2».

За период изучения движения против прокладки газопроводов 2-й очереди “Северного потока” через Кургальский заказник это движение подошло к завершению в результате того, что несмотря на протесты, было принято решение о прокладке газопровода через территорию заказника, и начаты работы по его реализации.

В ходе изучения этой низовой экологической инициативы автор включился в переписку с участниками движения, в результате чего у него появился материал, содержащий электронную переписку участников движения¹. Барни Хоган считает, что электронная переписка является одним из наиболее информативных источников анализа социальных сетей (Хоган 2013).

Это позволило провести сетевой анализ движения как примера социальной сети.

¹ Автор с целью избежать конфликта с участниками движения, связанного с использованием переписки его участников, ознакомил с первоначальным текстом статьи наиболее активных его участников и получил их одобрение на публикацию.

Само понятие социальных сетей и сетевых организаций в последнее время широко используется для изучения низовых общественных движений, в том числе и экологических движений. Этому способствовало появление теории «Сетевого общества» (Б. Веллмен (Wellman 1999), Р. Хилц и М. Турофф (Hiltz, Turoff 1978), Я. В. Дейк (Van Djik 1991), М. Кастельс (Кастельс 1999)).

М. Кастельс, являясь также и одним из создателей теории «новых общественных движений», использует термин «сетевое общество» в двух основных смыслах: во-первых, чтобы продемонстрировать, чтобы показать определяющую роль компьютерных информационных сетей в развитии современного общества; во-вторых, чтобы продемонстрировать, что развитие новых информационных технологий приводят к преобразованию социальных отношений. Сетевые принципы общественного устройства постепенно сменяют иерархические. Ключевые социальные структуры и деятельность членов сетевого общества организованы вокруг сетей электронных коммуникаций (Кастельс 2000).

В сетевом обществе меняется и характер организаций, в том числе и политических. Выделяются такие признаки современных сетевых структур, как:

- отсутствие иерархии в управлении, самостоятельность, основанная на личной свободе и ответственности;
- спонтанность в создании творческих групп, инициатива и креативность в политической деятельности;
- содержательность в отношениях и забота о деловой репутации;
- лидерами становятся лучшие среди равных участников сети, и часто это ситуационные лидеры;
- отсутствие формальных правил функционирования сетевой структуры: можно подключаться или выходить из нее по собственному желанию, все строится по принципу самоорганизации, главным критерием является эффективность в решении политических задач (Рыжий 2013).

Возникают сетевые структуры и на уровне низовых экологических инициатив. Возникающие местные экологические сообщества узнают друг о друге и объединяются в сеть (Schlosberg 1999). Поскольку экологическая справедливость является объединяющей основой, экологические проблемы сообществ могут быть разными. Никакие зонтичные организации или информационно-пропагандистские организации в этом случае не нужны. Часто используется центр обработки данных как платформа для обмена опытом и подключения местных активистов. Расширение сообщества происходит за счет мобилизации

новых групп и их взаимодействия для обучения и консультаций. В то же время каждая группа поддерживает полный локальный контроль над своей стратегией и действиями (Brulle, Pellow 2006). Такое движение представляет собой сеть мест, где местные организации являются филиалами, которые принимают аналогичные дискурсы, претензии и тактику, но не следуют общей стратегии или указаниям организаций общественного движения. Связи солидарности и идентификации сильны, но нехватка ресурсов и разрозненность проблем и сроков не позволяют создать прочные связи и структуру между организациями (Nicholls 2009).

О сетевой структуре низовых экологических движений говорит и О. Н. Яницкий. Он считает, что в основе формирования природоохранных сетевых движений лежит конфликт между производителями и потребителями благ, с одной стороны, и защитниками природных и социальных экосистем — с другой (Яницкий 2012: 40).

Исходя из изложенных выше теоретических представлений, были сформулированы как частная гипотеза исследования, так и основные его задачи.

Частная гипотеза исследования. Сетевые взаимодействия являются одной из важных характеристик низовых экологических движений, и их изучение позволяет выявить основные особенности таких движений.

В соответствии с этой гипотезой были сформулированы **основные задачи исследования**.

Провести анализ движения как социальной сети. Выявить основные сетевые характеристики движения и особенности его функционирования как социальной сети.

Оценить возможности сетевого анализа и анализа электронной переписки для изучения особенностей низовых экологических инициатив в рамках предложенной нами концепции их изучения (см. на стр. 155–157 раздел «Теоретические основания исследования»).

Основные понятия и категории анализа социальных сетей

1. В общем случае сеть характеризуется как особый тип связей между позициями индивидов, объектов или событий, которые отбрасываются в зависимости от целей построения сети.

2. Местоположение индивидов или объектов называется узлами сети, или акторами.

3. Актеры описываются (характеризуются) атрибутами.
4. Определенный рисунок связей между актерами образует сетевую структуру.
5. Некоторые актеры могут быть связаны друг с другом сильнее, чем с другими.
6. Такое «сгущение» можно объявить узлом на следующем уровне анализа.
7. Наиболее важными с точки зрения изучения как отдельных элементов, так и системы в целом, являются структура отношений между актерами и местоположение отдельных акторов в сети (Градосельская 2004: 20).

Центральной категорией анализа являются **акторы социальной сети**. В рамках сетевого подхода актора можно описать следующим образом:

- 1) социален;
- 2) характеризуется набором атрибутов;
- 3) акторы некоторым образом связаны друг с другом (Пруцкова 2012: 12).

Под **связью** акторов в социальной сети мы понимаем отношения, возникающие между актерами. В нашем случае это коммуникационные отношения. Они выстраиваются при помощи электронных писем между актерами.

Категории эмпирического анализа:

1. Актеры — участники движения. Их позиции и ресурсы.
2. Интенсивность взаимодействия акторов в социальной сети.
3. Структура социальной сети — лидеры, ядро, периферия.
4. Функциональное разделение участников сети.

В качестве **единицы анализа** нами принимался вопрос (тема), обсуждаемый участниками сети в переписке. В качестве **единицы счета** использовалось электронное письмо (сообщение).

Всего в ходе исследования было проанализировано 755 электронных писем за период 11 месяцев: с июня 2017 г. по апрель 2018 г. В переписке участвовали 21 участник движения.

Основные результаты исследования

Описание структуры движения как социальной сети

Актеры социальной сети и их атрибуты представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, состав движения достаточно разнообразен и представлен. В его составе имеются ученые — специалисты

в различных отраслях исследования природы. Есть представители международных, российских и региональных экологических движений и инициатив. Представлены и журналисты, пишущие на экологическую тематику. И наконец участники местных инициативных групп, в том числе и представитель малых народов, населяющих территорию Кургальского заказника.

Таблица 1

**Участники движения против прокладки газопровода
«Северный поток — 2» через Кургальский заказник**

Шифр	Статус
Актор 1	Ботаник, специалист по флоре Ленинградской области
Актор 2	Представитель коалиции «Чистая Балтика», морской биолог, эколог
Актор 3	Представитель «Гринпис» России, журналист, эколог
Актор 4	Журналист, Санкт-Петербург
Актор 5	Представитель инициативной группы жителей Кургальского полуострова
Актор 6	Представитель независимого экологического проекта «Мониторинг Балтийской трубопроводной системы»
Актор 7	Представитель «Гринпис» России, юрист, эколог
Актор 8	Представитель межрегиональной экологической организации «Друзья Балтики»
Актор 9	Журналист, сотрудник экологического правозащитного центра «Беллона»
Актор 10	Физик, эколог, представитель Общественного совета южного берега Финского залива — межрегионального общественного экологического движения Ленинградской области и Санкт-Петербурга
Актор 11	Зоолог, специалист по балтийской кольчатой нерпе
Актор 12	Представитель Всемирного фонда дикой природы России, географ, эколог

Шифр	Статус
Актор 13	Представитель народа ижора
Актор 14	Представитель региональной общественной организации «Новый экологический проект», юрист
Актор 15	Представитель Ассоциации экологических журналистов Санкт-Петербурга, журналист, эколог
Актор 16	Журналист, корреспондент ТАСС
Актор 17	Ботаник, научный сотрудник Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН
Актор 18	Биолог-лихенолог, специалист по мхам и лишайникам
Актор 19	Представитель инициативной группы жителей Кургальского полуострова
Актор 20	Орнитолог
Актор 21	Представитель центра экспертиз ЭКОМ (защита экологических прав граждан, сохранение природной среды и облика Петербурга)

В таблице 2 представлена интенсивность переписки участников сети. Эти результаты позволяют в первоначальном виде представить **структуру социальной сети** — лидеров, ядро сети и ее периферию.

Лидерами сети, а значит, и лидерами движения, исходя из данных таблицы 2, являются: актор А1 — ботаник, специалист по флоре Ленинградской области; актор А6 — представитель независимого экологического проекта «Мониторинг Балтийской трубопроводной системы», имеющий техническое образование; актор А7 — юрист, эколог, представитель «Гринпис» России.

Основным критерием отнесения участников движения к лидерам является число коммуникаций с другими участниками движения. У лидеров оно значительно превышает количество коммуникаций других участников движения. Кроме того, важной характеристикой лидеров является число взаимных коммуникаций между ними. Как видно из таблицы 2, наибольшее число таких коммуникаций между акторами А1 и А6 (39 и 29 соответственно), А6 и А7 (33 и 28), А1 и А7 (19 и 16). Это свидетельствует о постоянном взаимодействии этих акторов.

Таблица 2

Интенсивность переписки между участниками движения

От кого	Кому											
	Всем	А-1	А-2	А-3	А-4	А-5	А-6	А-7	А-8	А-9	А-10	
А-1	5	–	11	10	7	5	33	19	1	1	5	
А-2	2	14	–	4	3	1	11	14			1	
А-3		8	4	–		10	4	9		1	2	
А-4		4	1		–		2	3				
А-5	1	4		2		–	9	6				
А-6		29	7	6	2	5	–	33			4	
А-7	1	16	11	5	1	2	28	–	1		3	
А-8							1	1	–			
А-9		4							1	–	1	
А-10	2	9	1	2		2	1	5			–	
А-11		15	3	2		3	14	7		1	3	
А-12		3	2	1			4	4				
А-13	1	5	1	2		3	10	3			3	
А-14	1	2		1				1				
А-15	1						1					
А-16						1					1	
А-17		10	3	6		3	13	14				
А-18		1										
А-19		1				1	3	1				
А-20	4	5									1	
А-21		2									1	
Итого:	18	132	44	41	13	36	134	120	3	3	25	
Рейтинг		1	6	7		8	2	3			9	

	Кому											Итог:	Рейтинг
	A-11	A-12	A-13	A-14	A-15	A-16	A-17	A-18	A-19	A-20	A-21		
	12	3	1	3	4	1	10	3	1	11	3	149	1
	5	1						1	1			58	5
			2	1			4	2				47	7
	2											12	13
	2		3				4			1		32	9
	13	2	6	1	2		14		2			126	2
	5	2	2			1	7		1			86	3
												2	19–21
												6	15–16
	2		3		2							29	10
	–		5		2	1	4	1	1	2		64	4
		–	1		1							16	11
	1		–		2		1			1		33	8
				–								5	17
					–							2	19–21
						–						2	19–21
	1		1				–	1		2		54	6
	1						3	–		1		6	15–16
	2						1		–			9	14
	1						2			–	–	13	12
										1		4	18
	47	8	24	5	13	3	50	8	6	19	3	755	
	5		10				4						

Еще одним критерием выделения лидеров является количество адресатов переписки, представленное в таблице 3. Данные таблицы подтверждают лидерство акторов А1, А6 и А7. Кроме того, по этому критерию к лидерам может быть отнесен также актор А11 — зоолог, специалист по морским млекопитающим. Актор А11 отстает по общему количеству коммуникаций от первых трех лидеров, однако он имеет достаточно сильные взаимные коммуникации с ними: А11 — А1 (15, 12), А11 — А6 (14, 13), А11 — А7 (7, 5).

Таблица 3

Количество адресатов переписки у участников движения

Шифр	Статус	Количество адресатов	Рейтинг
Актор 1	Ботаник, специалист по флоре Ленинградской области	20	1
Актор 2	Представитель коалиции «Чистая Балтика», морской биолог, эколог	11	5–7
Актор 3	Представитель «Гринпис» России, журналист, эколог	11	5–7
Актор 4	Журналист, Санкт-Петербург	5	13
Актор 5	Представитель инициативной группы жителей Кургальского полуострова	8	10
Актор 6	Представитель независимого экологического проекта «Мониторинг Балтийской трубопроводной системы»	14	3–4
Актор 7	Представитель «Гринпис» России, юрист, эколог	14	3–4
Актор 8	Представитель межрегиональной экологической организации «Друзья Балтики»	2	19–20
Актор 9	Журналист, сотрудник экологического правозащитного центра «Беллона»	3	16–18
Актор 10	Физик, эколог, представитель Общественного совета южного берега Финского залива	9	9
Актор 11	Зоолог, специалист по балтийской кольчатой нерпе	15	2

Шифр	Статус	Количество адресатов	Рейтинг
Актор 12	Представитель Всемирного фонда дикой природы России, географ, эколог	7	11
Актор 13	Представитель народа ижора	11	5–7
Актор 14	Представитель региональной общественной организации «Новый экологический проект», юрист	3	16–18
Актор 15	Представитель Ассоциации экологических журналистов Санкт-Петербурга, журналист, эколог	1	21
Актор 16	Журналист, корреспондент ТАСС	2	19–20
Актор 17	Ботаник, научный сотрудник Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН	10	8
Актор 18	Биолог-лихенолог, специалист по мхам и лишайникам	4	14–15
Актор 19	Представитель инициативной группы жителей Кургальского полуострова	6	12
Актор 20	Орнитолог	4	14–15
Актор 21	Представитель центра экспертиз ЭКОМ (защита экологических прав граждан, сохранение природной среды и облика Петербурга)	3	16–18

Еще одним критерием лидерства является активность участников движения по постановке вопросов, требующих обсуждения, представленная в таблице 5. Из нее видно, что акторы А1, А6, А7 лидируют по этому критерию.

Состав лидеров движения отражает его специфику: сочетание представителей науки о природе, представителей международного экологического сообщества и специалистов-практиков по охране природы.

Анализируя сетевые взаимодействия участников движения (табл. 2), можно выделить также **ядро движения** — его наиболее активных участников. К ним можно отнести следующих акторов.

Во-первых, **актора А2** — морского биолога, представителя коалиции «Чистая Балтика». Он поддерживал тесные коммуникации со всеми лидерами движения, а также с актором А3 — журналистом, экологом, представителем «Гринпис» России.

Во-вторых, **актора А17** — ботаника, сотрудника Ботанического института. Он поддерживал достаточно тесные коммуникационные контакты с лидерами движения А1, А6, А7, а также с актором А3.

3-й представитель ядра движения — **актор А3**. Он поддерживал коммуникации с лидерами А1, А6, А7, а также с актором А5 — координатором инициативной группы жителей Кургальского полуострова и актором А17.

4-й член ядра движения — **актор А13** — представитель народа ижора. Он поддерживал коммуникации с лидерами А1, А6, А11, а также с актором А5.

5-й участник ядра движения — **актор А5**. Он поддерживал коммуникации с лидерами А1, А6, А7 и с актором А17.

6-й член ядра движения — **актор А10** — физик, эколог, представитель Общественного совета южного берега Финского залива. Поддерживал коммуникации в основном с лидерами А1 и А7, а также с актором А13.

7-й представитель ядра — **актор А12** — географ, эколог, представитель Всемирного фонда дикой природы. Поддерживал коммуникации с лидерами А1, А6, А7.

8-й член ядра — **актор А20** — орнитолог. Поддерживал достаточно тесные коммуникации с лидером А1.

Остальные 9 участников сети могут быть отнесены к ее периферии. Как видно из таблицы 2, большинство из них вступали в коммуникации с одним-двумя лидерами движения или представителями его ядра. Можно предположить, что их роль была связана с внешними коммуникациями участников движения.

На основании анализа структуры коммуникаций участников движения можно сделать вывод, что движение обладает всеми признаками сетевой организации. Явно выделяются лидеры, ядро и периферия организации.

Лидерами организации являются ее участники, обладающие наибольшей компетентностью среди участников и вступающие в наибольшее количество коммуникаций с другими членами движения. Состав лидеров также отражает проблематику движения, борьбу за сохранение наиболее уязвимых при прокладке трубопровода биологических объектов: растений, морских млекопитающих, экологической системы в целом.

В таблице 4 отражается функциональное разделение участников движения. Из нее видно, что лидер А1 — ботаник, специалист по флоре Ленинградской области — наиболее активно принимал участие в оказании влияния на проведение государственной экспертизы и организацию общественных экспертиз. А также участвовал в борьбе против изменения

Положения о заказнике. В борьбе с изменениями Положения о заказнике ему помогал актер А2, член ядра движения — морской биолог.

Второй из лидеров — А6, представитель проекта «Балтийская трубопроводная система» — наибольшую активность проявил при организации проведения и подготовки документов общественных слушаний. Помогал ему в этом лидер А7 — юрист, эколог, представитель «Гринпис», а также один из членов ядра движения — А17, сотрудник Ботанического института РАН.

Лидер движения А7 — юрист, эколог, представитель «Гринпис» — занимался также организацией кампании в СМИ, в чем ему помогали представители ядра движения А3 — журналист, представитель «Гринпис» России, и А2 — представитель коалиции «Чистая Балтика».

Представитель ядра движения из инициативной группы жителей заказника А5 и представитель Общественного совета южного берега Финского залива А10 отслеживали ситуацию с подготовкой трассы трубопровода на месте. Компания «Северный поток — 2» так была уверена в своей победе, что начала изыскательские работы, а затем и строительство еще до окончательного решения вопроса о трассе трубопровода.

Остальные члены движения в меньшей степени участвовали в обсуждении и решении тех или иных вопросов, что также отражается в таблице 4.

В целом анализ коммуникаций позволил выявить функциональное разделение участников движения, что во многом обеспечивалось многообразием компетенций его участников.

В таблице 5 отражен еще один аспект коммуникационного взаимодействия участников движения. В ней представлена активность участников движения в выдвижении вопросов для обсуждения и решения. И здесь на первое место выходит лидер движения А7 — юрист, эколог, представитель «Гринпис» России. Хотя предлагаемые им вопросы не получали в большинстве дальнейшего активного обсуждения (см. табл. 4), многие из них являлись достаточно значимыми. Это отражало его роль посредника между движением и международными экологическими организациями и то, что он владел большим объемом информации по проблеме. Таким образом, данные таблицы 5 подтверждают его статус как одного из лидеров движения.

В таблице 6 представлена интенсивность коммуникаций участников движения по различным вопросам борьбы с прокладкой трубопровода во временной период существования движения. Из нее также видна хронология деятельности движения за описываемый период времени. Ее можно условно разделить на 4 этапа.

Таблица 4

Интенсивность переписки между участниками по темам

Тема обсуждений	Кто предло- жил						
		A1	A2	A3	A4	A5	
Об организации общественной экспертизы «Материалов комплексного экологического обследования трассы трубопровода»	A-5	12		6		1	
Нарушение режима охраны заказника (браконьерство, туризм, строительство)	A-5	1		2		4	
О Государственной экологической экспертизе Комплексного экологического обследования заказника АНО «Прикладная экология»	A-1	20		1	3		
Об экспертизе Института географии РАН и СПб политехнического университета	A-1	5	1				
О строительстве микротоннеля под заказником вместо траншеи	A-7		1				
О письме в Еврокомиссию ЕС об экологических последствиях прокладки трубопровода через заказник	A-7	2	4		1		
О начавшейся разметке прокладки трассы через заказник	A-10	5		1			
Об общественной экспертизе, проведенной «Международной академией наук экологии и безопасности жизнедеятельности»	A-1	4			2		
О высказывании Президента РФ на прямой линии о соблюдении природоохранного законодательства	A-1	2	1				
О намерении коренных народов Кургальского п-ва обратиться с письмом к Президенту о запрете на прохождение трубопровода через заказник	A-10	1	1	1		1	

Отправленные участниками сообщения по теме														Итог:	Рей- тинг
	A6	A7	A9	A10	A11	A12	A13	A14	A17	A18	A19	A20	A21		
	5	1	2	1	1				1			4	3	37	5–6
	1				1									9	24
	7	3			2			2	1					39	4
	1	3				2								12	13–14
	3	2												6	28–32
	2	2				1	1							13	11–12
	3		1	2										12	13–14
														6	28–32
	1			1										5	33–34
		1		2			2		1					10	18–23

Таблица 4 (продолжение)

Тема обсуждений	Кто предло- жил						
		A1	A2	A3	A4	A5	
Об общественных слушаниях по документации об оценке потенциальных трансграничных экологических воздействий проекта. 30 июня	A-1	1			1	2	
Об изменениях в Положении о заказнике, разрешающих строить в нем линейные объекты	A-1	17	5	2	1		
О протоколе общественных слушаний. 30 июня	A-6	1	1				
Общественные слушания 4.09.17	A-7	5	2	1		1	
Прямой эфир на Эхо Петербурга 5.09.17	A-3	3	2	4			
Обсуждение публикаций в СМИ про НС-2	A-3	4	9	7	1		
Антикоррупционная экспертиза	A-6	1					
О затопленных судах на трассе трубопровода	A-7		2				
О распространении фотографий с трассы трубопровода	A-7	2	2	2			
О подписании протокола по результатам общественных слушаний 4.09.17	A-6	5		2		1	
Об опротестовании протокола по результатам общественных слушаний 4.09.17	A-17	4				3	
О видеосюжете Телеканала 47 об отношении жителей Кургальского п-ва к НС-2	A-5					2	
О прокладке трубопровода в металлическом коробе	A-7	1					
О суде по иску против изменения в регламенте заказчика	A-7	3				1	
Обсуждение НС-2 в администрации Кингисеппского р-на с участием Общественной палаты района	A-13	2		1			

Отправленные участниками сообщения по теме														Итог:	Рей- тинг
	A6	A7	A9	A10	A11	A12	A13	A14	A17	A18	A19	A20	A21		
		2		1	1									8	25–27
	14	6		2	18	1	3				3	2		74	1
	2			1		1								6	28–32
	2	1		1			2	1						16	9–10
		1							1					11	15–17
	1	11	1	1	1				1					37	5–6
	1								1	1				4	35–37
	3	3												8	25–27
		1							2	1				10	18–23
	20	7			1		4		11					51	2
	24	11			1				6					49	3
	2	3			1						2			10	18–23
	4	3												8	25–27
	4	4						1						13	11–12
	3	1		2		1	5	1						16	9–10

Таблица 4 (окончание)

Тема обсуждений	Кто предло- жил					
		A1	A2	A3	A4	A5
Круглый стол в аналитическом центре при Правительстве РФ о прокладке НС-2 через заказник	A-7					
О начале строительных работ на трассе НС-2	A-19	4				4
О позиции Дании против НС-2	A-7	3	2		1	
О необходимости усиления давления на НС-2 со стороны международных экологических организаций	A-3	1	3	2		
О создании заповедника «Восток Финского залива»	A-17					
О пресс-конференции по итогам общественной экологической экспертизы	A-6	1				
Заседание Объединенного научного совета «Экология и природные ресурсы» СПбНЦ РАН и Nord Stream 2 AG, посвященное телеметрическому изучению балтийской нерпы	A-1	3			1	
Гос. экологическая экспертиза одобрила строительство газопровода через заказник	A-1	2				1
Обращение к Президенту РФ о защите Кургальского заказника от НС-2	A-7					
«Гринпис» подает иск на НС-2 в Европейский суд по правам человека	A-3			3		1
О ситуации с Красной книгой Ленинградской области	A-17	9		1		1
Об усилении охраны заказника, вплоть до организации заповедника	A-6	3				
Итог:		127	36	36	11	23

Отправленные участниками сообщения по теме														Итог:	Рей- тинг
	A6	A7	A9	A10	A11	A12	A13	A14	A17	A18	A19	A20	A21		
	2	2							1					5	33–34
	1	2		5	2						4	1		23	7
	1	2			1		1							11	15–17
	1	1					1		1					10	18–23
		1			1				2					4	35–37
	1	2												4	35–37
	1				3				1			2		11	15–17
	3													6	28–32
	1	2							1					4	35–37
									1	1				6	28–32
					1				3	1		5		21	8
	1				5					1				10	18–23
	115	78	4	19	40	6	19	5	35	5	9	14	3	585	11–12

Таблица 5

**Активность участников движения по постановке вопросов,
требующих обсуждения**

Шифр	Статус	Сколько предложил вопросов для обсуждения
Актор 7	Юрист, эколог, представитель «Гринпис» России	12
Актор 1	Ботаник, специалист по флоре Ленинградской области	8
Актор 6	Представитель независимого экологического проекта «Мониторинг Балтийской трубопроводной системы»	5
Актор 3	Представитель «Гринпис» России, журналист, эколог	4
Актор 5	Представитель инициативной группы жителей Кургальского полуострова	3
Актор 17	Ботаник, научный сотрудник Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН	3
Актор 10	Физик, эколог, представитель Общественного совета южного берега Финского залива — межрегионального общественного экологического движения Ленинградской области и Санкт-Петербурга	2
Актор 13	Представитель народа ижора	1
Актор 19	Представитель инициативной группы жителей Кургальского полуострова	1

1-й этап. Борьба за проведение объективных общественной и государственной экспертиз последствий прокладки трассы газопровода через заказник (июнь–июль 2017 г.).

2-й этап. Борьба против изменений в Положении о заказнике, позволяющих строить в нем линейные объекты. Участие в общественных

слушаниях об оценке последствий прокладки газопровода через территорию Кургальского полуострова и борьба за объективное отражение мнений независимых экспертов и общественных активистов, принимавших участие в слушаниях, в официальных документах по результатам слушаний (август–сентябрь 2017 г.).

3-й этап. Оказание давления на государственные органы РФ, в том числе с привлечением международных природоохранных организаций, с целью изменения маршрута трубопровода или технологии его прокладки — прокладка в микротоннеле (октябрь–декабрь 2017 г.).

4-й этап. Обращение к Президенту РФ о защите заказника от прокладки через него трубопровода. Обращение в Европейский суд по правам человека. Обсуждение последствий для заказника прохождения через него газопровода и компенсационных мер по снижению этих последствий (январь–апрель 2018 г.).

Из таблицы 6 видно, что наибольшей интенсивности коммуникации участников достигали в июне 2017 г. и были связаны с борьбой участников движения за организацию проведения объективных государственной и общественной экологических экспертиз. В сентябре 2017 г. пик коммуникаций участников движения был связан с борьбой за проведение представительных общественных слушаний и отражение в документах этих слушаний всех возражений против проведения трубопровода через заказник.

Третий пик интенсивности коммуникаций участников приходится на август 2017 г. и связан с борьбой против проведенного Правительством Ленобласти изменения в «Положение о заказнике», позволявшем строить в нем линейные объекты коммуникаций (к которым и относится трубопровод), в том числе и путем организации судебных процессов.

В дальнейшем активность переписки участников движения снижается. Это связано с тем, что им не удалось обеспечить проведение независимой общественной экспертизы и повлиять на проведение государственной экологической.

В качестве арьергардной борьбы участники движения пытались привлечь международные экологические организации и после одобрения прокладки трубопровода государственной экспертизой обратились как к последней инстанции к Президенту РФ, собрав под обращением 60 тыс. подписей. Это, однако, не помогло защитить заказник.

Все эти переписки хорошо отражены в коммуникационной активности по темам в таблице 6.

Таблица 6

Интенсивность обсуждения тем во времени

Тема обсуждения		
	06.17	
Об организации общественной экспертизы «Материалы комплексного экологического обследования трассы трубопровода»	18	
Нарушение режима охраны заказника (браконьерство, туризм, строительство)	8	
О Государственной экологической экспертизе «Комплексное экологическое обследование Кургальского заказника» (АНО «Прикладная экология»)	25	
Об экспертизе Института географии РАН и СПб политехнического университета	4	
О строительстве микротуннеля под заказником вместо траншеи	5	
О письме в Еврокомиссию ЕС об экологических последствиях прокладки трубопровода через заказник	13	
О начавшейся разметке прокладки трассы через заказник	5	
Об общественной экспертизе, проведенной «Международной академией наук экологии и безопасности жизнедеятельности»	6	
О высказывании Президента РФ на «Прямой линии» о соблюдении природоохранного законодательства	5	
О намерении коренных народов Кургальского п-ва обратиться с письмом к Президенту о запрете на прохождение трубопровода через заказник	5	
Об общественных слушаниях по документации об оценке потенциальных трансграничных экологических воздействий проекта. 30 июня		
Об изменениях в Положении о заказнике, разрешающим строить в нем линейные объекты		
О протоколе общественных слушаний 30 июня		
Общественные слушания 4.09.17		
Прямой эфир на «Эхо Петербурга» 5.09.17		
Обсуждение публикаций в СМИ про НС-2	6	
Антикоррупционная экспертиза		
О затопленных судах на трассе трубопровода		

Время по месяцам											Итог:	Рей- тинг
	07.17	08.17	09.17	10.17	11.17	12.17	01.18	02.18	03.18	04.18		
				1				18			37	5–6
				1							9	24
					9	5					39	4
	8										12	13–14
				1							6	28–32
											13	11–12
		4		3							12	13–14
											6	28–32
											5	33–34
			5								10	18–23
	8										8	25–27
		64				10					74	1
		6									6	28–32
			16								16	9–10
			11								11	15–17
		4	21	3	3						37	5–6
			4								4	35–37
			8								8	25–27

Таблица 6 (окончание)

Тема обсуждения		
	06.17	
О распространении фотографий с трассы трубопровода		
О подписании протокола по результатам общественных слушаний 4.09.17		
Об опротестовании протокола по результатам общественных слушаний 4.09.17		
О видеосюжете Телеканала 47 об отношении жителей Кургальского п-ва к НС-2		
О прокладке трубопровода в металлическом коробе		
О суде по иску против изменения в регламенте заказчика		
Обсуждение НС-2 в администрации Кингисеппского р-на с участием Общественной палаты района		
Круглый стол в аналитическом центре при Правительстве РФ о прокладке НС-2 через заказник		
О начале строительных работ на трассе НС-2		
О позиции Дании против НС-2		
О необходимости усиления давления на НС-2 со стороны международных экологических организаций		
О создании заповедника «Восток Финского залива»		
О пресс-конференции по итогам общественной экологической экспертизы		
Заседание Объединенного научного совета «Экология и природные ресурсы» СПбНЦ РАН и Nord Stream – 2 AG, посвященное телеметрическому изучению балтийской нерпы		
Гос. экологическая экспертиза одобрила строительство газопровода через заказник		
Обращение к Президенту РФ о защите Кургальского заказника от НС-2		
«Гринпис» подает иск на НС-2 в Европейский суд по правам человека		
О ситуации с Красной книгой Ленинградской области		
Об усилении охраны заказника, вплоть до организации заповедника		
Итого:	100	

Время по месяцам										Итог:	Рей- тинг
07.17	08.17	09.17	10.17	11.17	12.17	01.18	02.18	03.18	04.18		
		10								10	18–23
		51								51	2
		47		2						49	3
			10							10	18–23
			8							8	25–27
		3	5	5						13	11–12
			16							16	9–10
			5							5	33–34
				7	12	3	1			23	7
				3	8					11	15–17
				2	1	1	6			10	18–23
					4					4	35–37
						4				4	35–37
						11				11	15–17
						2	4			6	28–32
							1	3		4	35–37
									6	6	28–32
									21	21	8
									10	10	18–23
16	78	176	53	31	40	21	30	3	37	585	11–12

Основные характеристики движения против «Северного потока — 2», полученные в результате сетевого анализа

Анализ сетевых взаимодействий (табл. 2, 4, 6) и анализ содержания переписки участников движения позволили описать некоторые основные характеристики движения с позиций предложенного нами подхода к изучению низовых экологических движений.

Мобилизация ресурсов участниками движения

Согласно теории мобилизации ресурсов социальное движение характеризуется способностью приобретать ресурсы и мобилизовать людей для достижения целей движения. Б. Эдвардс и Дж. МакКарти (Edwards and McCarthy 2004: 117) выделяют пять типов ресурсов, доступных общественным движениям:

1. **Моральные ресурсы.** Такие, как поддержка со стороны различных групп и организаций, солидарность с движением, легитимность движения (действия в рамках законов), сочувствие со стороны населения.

2. **Культурные ресурсы.** Специальные знания: как создать организацию, провести собрание, митинг, организовать акцию протеста, провести пресс-конференцию и т. п.

3. **Социально-организационные ресурсы.** Ресурсы для распространения информации. Включают создание специальной организации для распространения идей движения. Информационные материалы, в том числе публикации в прессе, распространение листовок. Набор волонтеров для участия в подготовке и распространении информации, подготовке общественных акций.

4. **Материальные ресурсы.** Включают финансовый и физический капитал, такой как офисные помещения, деньги, оборудование и материалы.

5. **Человеческие ресурсы.** Опыт, знания и навыки в определенной области участников движения.

О. Д. Цепилова (Цепилова 2002: 73) выделяет четыре аспекта процесса мобилизации ресурсов экологического движения:

Ресурсы: какие ресурсы наиболее важны для возникновения, развития движения и успешного достижения поставленных целей?

Мобилизация: каким образом социальные и политические структуры создают возможности для мобилизации. Кто вовлекается

(«рекрутируется») в движение? Каков «бассейн рекрутирования» движения»? Какова роль участников?

Организация: какие формы организации наиболее эффективны для достижения целей?

Результат: какие факторы следует считать ключевыми в развитии движения?

Применительно к экологическому движению в целом О. Д. Цепилова также выделяет следующие аспекты мобилизации ресурсов (Цепилова 2005).

Непосредственным ресурсом в развитии экологических движений она считает саму **экологическую ситуацию**, связанную с ухудшением условий существования населения и ее качества жизни, что может стать ресурсом вовлечения новых сил в экологические движения.

Социальная база движения. Поскольку в социологии общественных движений экологические движения относятся к так называемым новым движениям, к которым также относят правозащитные, женские, антивоенные движения. Их основу составляют приверженцы «постматериалистических ценностей» (Inglehart 1977). Носителем этих ценностей на Западе является средний класс. Поскольку в России эта социальная группа пока немногочисленна, то, по мнению О. Д. Цепиловой, для увеличения социальной базы экологических движений перспективным представляется блокирование с другими «новыми» движениями. Такое блокирование может объединять и усиливать имеющиеся ресурсы, либо создавать новые ресурсы.

Стратегии и тактики движения. Важно соответствие тактик и стратегий движения. О. Д. Цепилова предлагает сочетать неконвенциональные тактики, такие как митинги, демонстрации, забастовки, с такими, как лоббирование и PR-кампании.

СМИ как мощный ресурс движения. О. Д. Цепилова отмечает, что в условиях усиления авторитаризма роль СМИ как ресурса снижается. В то же время появляются возможности размещения материалов в интернет-источниках. Важным ресурсом является развитие «зеленой» журналистики.

Отношения с официальной властью. Рассматриваются О. Д. Цепиловой как несомненный ресурс экологических движений. Необходимо вести диалог с властью и пользоваться всеми возможностями, связанными с политическими акциями и кампаниями властей. Еще одним ресурсом экологических движений является их институционализация. Когда реальные экологические активисты становятся

представителями властных структур, это способствует развитию экологического движения.

Финансовая политика. В условиях, когда общественные и научные фонды сворачивают свою деятельность в России, О. Д. Цепилова считает, что наиболее перспективным видом таких ресурсов являются взаимодействие с российским бизнесом и поиск внутренних ресурсов финансирования, в том числе поиск пожертвований, коммерческая деятельность.

Привлечение внешних человеческих ресурсов. По мнению О. Д. Цепиловой, экологическим движениям необходимо привлекать интеллектуальные ресурсы в университетской и академической науке для проведения широкомасштабных комплексных исследований (медицинских, биологических, социологических) в районах экологического риска.

Организационные ресурсы. Обобщая западный и российский опыт построения экологических движений, О. Д. Цепилова отмечает, что наиболее эффективная форма — смешанный тип вертикально-горизонтальной структуры: сильная вертикаль с подчиненностью сверху донизу и разветвленные сетевые связи. При этом важным фактором успеха деятельности является организационное и информационное взаимодействие экологических движений.

Исходя из изложенного выше, рассмотрим, как изучаемое нами движение использовало различные ресурсы.

Наиболее эффективно движение использовало СМИ. Так, один из наиболее часто обсуждаемых участниками движения вопросов — публикации в СМИ о ходе борьбы против прокладки трубопровода — 37 сообщений (табл. 4, 6). Кроме того, среди участников движения было 4 журналиста, которые регулярно освещали ход борьбы в различных СМИ, в том числе в таком издании, как «Коммерсант». Участники движения выступали на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Эхо Петербурга», а также на местном телеканале 47 Ленинградской областной телекомпания.

Движение также обладало мощными интеллектуальными ресурсами, имея в своем составе специалистов различного профиля (см. табл. 1). Кроме того, в ходе своей деятельности оно привлекало необходимых специалистов для организации независимой экспертизы воздействия прокладки трубопровода на экологическую систему заказника.

Организационные характеристики и структурные особенности движения

Движение не являлось полностью сетевым. Часть его участников контактировали между собой непосредственно, в том числе участвуя в таких акциях, как общественные слушания 4.09.2017 в г. Кингисеппе по разделу «Мероприятия по охране окружающей среды, включая оценку воздействия на окружающую среду проекта строительства газопровода “Северный поток — 2”»; общественные слушания по отчету ЭСПО (Материалы оценки трансграничного воздействия на окружающую среду (ОВОС) проекта Nord Stream 2 для консультаций в рамках Конвенции ЭСПО) проекта строительства морского газопровода «Северный поток — 2» из России в Германию (г. Кингисепп, 30.06.2017). Однако именно сетевые характеристики движения позволяли ему действовать наиболее эффективно: выделить лидеров, производить функциональное разделение ролей и обязанностей, обмениваться информацией, обсуждать и координировать действия.

Выбор движением стратегии, тактики и репертуара коллективных действий

Как видно из таблицы 6, стратегия, тактика и репертуар действий движения менялись на протяжении исследуемого нами периода.

Первоначально участники движения добивались проведения независимой общественной экспертизы и признания по ее результатам прокладки трубопровода через заказник недопустимым. Во многом это удалось сделать. Однако, «Газпром» пролоббировал в госорганах изменение в «Положении о заказнике», разрешающее строить в нем линейные объекты. В ответ на это участники движения сосредоточились на подготовке материалов к общественным слушаниям и развернули кампанию в СМИ против прокладки трубопровода через заказник.

После проведения общественных слушаний участники движения боролись против фальсификации их протокола, в который не были внесены все замечания о негативных последствиях прокладки трубопровода как для заказника, так и для жителей Кургальского полуострова, представляющих малые коренные народы воедь и ижора. Одновременно был направлен иск в областной суд о неправомерности изменений в статусе Кургальского заказника. Участники движения

также участвовали в круглом столе «Экологические аспекты реализации проекта экспортного газопровода Nord Stream 2», который проходил в Аналитическом центре при Правительстве РФ 17.10.2017 г.

К протестам против прохождения трубопровода присоединились жители Кургальского полуострова. Представители малых коренных народов обратились с письмом к Президенту РФ, в котором выступили против прокладки трубопровода через Кургальский полуостров.

Участники движения в качестве компромисса предложили использовать технологию прокладки трубопровода через заказник с использованием микротоннеля вместо траншейного метода, ссылаясь на то, что аналогичную технологию используют при прокладке трубопровода на территории Германии. В ответ «Газпром» в качестве компромисса предложил прокладку трубопровода в металлическом коробе, помещенном в траншею, что должно было сократить ширину трассы прокладки трубопровода через заказник с 85 метров до 30. Участники движения не согласились на такой проект, поскольку он все равно нарушал целостность заказника и создавал прецедент вторжения на территорию особо охраняемых природных территорий.

В результате движение приняло решение об усилении давления на «Северный поток — 2» со стороны международных экологических организаций, таких как «Гринпис», «Всемирный фонд дикой природы», «Беллона».

После того как суд Ленинградской области отклонил иск защитников Кургальского заказника, представители движения выступили за изменение статуса заказника на заповедник «Восток Финского залива».

После одобрения государственной экологической экспертизой проекта строительства газопровода через территорию заказника, движение обратилось с письмом к Президенту РФ о защите заказника от прокладки через него трубопровода с приложением к нему подписей 60 тыс. граждан, выступающих в защиту заказника.

После того как Президент РФ не отреагировал на это письмо, представители движения через «Гринпис» подали иск на «Северный поток — 2» в Европейский суд по правам человека.

После начала строительства трассы газопровода через заказник представители движения стали готовить материалы об усилении охраны Кургальского заказника и включении его территории в заповедник «Восток финского залива», созданный постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2017 г. Члены движения были среди инициаторов

создания этого заповедника, предлагая включить в него и территорию заказника, что, однако, не было сделано.

Анализ частоты общения участников движения по вопросам стратегии, тактики и репертуара действий, а также анализ содержания сообщений участников движения позволяют сделать выводы о том, что именно сетевое взаимодействие давало возможность членам движения быстро реагировать на изменение ситуации, искать новые средства и возможности противодействия строительству газопровода, привлекать новые ресурсы для борьбы.

Механизмы и формы формирования движения как коалиции экологических организаций и общественных инициатив

Движение, с самого начала его формирования, создавалось как коалиция представителей различных экологических организаций, ученых-экспертов по различным аспектам охраны флоры и фауны заказника, общественных активистов.

В движение вошли представители региональных экологических движений и организаций, таких как независимый экологический проект «Мониторинг Балтийской трубопроводной системы», «Общественный совет южного берега Финского залива», «Ассоциация экологических журналистов Санкт-Петербурга», региональная организация «Новый экологический проект», межрегиональная экологическая организация «Друзья Балтики».

В движение включились российские представители международных экологических движений «Гринпис», «Всемирный фонд дикой природы», «Экологическое объединение “Беллона”», «Коалиция “Чистая Балтика”».

К движению также присоединились представители организации народа ижора и инициативной группы жителей Кургальского полуострова, выступавших против прокладки трубопровода через полуостров.

Такая широкая коалиция организаций, инициативных групп и экспертов образовалась во многом благодаря сетевым взаимодействиям участников. В свою очередь, коалиционный характер движения способствовал его успешному функционированию на различных уровнях: на местном (непосредственно на территории Кургальского полуострова); на региональном (Ленинградской области и Санкт-Петербурга); российском — с выходом на Правительство РФ; на международном — с выходом на организации Евросоюза.

Результаты работы движения против прокладки газопровода «Северный поток — 2» через Кургальский заказник

Результаты деятельности общественного движения являются также одной из его характеристик. Результаты изучаемого нами движения — не исключение.

Непосредственно из анализируемого нами материала можно выделить следующие результаты деятельности движения.

Хотя газопровод и был проведен через территорию заказника, но под давлением движения «Газпром» все-таки проложил трубопровод в металлическом коробе, сократив ширину трассы с 85 метров до 30.

В том числе и в результате деятельности движения создан заповедник «Восток Финского залива». Остается перспектива включения в него территории Кургальского заказника.

Привлечено внимание экологических движений и организаций к ситуации в Кургальском заказнике, что может положительно сказаться на усилении охраны его территории.

Созданная инициативная группа жителей Кургальского полуострова планирует продолжить свою деятельность по охране Кургальского заказника и мониторингу экологической ситуации на Кургальском полуострове.

Участники движения приобрели богатый опыт борьбы с экологически опасными проектами.

Заключение

В статье представлен анализ переписки участников движения против прокладки газопровода «Северный поток — 2» с целью изучения возможностей сетевого анализа для описания основных характеристик низовых экологических движений.

Сетевой анализ переписки участников движения, а также анализ содержания сообщений позволили получить достаточно интересные результаты.

Подтвердилась основная гипотеза исследования: низовые экологические инициативы являются резервом рекрутирования гражданских активистов. Так, инициативная группа жителей Кургальского

полуострова, включившись в движение и активно участвуя в нем, превратилась в группу гражданских активистов по защите Кургальского заказника.

Подтвердилась и частная гипотеза исследования. Сетевые взаимодействия участников движения являлись важной характеристикой движения и позволили описать его качественные характеристики.

Удалось в целом решить и задачи исследования. Была выявлена сетевая структура движения, описаны характеристики его лидеров, ядра и периферии. Сетевой анализ коммуникаций участников движения и содержательный анализ сообщений позволил описать такие характеристики движения, как:

- мобилизация движением различных ресурсов;
- социальный состав и функциональное разделение участников движения;
- организационные характеристики и структурные особенности движения;
- выбор движением стратегии, тактики и репертуара коллективных действий;
- формирование движения как коалиции представителей различных общественных движений, профессионалов-экспертов и гражданских активистов.

В целом исследование показало, что сочетание сетевого анализа и анализа содержания электронной переписки дает возможность получать весьма интересную информацию об общественных движениях. Главная проблема заключается в доступности такой информации. Однако если исследователь находит хороший контакт с участниками движений и обеспечивает анонимность получаемых данных, то такой метод может иметь весьма широкое применение.

Источники

Блоков И. П. Окружающая среда и ее охрана в России. Изменения за 25 лет. — М.: ОММНО «Совет Гринпис», 2018.— 422 с.

Газарян С., Шевченко Д. Сочи-2014: десять лет без права на закон. Как строили «лучший мир». Экологическая Вахта по Северному Кавказу. — Сочи, 2018. — 86 с.

Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. — М.: Новый учебник, 2004. — С. 20.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под рук. В. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — С. 494–505.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000. — 608 с.

Казенин К. И., Королева М. Н. Социология общественных движений — основные подходы. — М.: РАНХиГС, 2018.

Краснова О. Н. Инициатива гражданская // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. — URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH21229a534112eabfb76221> (дата обращения: 20.11.19).

Ляпин А. А. Формирование Байкальского экологического движения в Иркутске и Улан-Уде: предыстория, участники, цели // Социологические исследования. — 2018. — № 7. — С. 61–70.

Прокопенко Ю. И. Риски России: экология и здоровье. — Екатеринбург: Издательские решения, 2015. — 240 с.

Пруцкова Е. В. Анализ социальных сетей: Материалы семинара «Социология религии»; Серия: Количественные исследования религии. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. — 41 с.

Рыжый Д. С. Сетевые структуры и политические организации // Социум и власть. — 2013. — № 3 (4). — С. 45–50.

Смирнов И. И. Химкинский лес. Неоконченная история борьбы. — М.: Партия «Яблоко», 2011. — 155 с.

Тагаева Т. О., Гильмундинов В. М., Казанцева Л. К. Экологическая ситуация и природоохранная политика в регионах России // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 1. — С. 78–92.

Турен А. Возвращение человека действующего. — М.: Научный мир, 1998. — 204 с.

Халий И. А. Зелёное движение в России в конце XX века // Россия в окружающем мире [сайт]. — URL: http://www.rus-stat.ru/index_vid_1_year_2000_id_16.html (дата обращения: 19.11.19).

Хоган Барни. Анализ социальных сетей в интернете // ПостНаука. — 2013. [Электронный ресурс]. — URL: <https://postnauka.ru/longreads/20259> (дата обращения: 9.12.19).

Цепилова О. Д. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия (на примере г. Кириши) // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2002. — Т. V, № 1. — С. 70–100.

Цепилова О. Д. Мобилизация ресурсов экологического общественного движения в условиях усиления авторитаризма: Материалы научно-практической

конференции «Права человека, экология и гражданское общество». 3–4.06.2005, г. Ивантеевка Московской обл. // Международный Социально-экологический союз [официальный сайт]. — URL: <http://www.seu.ru/conference/ecopravo/mobilisation.htm> (дата обращения: 20.10. 20).

Цепилова О. Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2019. — № 2. — С. 20–27.

Яблоков А. В. Россия: Здоровье природы и людей. — М.: Партия «Яблоко», 2007. — 224 с.

Яблоков А. В. Экология и политика в России // Политика деэкологизации в России / Под ред. А. В. Яблокова, Г. М. Михалёвой. — М.: Партия «Яблоко», 2011. — С. 9–36.

Ягодка Н. Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН: Сер. «Политология». — 2015. — № 4. — С. 128–140.

Яницкий О. Н. Природоохранные сети России и их социальный капитал. — М.: ИС РАН, 2012. — С. 40.

Almeida P., Stearns L. B. Political opportunities and local grassroots environmental movements: The case of Minamata // Social Problems. — 1998. — Vol. 45, No. 1. — P. 37–60.

Andrews K., Edwards B. The Organizational Structure of Local Environmentalism // Mobilization. — 2005. — Vol. 10, No. 2. — P. 213–234.

Andrews K. T., Caren N. Making the news: Movement organizations, media attention, and the public agenda // American Sociological Review. — 2010. — Vol. 75, No. 6. — P. 841–866.

Brulle R. J., Pellow D. N. Environmental Justice: Human Health and Environmental Inequalities // Annual Review of Public Health. — 2006. — Vol. 27. — P. 103–124.

Castells M. City, Class and Power. — New York: St Martin's Press, 1978.

Castells M. The City and the Grassroots. — London: Edward ArNold, 1983.

Edwards B., McCarthy J. Resources and Social Movement Mobilization, in: The Blackwell Companion to Social Movements / Ed. by D. A. Snow. — Oxford: Blackwell Publishing Ltd. — 2004. — P. 116–152.

Ekins P. A new world order grassroots movements for global change. — London; New York: Routledge, 1992.

Gale R. P. Social movements and the state: The environmental movement, countermovement, and government agencies // Sociological Perspectives. — 1986. — Vol. 29, No. 2. — P. 202–240.

Gove P. B. Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. — Cambridge, Massachusetts: Riverside Press, 1961.

Hiltz S. R., Turoff M. 1978. The Network Nation: Human Communication via Computer. New York: Addison-Wesley. Revised Edition. — Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

Inglehart R. The Silent ReVolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. — Princeton: Princeton University Press, 1977.

Kitts J. A. Not in our backyard: Solidarity, social networks, and the ecology of environmental mobilization // Sociological Inquiry. — 1999. — Vol. 69, No. 4. — P. 551–574.

Klandermans B. The Social Construction of Protest and Multiorganizational Fields // Frontiers in Social Movement Theory / Ed. by A. Morris, C. Mueller. — New Haven, GT & London: Yale University Press, 1992.

McAdam D. Conceptual origins, current problems, future directions // Comparative Perspectives on Social Movements. Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings / Ed. by McAdam D., McCarthy J. D., Zald M. N. — Cambridge University Press, 1996.

McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory // American Journal of Sociology. — 1977. — Vol. 82.

Melucci A. The new social movements: a theoretical approach // Social Science Information. — 1980. — Vol. 19, No. 2. — P. 199–226.

Melucci A. An end to social movements? Introductory paper to the sessions on “new movements and change in organizational forms” // Social Science Information. — 1984. — Vol. 23, No. 4–5. — P. 819–835.

Melucci A. The symbolic Challenge of Contemporary Movements // Social Research. — 1985. — Vol. 52, No. 4. — P. 789–816.

Melucci A. Paradoxes of Post-Industrial Democracy: Everyday Life and Social Movements // Berkley Journal of Sociology. — 1993–1994. — Vol. 38. — P. 185–192.

Mix T. L. Rally the people: Building local-environmental justice grassroots coalitions and enhancing social capital // Sociological Inquiry. — 2011. — Vol. 81, No. 2. — P. 174–194.

Nicholls W. Place, networks, space: Theorizing the geographies of social movements // Transaction Institute British Geography. — 2009. — Vol. 34, No. 1. — P. 78–93.

Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics // Social Research: An International Quarterly. — 1985. — Vol. 52, No. 4. — P. 817–868.

Rucht D. The Impact of National Contexts on Social Movement Structures: A Cross-Movement and Cross-National Comparison // Comparative Perspectives on Social Movements. Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings / Ed. by J. D. McCarthy, M. N. Zald. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Schlosberg D. Networks and Mobile Arrangements: Organizational InNovation in the US Environmental Justice Movement // *Environmental Politics*. — 1999. — Vol. 8. — P. 122–148.

Sherman D. J. Disruption or convention? A process-based explanation of divergent repertoires of contention among opponents to low-level radioactive waste disposal sites // *Social Movement Studies*. — 2008. — Vol. 7, No. 3. — P. 265–280.

Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Mass Politics*. — New York; London: Cambridge University Press, 1994.

Tilly Ch. Social Movements and (All Sorts of) Other Political Interactions — Local, National, and International — Including Identities // *Theory and Society*. — 1998. — Vol. 27, No. 4. — P. 453–480.

Van Dijk Jan. *The Network Society: Social Aspects of New Media. De netwerkmaatschappij* Bohn Stafleu Van Loghum, Houten. — The Netherlands, 1991.

Wellman B. *Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities* / B. Wellman. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1999.

References

Almeida P., Stearns L. B. Political opportunities and local grassroots environmental movements: The case of Minamata. *Social Problems*, 1988, vol. 45, no. 1, pp. 37–60.

Andrews K., Edwards B. The Organizational Structure of Local Environmentalism. *Mobilization*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 213–234.

Andrews K. T., Caren N. Making the news: Movement organizations, media attention, and the public agenda. *American Sociological Review*, 2010, vol. 75, no. 6, pp. 841–866.

Blokov I. P. *Okruzhayushchaya sreda i ee ohrana v Rossii. Izmeneniya za 25 let let* [Environment and its protection in Russia. Changes over 25 years]. Moscow, OMMNO «Sovet Grinpis» [“Greenpeace Council”], 2018, 422 p. (In Russian)

Brulle R. J., Pellow D. N. Environmental Justice: Human Health and Environmental Inequalities. *Annual Review of Public Health*, 2006, vol. 27, pp. 103–124.

Castells M. *City, Class and Power*. New York, St Martin's Press, 1978. 208 p.

Castells M. *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]: Per. s angl. pod nauch. red. O. I. Shkaratana. Moscow, Gos. un-t. Vyssh. shk. Ekonomiki [Higher school of Economics], 2000, 608 p. (In Russian)

Castells M. Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [The formation of the society of network structures]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: Antologiya Pod ruk. V. L. Inozemtseva*. [New post-industrial wave in the West. Anthology under the direction of V. L. Inozemtsev]. Moscow, Academia, 1999, 494–505 pp. (In Russian)

Castells M. *The City and the Grassroots*. London, Edward Arnold, 1983. 450 p.

Edwards B., McCarthy J. Resources and Social Movement Mobilization, in: *The Blackwell Companion to Social Movements*. Ed. by D. A. Snow. Oxford, Blackwell Publishing Ltd., 2004, pp. 116–152.

Ekins P. *A new world order grassroots movements for global change*. London, New York, Routledge, 1992. 248 p.

Gale R. P. Social movements and the state: The environmental movement, countermovement, and government agencies. *Sociological Perspectives*, 1986, vol. 29, no. 2, pp. 202–240.

Gazaryan S., Shevchenko D. *Sochi-2014: desyat' let bez prava na zakon. Kak stroili «luchshiy mir». Ekologicheskaya Vahta po Severnomu Kavkazu [Sochi 2014: ten years without the right to the law. How to build a “better world”. Environmental Watch for the North Caucasus]*. Sochi: 2018. 86 p. (In Russian)

Gove P. B. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged*. Cambridge, Massachusetts, Riverside Press, 1961.

Gradosel'skaya G. V. *Setevye izmereniya v sotsiologii [Network dimensions in sociology]*. Moscow, Novyy uchebnik, 2004, p. 20. (In Russian)

Haliy I. A. Zelyonoe dvizhenie v Rossii v kontse XX veka [Green movement in Russia at the end of XX century]. *Rossiya v okruzhayushchem mire [Russia in the world]* [website]. URL: http://www.rus-stat.ru/index_vid_1_year_2000_id_16.html (access date: 19.11.19). (In Russian)

Hiltz, S. R., and M. Turoff. *The Network Nation: Human Communication via Computer*. New York: Addison-Wesley. Revised Edition; Cambridge, MA: MIT Press, 1993. 589 p.

Hogan Barni. Analiz sotsial'nyh setey v internete. *PostNauka*, 2013. URL: <https://postnauka.ru/longreads/20259> (access date: 9.12.19). (In Russian)

Inglehart R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton, Princeton University Press, 1977. 496 p.

Kazenin K. I., Koroleva M. N. *Sotsiologiya obshchestvennykh dvizheniy — osnovnye podhody podhodyi [The sociology of social movements — the main approaches]*. Moscow, RANHiGS [Russian Academy of national economy], 2018. (In Russian)

Kitts J. A. Not in our backyard: Solidarity, social networks, and the ecology of environmental mobilization. *Sociological Inquiry*, 1999, 69, pp. 551–574.

Klandermans B. *The Social Construction of Protest and Multiorganizational Fields. Frontiers in Social Movement Theory*. Ed. by A. Morris, C. Mueller. New Haven, GT & London, Yale University Press, 1992, pp. 77–103.

Krasnova O. N. *Initiativa grazhdanskaya [Civil Initiative]*. Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. [New philosophical encyclopedia in 4 vols], Internet version of the publication. Moscow: Mysl', 2010. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH21229a534112eabfb76221> (access date: 20.11.2018). (In Russian)

Lyapin A. A. Formirovanie Baykal'skogo ekologicheskogo dvizheniya v Irkutsk i Ulan-Ude: predystoriya, uchastniki, tseli. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2018, no. 7, p. 61–70. (In Russian)

McAdam D. Conceptual origins, current problems, future directions. In: *Comparative Perspectives on Social Movements. Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Ed. by McAdam D., McCarthy J. D., Zald M. N. Cambridge University Press, 1996, pp. 23–40.

McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory. *American Journal of Sociology*, 1977, 82, pp. 1212–1241.

Melucci A. The new social movements: a theoretical approach. *Social Science Information*, 1980, vol. 19, no. 2, pp. 199–226.

Melucci A. An end to social movements? Introductory paper to the sessions on “new movements and change in organizational forms”. *Social Science Information*, 1984, vol. 23, no. 4–5, pp. 819–835.

Melucci A. The symbolic Challenge of Contemporary Movements. *Social Research*, 1985, vol. 52, no. 4, pp. 789–816.

Melucci A. *Nomad of the Present*. Philadelphia, Temple University Press, 1989. 288 p.

Melucci A. Paradoxes of Post-Industrial Democracy: Everyday Life and Social Movements. *Berkley Journal of Sociology*, 1993–1994, 38, pp. 185–192.

Mix T. L. Rally the people: Building local-environmental justice grassroots coalitions and enhancing social capital, *Sociological Inquiry*, 2011, vol. 81, no. 2, pp. 174–194.

Nicholls W. Place, networks, space: Theorizing the geographies of social movements. *Transaction Institute British Geography*, 2009, vol. 34, no. 1, pp. 78–93.

Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics. *Social Research: An International Quarterly*, 1985, vol. 52, no. 4, pp. 817–868.

Prokopenko Yu. I. *Riski Rossii: ekologiya i zdorov'e* [Risks of Russia: ecology and health]. Yekaterinburg: Izdatel'skie resheniya [Publishing solutions], 2015, 240 p. (In Russian)

Prutskova E. V. *Analiz sotsial'nyh setey: Materialy seminarov «Sotsiologiya religii»; Seriya: Kolichestvennye issledovaniya religii* [Analysis of social networks. Materials of the seminar “Sociology of religion”, Series: Quantitative studies of religion]. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tihonovskiy gumanitarnyy universitet [Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities], 2012, 41 p. (In Russian)

Rucht D. The Impact of National Contexts on Social Movement Structures: A Cross-Movement and Cross-National Comparison. In: *Comparative Perspectives on Social Movements. Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Ed. by J. D. McCarthy, M. N. Zald. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 185–204.

Ryzhiy D. S. Setevye struktury i politicheskie organizatsii [Network structures and political organizations]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2013, no. 3 (4), pp. 45–50. (In Russian)

Schlosberg D. Networks and Mobile Arrangements: Organizational Innovation in the US Environmental Justice Movement. *Environmental Politics*, 1999, vol. 8, no. 1, pp. 122–148.

Sherman D. J. Disruption or convention? A process-based explanation of divergent repertoires of contention among opponents to low-level radioactive waste disposal sites. *Social Movement Studies*, 2008, vol. 7, no. 3, pp. 265–280.

Smirnov I. I. Himkinskiy les. *Neokonchennaya istoriya bor'by* [Khimki forest. *Unfinished history of the struggle*]. Moscow: Partiya «Yabloko», 2011, 155 p. (In Russian)

Tagaeva T. O., Gil'mundinov V. M., Kazantseva L. K. Ekologicheskaya situatsiya i prirodoohrannaya politika v regionah Rossii [Environmental situation and environmental policy in the regions of Russia]. *Ekonomika regiona* [Regional economy], 2016, vol. 12, iss. 1, pp. 78–92. (In Russian)

Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Mass Politics*. New York, London, Cambridge University Press, 1994. 332 p.

Tilly Ch. Social Movements and (All Sorts of) Other Political Interactions — Local, National, and International — Including Identities. *Theory and Society*, 1998, vol. 27, no. 4, pp. 453–480.

Tsepilova O. D. Obshchestvennye dvizheniya v rayone Ekologicheskogo bedstviya: istoriya vzniknoveniya, razvitie, sotsial'nye posledstviya (na primere g. Kirishi). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2002, vol. V, no. 1, pp. 70–100. (In Russian)

Tsepilova O. D. Mobilizatsiya resursov ekologicheskogo obshchestvennogo dvizheniya v usloviyah usileniya avtoritarizma: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Prava cheloveka, ekologiya i grazhdanskoe obshchestvo». 3–4.06.2005, g. Ivanteevka Moskovskoy obl. [Resource mobilization of the ecological social movement in the context of increasing authoritarianism. Materials of the scientific and practical conference “Human Rights, ecology and civil society”. 3–4. 06. 2005, Ivanteevka, Moscow region]. *Mezhdunarodnyy Sotsial'no-ekologicheskii soyuz* [website]. URL: <http://www.seu.ru/conference/ecopravo/mobilisation.htm> (access date: 20.10. 20). (In Russian)

Tsepilova O. D. Politicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sovremennoy Rossii: ekologicheskie ogranicheniya i riski [Political and socio-economic development of modern Russia: environmental restrictions and risks]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: journal of sociological and marketing research], 2019, no. 2, pp. 20–27. (In Russian)

Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego* [The return of the current man]. Moscow, Nauchnyy mir [Scientific world], 1998, 204 p. (In Russian)

Van Dijk Jan. *The Network Society: Social Aspects of New Media*. De netwerkmaatschappij Bohn Stafen Van Loghum, Houten; The Netherlands, 1991. 304 p.

Wellman B. *Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities*. B. Wellman, Boulder, Colo., Westview Press, 1999. 408 p.

Yablokov A. V. *Rossiya: Zdorov'e prirody i lyudey* [Russia: Health of nature and people]. Moscow, Partiya «Yabloko», 2007, 224 p. (In Russian)

Yablokov A. V. Ekologiya i politika v Rossii [Ecology and politics in Russia]. *Politika deekologizatsii v Rossii* [Policy deecologization in Russia]. Under the editorship of A. V. Yablokov, G. M. Mikhaleva. Moscow: Partiya «Yabloko», 2011, pp. 9–36. (In Russian)

Yagodka N. N. Grazhdanskie initsiativy kak instrument dialoga mezhdv vlast'yu i grazhdanskim obshchestvom v Rossii [Civil initiatives as a tool of dialogue between the government and civil society in Russia]. *Vestnik RUDN: Ser. «Politologiya»* [Bulletin of the RUDN, Series Political Science], 2015, no. 4, pp. 128–140. (In Russian)

Yanitskiy O. N. *Prirodoohrannye seti Rossii i ih sotsial'nyy kapital* [Environmental networks of Russia and their social capital]. Moscow, IS RAN [Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences], 2012, p. 40.

Мищенко Александр Сергеевич, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук.

Mishenko Alexandr S., Senior Researcher, Sociological Institute
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences.

a_mis@rambler.ru

Г. А. ЕРЕМИЧЕВА, Г. А. МЕНЬШИКОВА, ХАОЖАНЬ ЦИНЬ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КИТАЕ И ИХ СРАВНЕНИЕ С РОССИЙСКИМИ ПРАКТИКАМИ

Усиление сотрудничества между государством, бизнесом, компаниями и работниками в преодолении социально-экономических барьеров развития общества становится отчетливой мировой тенденцией. Это сотрудничество реализуется в политике корпоративной социальной ответственности (КСО), имеющей наиболее разнообразные формы в практике американского и европейского опыта. В рамках теоретико-методологических подходов разработано несколько моделей КСО, представляющих возможности сопряжения интересов всех заинтересованных сторон и получения как можно большей выгоды для бизнеса и репутации компании. Практики Китайской республики демонстрирует нетрадиционные принципы реализации КСО, влияние национальной культуры, а также принципы ведения и организации бизнеса в непосредственной связи с государством. Этот опыт крайне оригинален, поэтому ознакомление с его социокультурными особенностями, представленными не только зарубежными, но и китайскими исследователями и практиками, безусловно, важен и полезен. Это позволяет сделать некоторые сравнения с практиками КСО в России, в которой принципы такой политики только еще начинают формироваться и поддерживаться крупным бизнесом.

Ключевые слова: политика корпоративной социальной ответственности (КСО), социокультурные особенности, социальные гарантии, практики, международные стандарты.

EREMITCHEVA GALINA V., MENSHIKOVA GALINA A., HAORAN QIN

SOCIO-CULTURAL FEATURES OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY POLICY IN CHINA AND COMPARISON WITH RUSSIAN PRACTICES

Strengthening of cooperation between the state, business, companies and workers in overcoming socio-economic barriers to the development of society is becoming a clear global trend. This cooperation is implemented in the corporate social responsibility (CSR) policy, which has the most diverse forms in the practice

of the American and European experience. Within the framework of theoretical and methodological approaches, several CSR models have been developed, representing the possibilities of conjugating the interests of all interested participants and obtaining the greatest possible benefit for the business and the company's reputation. The Chinese practice demonstrates non-traditional principles of CSR implementation, the influence of national culture, as well as the principles of doing and organizing business in direct connection with the state. This experience is extremely original, therefore, acquaintance with its socio-cultural characteristics, presented not only by foreign, but also by Chinese researchers is certainly important and useful. This allows us to make some comparisons with CSR practices in Russia, where the principles of this policy are just beginning to emerge and to be supported by big business.

Keywords: the corporate social responsibility (CSR) policy, socio-cultural features, social guarantees, international standards, practices.

Роль КСО как общемировой технологии социального сотрудничества

В условиях прогрессирующей глобализации заметно усиливается интерес компаний к социальной сфере, причем как во внутрифирменном управлении, так и в общественном значении. Руководство компаний, а точнее бизнес, осознает важность решения социальных проблем компаний и необходимость регулирования трудовых отношений между работодателем, работником, их влиянием на социум в целом (Гонтарь, Кижикина 2014). Усиление сотрудничества между государством, бизнесом, компаниями и работниками в преодолении социально-экономических барьеров развития общества — отчетливая мировая тенденция.

Практика комплексного сотрудничества бизнеса и государства в сфере решения общественно-социальных и экономических проблем определяется как политика корпоративной социальной ответственности (КСО). Она направлена на социальное партнерство, формирование стандартов социальной ответственности бизнеса и социальную поддержку занятых, которое осуществляется через поиск новых возможностей для диалога между работодателем и работниками, защиту и укрепление прав работников (Grayson, Hodges 2004; Гриффин, Пастей 2006; Остапенко 2012).

В разработке теоретико-методологических подходов к пониманию КСО накоплен значительный опыт. Он позволяет исследователям сформулировать две модели (американскую и европейскую) развития

феномена¹. Распространение практик КСО на локальном, национальном и международном уровнях стимулирует постоянное внимание независимых некоммерческих организаций, профессиональных объединений и ассоциаций потребителей к мониторингу остроты социальных проблем, сопровождающих производственную деятельность крупных компаний. Это касается несоблюдения экологических стандартов по сохранению окружающей среды, нарушения прав работников в трудовых конфликтах или обеспечения работодателем социальных гарантий. В процессе институционализации КСО активное участие принимают и правительственные организации, которые устанавливают нормы, стандарты и законы, а профсоюзы следят за их соблюдением. Стимулом к использованию практик КСО становятся рейтинги, которые составляют независимые аудиторы (Околеснова 2014; Пономарев 2014).

В свою очередь менеджмент компаний добровольно и открыто представляет общественности такие документы, как Кодекс социальной ответственности, регулярные корпоративные отчеты, в которых дается информация о качестве продукции, принципах взаимодействия с потребителями и конкурентами, добровольные обязательства компании в отношении работников и местного сообщества (Тульчинский 2015, Бикеева 2017).

Политика корпоративной социальной ответственности в той или иной мере присутствует во всех странах, в которых крупные компании выходят на уровень международного бизнес-сотрудничества и когда требуется соблюдение общепринятых норм и стандартов — правил ведения бизнеса (Dashwood 2007, Воеводкин 2011, Канаева 2013). Не остались в стороне от этого процесса Китай и Россия. В этих странах процессы, связанные с реализацией политики КСО, имеют собственные политические, национальные и ментальные особенности, обусловленные теми трансформационными процессами, которые в них осуществляются. Внедрение практик КСО здесь находятся еще на начальных этапах.

¹ В США — это *shareholder model* (модель КСО, в которой приоритетными являются интересы акционеров), в Европе — *stakeholder model* (модель КСО, в которой учитываются интересы широкого круга заинтересованных лиц). Официально понятие КСО оформилось на Лиссабонском европейском саммите в марте 2000 г. в документе, опубликованном Европейской комиссией в 2001 г. («Зеленая книга о КСО»). Ранее, в 1995 г, была образована сеть Евробизнеса по КСО (European Business Network for CSR), цель которой состояла в распространении принципов КСО в бизнес-среде (Бикеева 2017).

Общая ситуация дисбаланса прав и обязанностей в Китае в ходе рыночных реформ

Традиционно в Китае развивался и веками поддерживался центристский подход к управлению экономикой, когда стержнем и практически единственным субъектом контроля являлось государство, его правительственное (партийное) руководство. Целью рыночных реформ, как известно, стало стремление к повышению эффективности государственных предприятий, а также увеличение национальных бюджетных доходов. Реформы продолжаются, и остается актуальным ключевой вопрос: как регулировать и перестраивать отношения между государством и предприятиями.

За последние 40 лет в отношениях между правительством страны и предприятиями произошел ряд важных изменений, но государственные предприятия по-прежнему рассматриваются правительством как основа экономики и средство достижения конкретных целей политики. Вместо административной (оперативной) зависимости им на смену пришли отношения административного руководства социалистической рыночной экономикой. Правительство играет ведущую роль и заинтересовано в том, чтобы государственные предприятия выполняли как можно больше политических и социальных функций.

Бесспорно, экономическое развитие и рост негосударственного сектора позволили Китаю избавиться от трудностей «дефицитной экономики» или «рынка продавца», сократив долю государственных предприятий — главную опору государств. При этом макроэкономическая система распределения финансов и налогообложения также перешли на рыночный механизм, и бюджету стало не хватать средств на проведение социальной политики. Возникла необходимость перенесения части социальных обязанностей на предприятия (например, по росту благосостояния, по внедрению доходов по акциям — «дивиденды заменяют кредиты» или «прибыль превращается в налоги» и др.). Большую часть «старых счетов», возникших в результате реформ жилищной системы, общественного здравоохранения и пенсионного обеспечения, переложили на государственные предприятия.

Серьезные изменения произошли в самом государственном секторе. В настоящее время он в основном избавился от государственной — жесткой — модели традиционной плановой экономики и начал действительно выходить на рынок. Государственная стратегия Китая

заключается в том, что нужно «браться за крупные предприятия и давать простор малым». В такой стратегии малые предприятия конкурентноспособных отраслей отпускаются в рынок; внимание государства концентрируется на крупных и средних предприятиях, имеющих стратегическое значение в национальной экономике и являющихся средствами существования людей.

Проводимые реформы резко изменили механизм бизнеса и жизнеспособность государственных предприятий, предоставив им полную автономию, которая, как и в других странах, включая Россию, сопровождается проявлением таких негативных черт, как коррупция, нарушение трудовых договоров и возникновение трудовых споров, ослабление требований к охране труда и социальному страхованию.

В то же время частные и предприятия со смешанной собственностью являются формами бизнеса, которые стали важной опорой национальной экономики страны. В последние годы 70% внедренных инноваций, 65% патентов на изобретения и 80% производства новых продуктов поступают от средних и малых предприятий, которые на 85% являются частными. Они составляют более 70% из 53 так называемых национальных зон развития высоких технологий. Негосударственный сектор экономики играет все более важную роль во внешней торговле страны. Он обеспечивает 80% занятости, давая 60% ВВП и 50% налоговых поступлений страны (Статистический сборник 2019).

Ослабление социального контроля над негосударственным сектором экономики, погоня за прибылью, отход от принципов социальной морали и ответственности тормозят развитие страны. Для преодоления негативных процессов китайское правительство переходит на новые механизмы. Оно вмешивается, гарантирует и регулирует процесс становления рынка путем экономической, фискальной, денежно-кредитной политики, что закреплено в соответствующих законодательных актах (Антимонопольный закон, Закон о недобросовестной конкуренции, Закон о защите прав потребителей и др.)

Трансформация управления государственными предприятиями является сложным и конфликтным процессом. С одной стороны, чтобы повысить их жизнеспособность, правительство делегирует им часть своих полномочий, реформируя систему управления, соответствующую рыночным принципам. С другой стороны, чтобы эти предприятия могли выжить и развиваться в новых условиях, правительство оказывает им большую поддержку и помощь. Незавершенность процесса

вызывает неопределенность действий (прав и обязанностей) как для органов государственного (местного) управления экономикой, так и для предприятий.

Китайская частная экономика растет, хотя старая (плановая) система еще не изжита, сохраняются значительные политические различия в доступе к рынку между государственными, иностранными и частными предприятиями. Дифференциация в предоставлении государственных инвестиций постепенно ослабевает, но монополистическая и дискриминационная политика в некоторых секторах и отраслях сохраняется (банковская, страховая, коммуникационная, сырьевая и энергетическая сферы). Пока нельзя признать, что в стране устранены институциональные барьеры в развитии частного сектора и возможности недобросовестной конкуренции между предприятиями. Например, инфраструктурные проекты часто иницируются концессионерами, а система торгов устроена так, что исключает участие в них квалифицированных частных предприятий. Даже если частный капитал может участвовать в проекте, доля его акций должна быть определена концессионером, что ограничивает возможности их участия в конкурсе.

Сохраняется излишняя дискриминация частных компаний при получении ими лицензий или разрешений. По сравнению с государственным и иностранным секторами негосударственный должен иметь больше предварительных разрешений в области инвестиций, производства и эксплуатации. Пока частные и государственные предприятия не равны в требованиях к квалификации, условиям и возможности участия в конкурсе, например за госзаказ. Много препятствий создано в сфере международных конкурсов.

Нельзя не отметить сложности с финансированием частных предприятий. Так, исследование, проведенное под эгидой Всемирного банка, показывает, что частные компании почти полностью полагаются на собственные средства. Более 90% первоначального капитала являются средствами их владельцев, членов их команды и их семей (Вань Тин 2004). Китайские банки играют малую роль в финансировании частных предприятий, причем не только на начальном этапе — формирование уставного капитала, но и на последующих. Согласно статистическим данным, кредиты, предоставляемые финансовыми учреждениями частным предприятиям, составляли 10% необходимых средств, остальные 90% обеспечивали другие частные предприятия (Ян Пин 2006).

Неравенство между секторами экономики проявляется и в механизме эмиссии акций, основанном на принципе квот. Исследователи считают, что государство установило слишком высокий порог для листинга предприятий, что затрудняет частным предприятиям использование эмиссии акций для привлечения средств.

Разгосударствление экономики стимулировало региональный энтузиазм экономического развития. В то же время, чтобы защитить местные предприятия и максимизировать их интересы, местное правительство, обладая контролем над ресурсами, естественно использует свои полномочия, насильственно дифференцируя свое к ним отношение. Оно может устанавливать особые торговые барьеры, не позволяя не местным предприятиям выходить на локальный рынок. В краткосрочной перспективе эти действия увеличивают прибыль местных предприятий и доходы региона, однако в долгосрочной перспективе они вредны и для микроэкономических субъектов, и для всей экономики.

Китайские ученые указывают на недостаточно эффективные действия местного правительства: оно «слишком много участвует» в конкретных экономических действиях предприятий, мало что давая им взамен в виде предприятий социальной и экономической инфраструктуры (Туо Донг, Ли Цзянь 2014: 224).

Подводя итоги результативности реформ, можно отметить, что, хотя в Китае и создана система социалистической системы рыночной экономики, уровень ее развития остается относительно невысоким. В стране сохраняется дисбаланс между развитием гражданского и коммерческого экономического права. Например, действующий в стране закон «О компаниях» (1993 г.), как и ряд других, дискриминируют негосударственные предприятия и устанавливают для них чрезмерно высокие пороги входа на рынок. Это не отвечает потребностям честной конкуренции. Существующие законы «О договорах», «О гарантиях», «О ценных бумагах», тесно связанные с рыночными отношениями, также имеют много недостатков. До сих пор Китаю не удается сформулировать юридический документ (систему документов), который бы предотвратил возможности прямого ущерба интересам инвесторов, позволил справиться с распространением ложных заявлений, инсайдерской торговлей, манипулированием рынком и злонамеренным мошенничеством на рынке ценных бумаг. Отсутствие закона «О банкротстве» и недоработки в «Антимонопольном законе», которые гарантировали бы порядок на рынке, также тормозят развитие частного сектора экономики и требуют скорейшего их исполнения (Хоажань 2018).

Китайский опыт введения КСО

Социально-экономические реформы, проводимые под руководством КПК и правительства Китая, и создание новой модели «рыночного социализма», формируют социальные и трудовые отношения, сочетающие социалистические и капиталистические принципы ведения бизнеса. Сопряжение этих принципов позволяет китайским бизнесменам активно вписываться в социалистическое хозяйствование, воплощая курс на реализацию принципа КСО, который означает готовность бизнеса нести ответственность (в разных формах) за территорию хозяйствования, за коллектив работников корпорации, за страну в целом.

Принципы КСО в китайской социальной политике выражаются в том, что компании должны помогать государству решать его социальные задачи, брать на себя дополнительную ответственность за благополучие своих коллективов, жителей своего региона, а также за те ниши общества, которые наиболее нуждаются в социальной помощи и защите. Пока еще эта политика находится на этапе формирования, затрагивая не более 20% предприятий, правда крупных, а поэтому их социальная помощь в достаточной мере ощущаема.

Как показывает статистика, из 500 крупнейших китайских компаний в 2018 г. 325 заявили об участии в НИР и разработке новых стандартов. Однако, при общем доходе, превышающем 10 триллионов долларов США, объем инвестиций в развитие науки и научных исследований составил лишь 120 миллиардов долларов (т. е. 1,2%). Из общего числа международных стандартов, отражающих политику КСО, Китай освоил не более половины (лишь 1555). Это означает, что, выполняя функции локомотива экономического развития, предприятия также должны стать инициаторами эффективной научной, управленческой и социальной деятельности (Чжан Цинминь, Ву Чуньмэй, Лю Сяофэн 2014: 98–99).

Успех комплексной экономической модели, актуализируемый китайскими экономистами и некоторыми зарубежными учеными как «китайское чудо», нередко связывается с особенностями культуры и влиянием конфуцианской философии, национальными традициями экономического поведения китайцев² (Чжан Дачжун, Сюй Вэньчжун, Мэн Фанчи 1999; Porter 2006).

² Учение Конфуция защищало интересы аристократии, формировало ее предназначенность к управлению государством, а ритуалы закрепляли объективность иерархического устройства общества. Ритуал значил больше, чем правила поведения и нормы. Он выражал подчинение, послушание, на которых основывался порядок в государстве и обществе. Позднее легисты Хань Фэй-цзы, Шан Ян и др. выступили против верховенства знати в пользу силы закона (Чжан Дачжун, Сюй Вэньчжун, Мэн Фанчи 1999).

В современном обществе конфуцианство трансформировалось в учение о правильных взаимоотношениях как о ключе к социальной гармонии в семье и с друзьями, которые переносятся в сферу бизнеса. В управленческой деятельности система взаимоотношений усложняется наличием иерархических связей типа «руководство — подчинение», ритуалы становятся элементами управленческой культуры, а не общим принципом социального устройства. Этика управления выступает в качестве конкретизации общей морально-этической парадигмы, принятой в данной стране, которая отображает цели, ценности и идеалы как этого общества в целом, так и руководителя, и управляемой им организации (Аньли Фэньчжэ 2007, Маслов 2010, Каретина 2015).

Например, стратегии конфуцианской философии, такие как «Чжун юн»³ или система «трех собраний и четырех силовых структур», стали сутью взаимоотношений акционерных обществ, национальных и отраслевых бизнес-ассоциаций, которые становятся базовыми предприятиями негосударственного сектора и приобретают все большее распространение. Они играют роль мостиков взаимодействия между государством, бизнесом, населением и окружающей средой (Туо Донг, Ли Цзянь 2014: 224).

Такие взаимоотношения не противоречат общепринятым концепциям современных зарубежных авторов, продвигающих политику КСО, но отражают национальные особенности в сфере предпринимательской деятельности и условия развития корпоративной ответственности в негосударственном секторе конкретной страны.

Опыт взаимодействия бизнеса с региональными властями накоплен многими странами. Он получил теоретико-методологическое обоснование как социальная ответственность предприятий перед жителями территорий (района), включенных в производственный процесс, и как соотношение прав и обязанностей между участвующими сторонами (Whitehouse 2003; Munilla и Miles 2005; Савина 2017). Эти наработки активно использует и Китай, для которого регионально-территориальная связка «предприятие, населенный пункт и его жители», в которой жители — не только те, кто обслуживают производство, производят продукцию, но и потребляют ее, является очень сильной. Для населения крайне важным оказывается воздействие производства на жизнь и окружающую среду. Администрация

³ Стратегия «Чжун юн», или «Учение о середине», выражает компромиссное отношение людей к вещам и жизни, которое воплощает социальную психологию защиты, гармонию и единство. Является основой, формирующей кодекс поведения каждого китайца (案例份折, 跨文化商务交流. 北京: 对外经济贸易大学出版社, 2007 (Аньли Фэньчжэ 2007)).

предприятия крайне заинтересована в поддержке населения. Она создает для него рынок труда и товаров, улучшает инфраструктуру (мосты и дороги, магазины), строит новые или помогает действующим социальным учреждениям: школам, детским садам, больницам, предприятиям культуры (Friedman 2005; Hutchins, Walck, Sterk 2007).

Интересы населения представляют автономные региональные или местные административные организации, например жилищные конторы, районное или городское правительство. Влияние местного руководства на региональные предприятия обычно проявляется через законодательное регулирование, налогообложение, льготы и различные виды помощи предприятиям, помогающим району и людям, в нем проживающим. Огромную роль играет прямое взаимодействие руководителей предприятия с политическими лидерами региона, их готовность к взаимопониманию и взаимопомощи.

Однако не все исследователи, и прежде всего зарубежные, так оптимистичны в оценке деятельности КСО, осуществляемой китайскими компаниями. Они считают, что в значительной степени она еще достаточно поверхностна. Тем не менее отмечается, что в последние годы социальная и экологическая осведомленность людей постепенно растет, они начинают уделять больше внимания своим правам на местных предприятиях. Это заставляет компании обращать внимание на КСО, особенно на местном уровне. Об этом упоминает Т. Джонсон: «Корпоративная социальная ответственность требует, чтобы предприятия отвечали интересам конкретного сообщества в экономическом, экологическом, культурном и устойчивом развитии» (Johnson 2010: 437).

Результаты анализа данных «Синей книги корпоративной социальной ответственности предприятий Китая»

Очень важным шагом в направлении к активному включению Китая в международный бизнес стала система мониторинга КСО в сфере бизнеса, которая действует уже в течение десятка лет. Данные представляются в «Синей книге корпоративной социальной ответственности предприятий Китая», издаваемой ежегодно с 2008 г. по типу «Зеленой книги о КСО», публикуемую Европейской комиссией. Эту работу проводит Центр исследований экономики и корпоративной социальной ответственности Китайской академии социальных наук для оценки уровня и специфики КСО китайских компаний. В течение 11 лет и по настоящее время «Синяя книга» является наиболее авторитетным источником информации.

Ее содержание — это описание направлений КСО в 100 крупнейших государственных, 100 лучших частных и 100 крупнейших предприятиях с иностранным финансированием из 10 ключевых отраслей промышленности. Материалы представлены как теоретическая модель «четыре в одном»:

- I. *Общая ситуация с КСО* описывается по четырем индексам: развитие КСО в Китае (с 2008 г.), управление ответственностью, ответственность рынка, экологическая ответственность. По ним рассчитывается характеристика развития КСО в динамике.
- II. *Соблюдение требований рынка* представлено кратким содержанием направлений КСО в Китае, десятью полномочиями по продвижению КСО, системой продвижения КСО.
- III. *Меры по осуществлению социальной политики* — защита прав трудящихся и потребителей, китайские корпоративные благотворительные пожертвования.
- IV. *Экологическая политика* — безопасность производства и предотвращение стихийных бедствий, качество и безопасность продукции предприятий.

Для того чтобы наглядно представить динамику процесса использования практик КСО, нами были проанализированы материалы двух книг за 2008 и 2019 гг. Сопоставляя материалы обеих книг, можно отметить, что к 2019 г. объем предоставляемой информации стал более насыщенным и значительно увеличился.

Книга 2019 г. формирует рейтинги КСО по предприятиям, учитывая разные формы собственности и рейтинги по отраслям. В ней детально разбирается общая оценка выполнения социальных обязательств компаниями и по группам предприятий с учетом типа и отрасли. Общее число проанализированных предприятий расширено до 300. В нем представлены результаты двух социологических исследований и нескольких кейс-стади. В книгу включен новый раздел «Талантостроение», представленный статистическими данными по работе и управлению молодыми перспективными кадрами.

Анализ данных, отображенных в «Синей книге», показал, что по индексу развития социальной ответственности по 300 крупнейшим китайским компаниям, который составил 32,7 баллов (из 100 возможных), уровень КСО соответствует начальной стадии этого процесса. Мирового уровня достигают только отдельные предприятия. Большинство предприятий заслуживают оценки на уровне от 0 до 20 (см. рис. 1).

Рис. 1. Оценка общей ситуации по индексу КСО в Китае в 2019 г.
 Источник: «Синяя книга корпоративной социальной ответственности предприятий Китая в 2019 г.»

Представленная диаграмма общей динамики тренда КСО на предприятиях Китая показывает, что, начиная с 2009 г., наблюдалась тенденция роста этого показателя, которая продолжалась до 2017 г., но за последние два года общий индекс КСО сократился с 37,4 до 32,7%.

Исследователи связывают этот факт с изменением методов его оценивания (см. рис. 2).

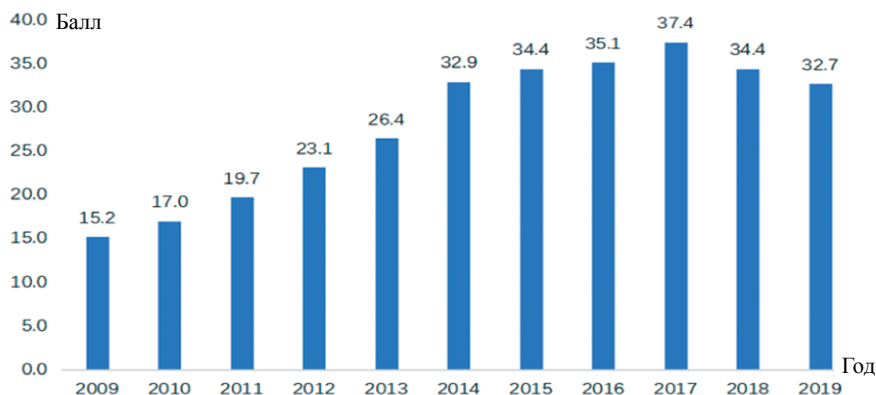

Рис. 2. Индекс развития социальной ответственности 300 крупнейших предприятий Китая за период 2009–2019 гг.

Источник: «Синяя книга корпоративной социальной ответственности предприятий Китая в 2019 г.»

По данным изменений индекса КСО, за весь 11-летний период исследований этот индекс по государственным предприятиям был выше, чем у частных и предприятий с иностранным капиталом. В 2019 г. индекс КСО в 100 крупнейших государственных предприятиях вырос на 54,6 пункта, а индекс развития частных и с иностранным финансированием предприятий снизился на 26,0 и 17,9 пункта соответственно. Начиная с 2012 г. индекс КСО государственных предприятий устойчиво превышал показатели частных и предприятий с иностранным капиталом более, чем на 20 пунктов, что видно на рис. 3.

Государственные предприятия реализуют политику, воспринимая выполнение своих социальных обязанностей как священный долг. Это обусловлено тем, что они играют ведущую роль в реализации национальной политики и на этом основании сохраняют ряд привилегий на рынке, пользуются возможностями получать субсидии из бюджета, могут покупать сырье у других государственных предприятий по более низким ценам.

Взяв на себя ведущую роль в борьбе с бедностью, государственные предприятия с 2012 г. инвестировали более 1,6 млрд долларов в фонды бесплатной помощи населению бедных районов. Ими создан промышленный инвестиционный фонд для этих территорий размером в 2,2 млрд долларов. В сентябре 2019 г. государственные предприятия завершили третий этап сбора средств с общим объемом 4,5 млрд долларов, инвестировав при этом еще 150 млн долларов в Синьцзян, Тибет и Цинхай. Кроме этого, они пожертвовали более 600 млн долларов, содействуя местному экономическому и социальному развитию.

Почти у 70% предприятий практика КСО отсутствует. «Синяя книга» показала, что индекс менеджмента ответственности 300 крупнейших предприятий Китая составил 16,7 балла. Была выявлена только одна компания из China Resources Group, которая достигла идеального уровня, а индекс КСО 206 крупнейших предприятий был ниже 20 баллов, что относится к оценке «плохо» (см. рис. 4).

По данным «Синей книги» можно представить сравнение индекса КСО в отраслевом разрезе (см. рис. 5). По этому показателю на протяжении 11 лет лидируют предприятия электроэнергетики. В 2019 г. в десятку ключевых отраслей по индексу КСО входили предприятия электроэнергетики, банковского дела, спецтехники и др. Предприятия бытовой химии на протяжении последних лет имеют самые низкие показатели.

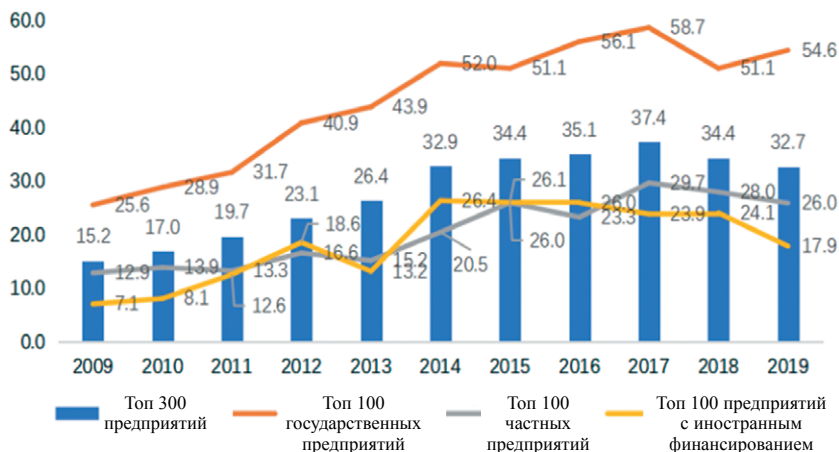

Рис. 3. Годовые изменения в индексе развития КСО за период 2009–2019 гг.
Источник: «Синяя книга корпоративной социальной ответственности предприятий Китая в 2019 г.»

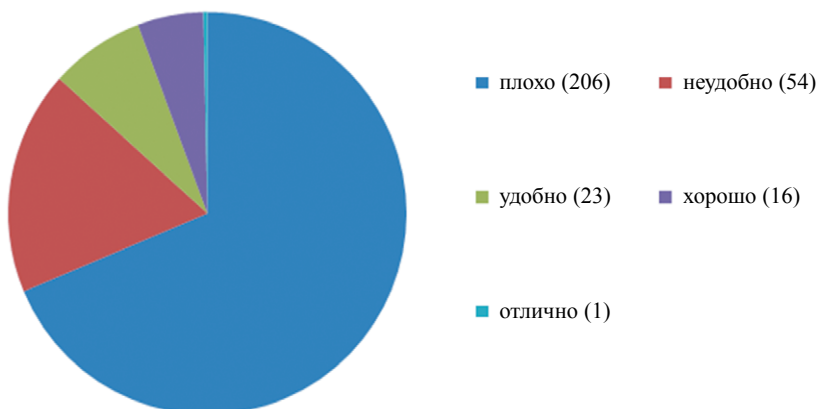

Рис. 4. Количество предприятий.
Структура компаний по оценке уровня КСО.
Источник: «Синяя книга корпоративной социальной ответственности предприятий Китая в 2019 г.»

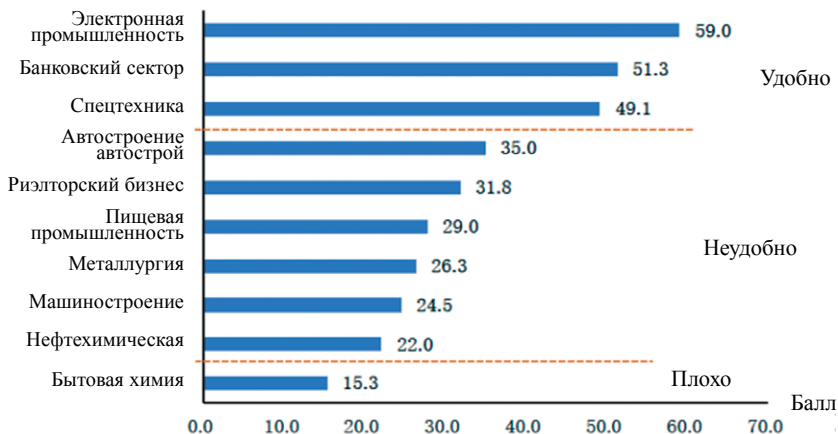

Рис. 5. Индекс развития социальной ответственности разных отраслей.

Источник: «Синяя книга корпоративной социальной ответственности предприятий Китая в 2019 г.»

Наиболее распространенными практиками КСО оказались: прямая помощь населению, особенно малоимущим, и охрана окружающей среды. Основные способы выполнения социальных обязанностей — благотворительные проекты, пожертвования, инвестиции, реагирование на решения партии и правительства, технологические инновации и другие. Вместе с тем на китайских предприятиях используются и такие нетривиальные практики как прямая помощь материалами (сырьем), строительство зданий для мелких магазинов, организация обучения онлайн-торговле, а также создание специальных платформ для продажи продукции сельского хозяйства мелких ферм.

Разработчики «Синей книги» по внедрению принципов КСО в КНР выявили необходимость развития следующих направлений по продвижению КСО на китайских предприятиях на нескольких уровнях.

На государственном уровне это принятие законов, регулирующих внедрение КСО как обязательного условия функционирования предприятия (1); государственный надзор за выполнением КСО с использованием прямого государственного вмешательства и экономического регулирования координации интересов предприятия и общества (2); создание системы оценки КСО с учетом национальных особенностей охраны окружающей среды, показателей социального развития страны, передового опыта зарубежных систем по их оцениванию (3); внедрение системы стандартизированной и всеобъемлющей сертификации КСО,

обеспечивающей беспристрастную оценку деятельности предприятий и соответствующей международным стандартам (4).

На уровне предприятия: разработка собственной концепции КСО, которая должна лечь в основу отчетности руководства предприятия перед коллективом и государственным (региональным) управлением, включая партийную ответственность. КСО должна стать естественной частью общей стратегии развития компании, иметь специальные подразделения: отделы и лица, непосредственно отвечающие за реализацию принципов на практике. КСО необходимо интегрировать в корпоративную культуру компании, сделав ее предметом постоянного изучения как в коллективе работников, так и на совещаниях руководителей.

Одним из важных методов интеграции КСО в широкие слои общества, как указывают разработчики, является популяризация ее идей в СМИ, социальной рекламе, школах и университетах. Общественность должна получить больше прав по надзору за предприятиями по поводу реализации принципов КСО, как в западных странах — с помощью неправительственных организаций и грантов. Особая роль предоставляется профсоюзам на предприятиях, которые выступают за охрану труда, социальные права и гарантии работников.

Таким образом, по данным «Синей книги» можно констатировать, что китайские предприятия достаточно серьезно включились в политику КСО. Ее важность обсуждается на разных уровнях, проводятся социологические опросы, собираются официальные статистические данные и т. д. Все это способствует выходу страны на уровень участия в международном бизнесе, хотя, безусловно, этот процесс сопровождается рядом отмеченных выше серьезных политических, экономических и социальных трудностей.

Конкретный кейс («модель Ханьин») реализации КСО

Как идеальный пример эффективного взаимодействия представителей разных групп интересов стало преодоление многолетнего конфликта жителей деревни Ханьин с представителями Юньнаньской фосфатной корпорации. Эта ситуация была изучена китайскими исследователями Yunnan Phosphate Group и получила название «модель Ханьин»⁴. Целью изучения стало выявление разных этапов взаимоотношений между

⁴ «Модель Ханьин» — исследование об отношениях между корпоративной социальной ответственностью и отношениями между предприятиями и сообществами проведено Yunnan Phosphate Group на фосфатном руднике Кунянь в 2009 г.

предприятием и территорией, где оно находится, анализ процесса их урегулирования.

Корпорация была создана на базе карьера шахты фосфорного рудника Кунян, который был основан в 1965 г. На период обследования на нем работало 890 человек, и он производил 15 миллионов кубометров руды в год. Шахта расположена в 72 километрах к юго-западу от города Куньмин провинции Юньнань, территориально включая деревню Ханьин, в которой имелось 1123 домашних хозяйства и проживало 2870 сельских жителей. Она занимала площадь в 20 квадратных километров, используя для сельскохозяйственных работ 150 гектаров пахотных земель и 1700 гектаров леса. В 2014 г. чистый доход фермеров на душу населения составил 1200 долларов США. С ростом объемов добычи руды разработка карьера требовала использования территории деревни, которая сопровождалась постоянными конфликтами между администрацией корпорации и аграриями. За период 1993–2004 г. вспыхнули 13 крупных конфликтов и 22 мелких.

Исследуя этот кейс, ученые выявили три стадии взаимодействия, которые можно рассматривать как типичные для политики КСО в Китае.

На первой стадии — конфликт (1965–1993 гг.), который развивался между предприятием и местной колхозной общиной, когда доминировали плановые методы управления, — интересы региона практически не учитывались, в приоритете были государственные и национальные. Главная задача администрации рудника состояла в том, чтобы выполнить план и выдать максимальный объем руды, практически не заботясь о том, что нарушаются права жителей и экология района.

На второй стадии (1994–2003 гг.) рудник Кунян стал коммерческим предприятием. Он, хотя и выполнял план, но исходя из рыночных невыгодных цен и не получая государственной поддержки, стал работать в убыток. Будучи убыточным, предприятие не имело возможности заботиться о населении и территории, что приводило к частым конфликтам.

На третьей стадии развития отношений (2004 г. — настоящее время) по мере того как рудник наращивал свою прибыль, его управление становилось более ответственным. Руководители как предприятия, так и местной общины проявили взаимный интерес и готовность к улучшению отношений. Администрация рудника стала рассматривать деревню Ханьин как заинтересованную сторону. Если сначала обязанности администрации сводились к выполнению моральных обязательств перед работниками, в большинстве — жителями деревни, и благотворительности, то затем круг ее забот распространился на всю экономическую сферу. Жители деревни также стали реализовывать свое

право на участие в делах рудника. Благодаря активной взаимопомощи предприятие повысило доверие к себе со стороны жителей деревни, получив их поддержку в действиях, направленных на развитие предприятия. Корпорация стала вводить практики политики КСО: поиск взаимных выгод и компромиссов, выполнение социальных обязательств и др. (см. рис. 6).

Рис. 6. «321» — схема модели Ханьин

Китайские ученые указывают на то, что «Модель Ханьин» можно использовать как образец устойчивого развития отношений между предприятием и местной властью, известный как способ «321», состоящий из звеньев — экономика, окружающая среда и культура, где:

«3» — это трехступенчатый механизм общинного экономического строительства. Он включает в себя разного рода экономические компенсации, инженерный аутсорсинг и общее сотрудничество. В этом процессе рудник Куньян стал не только сторонником общинного экономического строительства, но его партнером и помощником. Деревня Ханьин, в свою очередь, изменилась, превратившись из территории, где сельское хозяйство абсолютно доминировало, в район с разносторонними моделями экономической деятельности. Она стала в дополнение к сельскому хозяйству развивать сферу услуг, используя компенсации от рудника.

«2» — две стороны общинного строительства: с одной стороны, это строительство экологической среды, с другой — строительство жизненной среды. Обе улучшают качество окружающей среды деревни Ханьин.

«1» — возникло общинное культурное строительство, включая медицинские услуги и культурные мероприятия. Это улучшило относительно отсталую медицинскую систему в деревне, обогатило культурную жизнь жителей и способствовало эмоциональной коммуникации между жителями и предприятиями. Экономика, создание инфраструктуры услуг и культурное строительство поддерживают друг друга, образуя круговую систему устойчивого развития.

В результате многих лет поиска взаимных выгод и компромиссов были установлены тесные корпоративные и общественные отношения, а протестированные практики КСО стали использоваться и другими сырьевыми производителями в качестве модели.

Российские практики формирования политики КСО

В России также внедряются отдельные практики КСО в деятельность бизнес-структур, прежде всего — крупнейших компаний. Но в отличие от Китая разработка КСО не стала еще составляющей в стратегии развития компаний. Регулярная база данных по КСО в сфере бизнеса не создается, а сведения об отдельных практиках, как правило, не предоставляются общественности в полном объеме. Ее результаты могут отслеживаться на уровне неправительственных организаций, независимых профсоюзов, групп потребителей и местных экологических сообществ. Однако эти организации еще не обладают функциями и правами серьезного контроля. Информация о случаях коррумпированности, мошенничества и неэтичного разрешения трудовых конфликтов на предприятиях, нарушении стандартов окружающей среды может быть получена в основном из СМИ. Она не поощряется администрацией компаний, поскольку нередко наносит серьезный ущерб репутации корпорации, вызывает дополнительные сложности при подписании международных контрактов, установлении партнерских отношений и сотрудничестве. Например скандалы вокруг корпораций «Норникель», «Русал»⁵, строительства мусорных полигонов и другие нанесли серьезный материальный и репутационный ущерб многим известным компаниям.

⁵ В 2020 г. деятельность этих компаний сопровождалась рядом экологических катастроф, а конфликты со строительством полигонов, например, в Шиесе, решались на правительственном уровне.

До последнего времени реализация КСО руководством российских компаний рассматривалась как обязанность дисциплинированной уплаты налогов и исполнение российских законов. Но в настоящее время практически все крупные предприниматели сходятся во мнении, что администрация должна более внимательно работать с коллективом компании, следить за влиянием результатов и роли собственного бизнеса на общество, заботиться о позитивном имидже. Это способствует более эффективному развитию компании, повышению безопасности и устойчивости бизнеса, улучшению финансовых результатов. Участие в деятельности по КСО и соблюдение ее международных требований и стандартов обеспечивает возможность компаниям более успешно выходить на международный рынок.

В России результаты действия практик КСО проявляются прежде всего в участии отдельных компаний в социальных, образовательных или культурных программах для молодежи, акциях благотворительности. Государство и общество всемерно заинтересованы в росте социальной и экономической стабильности, увеличении средств и эффективности политики социальных программ и благотворительных проектах. Бизнес же, стимулирующий рост собственных прибылей и покупательскую способность населения, поддерживает государственную политику в отношении коммерческих структур. Он также заинтересован в общественном признании и позиционировании компаний, придерживающихся стандартов КСО и осуществляющих социальные инвестиции в общественно значимые мероприятия (фестивали, чемпионаты, конкурсы и т. д.). Представители бизнеса осознают, что социальная ответственность не является чистой благотворительностью или PR-кампанией, а служит системой управления предпринимательскими рисками, что укрепляет конкурентоспособность, повышает эффективность персонала и лояльность потребителей, улучшает репутацию компаний. Соблюдение баланса интересов заинтересованных сторон создает позитивный вклад предпринимательского сообщества в экономическое и социальное развитие территорий своего присутствия. Все это обуславливает включение принципов КСО в разработку долгосрочных стратегий компаний и корпораций, рост их стоимости как внутри страны, так на мировых рынках (Цей 2010; Тумилевич 2012; Козлова 2013).

В России наиболее продвинутыми в реализации принципов КСО оказываются крупные и крупнейшие корпорации преимущественно в добывающих отраслях, например «Роснефть», «Газпром», «Татнефть», «Русснефть», «Башнефть», ЛУКОЙЛ, компании автопрома и др.

Результаты их корпоративной социальной политики особенно заметны в социальных, культурных и образовательных программах, о чем нередко информируют СМИ. В анализе информационных документов или сайтов, представляющих компании, прослеживается интеграция КСО в стратегию развития компании на долгосрочную перспективу. Однако отсутствие комплексной базы данных по мониторингу КСО в ведущих кампаниях, подобно «Синей книге» в Китае, «Зеленой книге», опубликованной Европейской комиссией, крайне затрудняет такой сравнительный анализ.

В заключение следует сказать, что исследование зарубежного и российского опыта развития политики КСО показало: соблюдение ее принципов становится мировым трендом и оказывается одним из основных условий успешного вхождения в мировой рынок.

Источники

Бикеева М. В. Опыт компаний Европейского Союза в реализации корпоративной социальной ответственности // Экономические исследования и разработки. — 2017. — № 6. — С. 70–76.

Воеводкин Н. Ю. Социальная ответственность в системе корпоративного управления // ARS ADMINISTRANDI. — 2011. — № 4. — С. 45–54.

Гонтарь Н. В., Кижжикина В. В. ТНК и крупный бизнес: роль в формировании уровня жизни населения (на примере Ростовской области) // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. — 2014. — № 12. — С. 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tnk-i-krupnyy-biznes-rol-v-formirovanii-urovnya-zhizni-naseleniya-na-primere-rostovskoy-oblasti> (дата обращения: 20.08.2020).

Гриффин Р., Пастей М. Международный бизнес: Пер. с англ. / Под ред. А. Г. Медведева. — 4-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — С. 534–535.

Канаева О. А. Корпоративная социальная ответственность: эволюция теоретических взглядов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. — 2013. — № 2. — С. 133–138.

Каретина Г. С. Конфуцианство в процессе модернизации Китая // Известия Восточного института. — 2015. — № 2 (26). — С. 3–9.

Козлова Н. П. Благотворительность и репутационный потенциал компании [Электронный ресурс] // Управленческие науки. — 2013. — № 4 (9). — С. 33–40. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnost-i-reputatsionnyy-potentsial-kompanii> (дата обращения: 13.02.2020).

Маслов А. А. Наблюдая за китайцами: скрытые правила поведения. — М.: РИПОЛ классик, 2010. — 282 с.

Околеснова О. А. Субъекты информационно-правовых отношений в сфере общественного контроля // Государственная власть и местное самоуправление. — 2014. — № 6. — С. 22–26.

Остапенко Г. Ф. Корпоративная социальная ответственность: Учебное пособие [Электронный ресурс]. — Пермь: Изд-во Пермского нац. исслед. политехнического ун-та, 2012. — 112 с. — URL: https://studbooks.net/1502235/management/teoreticheskie_aspekty_korporativnoy_sotsialnoy_otvetstvennosti_organizatsiy_aerokosmicheskoy_sfery (дата обращения: 19.08.2020).

Пономарев С. В. Корпоративная социальная ответственность в Европе: что нужно знать предпринимателю, выходящему на европейские рынки: Методическое пособие. // Пермская торгово-промышленная палата [сайт]. — 2014 — URL: http://www.dialog-urfo.ru/_templates/docs/kso-in-europe.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

Савина Т. Н. Критерии оценки социально ответственного поведения бизнеса (теория, методология, практика). — Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2017. — 168 с.

Тульчинский Г. Л. Корпоративная социальная ответственность: технологии и оценка эффективности: Учебник и практикум для академического бакалавриата. — М.: Юрайт, 2015. — 338 с.

Тумилевич Е. Н. Построение системы корпоративной социальной ответственности в компании // Российское предпринимательство. — 2012. — № 23. — С. 30–37.

Цей С. А. Корпоративная социальная ответственность путь к устойчивому развитию // Новые технологии. — 2010. — № 2. — С. 112–120.

Цинь Хаожань. Акционерная кооперативная собственность в Китае // Инновации в науке и практике: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции 27 мая 2018. — Барнаул: Вестник науки, 2018. — Ч. 5 (5). — С. 220–229.

Dashwood H. S. Towards sustainable mining The corporate role in the construction of global standards // Multinational Business Review. — 2007. — Vol. 15, No. 1. — P. 47–66.

Fridman M. The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits. // The New York Times Magazine. — 1970. — Sept. 13. — P. 173–178. — DOI: 10.1007/978-3-540-70818-6_14.

Grayson D. Hodges A. Corporate Social Opportunity! Seven Steps to Make Corporate Social Responsibility Work for Your Business. — Shefeld: Greenleaf Publishing, 2004. — 186 p.

Hutchins M. J., Walck C. L., Sterk D. P. Corporate social responsibility: A unifying discourse for the mining industry? // Greener Management International. — 2007.— No. 52. — P. 17–30.

Johnson T. Environmentalism and NIMBYism in China: Promoting a rules-based approach to public participation // Environmental Politics. — 2010. — Vol. 19, No. 3. — P. 430–448.

Munilla L., Miles M. The corporate social responsibility continuum as a component of stakeholder theory // *Business Society Review*. — 2005. — Vol. 110, No. 4. — P. 371–387.

Porter M. Strategy and society: The link between competitive advantage and corporate social responsibility // *Harvard Business Review*. — 2006. — No. 84 (12). — P. 78–92.

Tuo Dong, Li-Juan Zhang. A brief analysis of the impact of Internet opinion on the development of entrepreneurship // *Communication Analysis*. — 2014. — (15). — P. 224.

Whitehouse L. Corporate social responsibility corporate citizenship and the global compact a new approach to regulating corporate social power? // *Global Social Policy*. — 2003. — Iss. 3, No. 3. — P. 299–318.

Zhang Qingmin, Wu Chunmei, Lu Xiaofeng. Research on the reputation of the corporate network in terms of product quality and safety online. Public opinion // *Guangdong Economic Management*. — 2014. — No. 8. — P. 97–109.

案例份折 [Аньли Фэньчжэ]. 跨文化商务交流 [Кросс-культурные бизнес-коммуникации: случаи и анализ]. —北京：对外经济贸易大学出版社, 2007. — 310与.

万婷 [Вань Тун]. 我国民营企业发展存在的问题与对策 [Проблемы и оценки в развитии частных предприятий в Китае] // 商业研究 [Бизнес-исследования]. 2004. — (9).1. — 与37 – 46.

年中国企业社会责任蓝皮书 2018 [Синяя книга социальной ответственности предприятий Китая в 2018 г.] / 中国社会科学院经济与企业社会责任研究中心, 评估中国企业社会责任活动的水平和具体情况.—北京, 2018. — 450与.

年中国企业社会责任蓝皮书 2019 [Синяя книга социальной ответственности предприятий Китая в 2019 г.] / 中国社会科学院经济与企业社会责任研究中心, 评估中国企业社会责任活动的水平和具体情况.—北京, 2019 — 378与.

中华人民共和国统计书 [Статистический сборник правительства Китайской Народной Республики] — URL: <http://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 18.08.2020).

张大忠、许文忠、孟芳池 [Чжан Дачжун, Сюй Вэньчжун, Мэн Фанчи]. 中国创业文化词典 [Словарь китайской культуры предпринимательства]. —北京: 现代中国出版社, 1999. — 220与.

杨萍 [Ян Пин]. 为私营企业融资的困难和克服这些困难的措施 [Трудности в финансировании частных предприятий и меры преодоления] // 四川金融 [Сычуаньские финансы]. — 2006. — 与24 – 36.

References

Anli Fenshe. *Kuawenhua shangwu jiaoliu* [Cross-cultural Business Communications: Cases and Analysis]. Pekin, 2007, 310 pp. (In Chinese)

Bikeeva M. V. Opyt kompaniy Evropeyskogo Soyuzu v realizatsii korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti [The experience of European Union companies in the implementation of corporate social responsibility]. *Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki* [Economic research and development], 2017, no. 6, pp. 70–76. (In Russian)

Dashwood H. S. Towards sustainable mining: The corporate role in the construction of global standards. *Multinational Business Review*, 2007, vol. 15 (1), pp. 47–66.

Fridman M. The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits. *The New York Times Magazine*, 1970, Sept. 13, pp. 173–178. DOI: 10.1007/978-3-540-70818-6_14.

Gontar' N. V., Kizhikina V. V. TNK i krupnyy biznes: rol' v formirovani urovnya zhizni naseleniya (na primere Rostovskoy oblasti) [TNCs and big business: role in shaping the living standards of the population (on the example of the Rostov region)]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Management of economic systems: Electronic scientific journal], 2014, no. 12, pp. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tnk-i-krupnyy-biznes-rol-v-formirovani-urovnya-zhizni-naseleniya-na-primere-rostovskoy-oblasti> (access date: 20.08.2020). (In Russian)

Grayson D., Hodges A. *Corporate Social Opportunity! Seven Steps to Make Corporate Social Responsibility Work for Your Business*. Sheffield: Greenleaf Publishing, 2004. 186 p.

Griffin R., Pastey M. *Mezhdunarodnyy biznes* [International Business]. Ed. by A. G. Medvedeva. Saint Petersburg, Piter, 2006, pp. 534–535. (In Russian)

Hutchins M. J., Walck C. L., Sterk D. P. Corporate social responsibility: A unifying discourse for the mining industry? *Greener Management International*, 2007, no. 52, pp. 17–30.

Johnson T. Environmentalism and NIMBYism in China: Promoting a rules-based approach to public participation. *Environmental Politics*, 2010, vol. 19 (3), pp. 430–448.

Kanaeva O. A. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': evolyutsiya teoreticheskikh vzglyadov [Corporate social responsibility: the evolution of theoretical views]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Saint Petersburg University Bulletin], Series 5: Economy, 2013, no. 2, pp. 133–138. (In Russian)

Karetina G. S. Konfutsianstvo v protsesse modernizatsii Kitaya [Confucianism in the process of modernization of China]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [News of the Eastern Institute], 2015, no. 2 (26), pp. 3–9. (In Russian)

Kozlova N. P. Blagotvoritel'nost' i reputatsionnyy potentsial kompanii [Charity and reputation potential of the company]. *Upravlencheskie nauki* [Management Sciences], 2013, no. 4 (9), pp. 33–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnost-i-reputatsionnyy-potentsial-kompanii> (access date: 13.02.2020). (In Russian)

Maslov A. A. Nablyudaya za kitaytsami: skrytye pravila povedeniya [Watching the Chinese: Hidden Rules of Conduct]. Moscow, RIPOL klassik, 2010, 282 p. (In Russian)

Munilla L., Miles M. The corporate social responsibility continuum as a component of stakeholder theory. *Business Society Review*, 2005, vol. 110 (4), pp. 371–387.

Nian Zhongguo qi ye lanpi shu 2018 [2018 China Enterprise Social Responsibility Blue Book]. Center for Economic Research and Corporate Social Responsibility of the Chinese Academy of Social Sciences to assess the level and specificity of CSR in Chinese campaigns. Pekin, 2018, 450 p. (In Chinese)

Nian Zhongguo qi ye lanpi shu 2019 [2019 China Enterprise Social Responsibility Blue Book]. Center for Economic Research and Corporate Social Responsibility of the Chinese Academy of Social Sciences to assess the level and specificity of CSR in Chinese campaigns. Pekin, 2019, 378 p. (In Chinese)

Okolesnova O. A. Sub"ekty informatsionno-pravovykh otnosheniy v sfere obshchestvennogo kontrolya [Subjects of information and legal relations in the field of public control]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local government], 2014, no. 6, pp. 22–26. (In Russian)

Ostapenko G. F. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': Uchebnoe posobie* [Corporate social responsibility: Textbook. Allowance]. Perm, Perm National Research Polytechnic University Press, 2012, 112 p. URL: https://studbooks.net/1502235/management/teoreticheskie_aspekty_korporativnoy_sotsialnoy_otvetstvennosti_organizatsiy_aerokosmicheskoy_sfery (access date: 19.08.2020). (In Russian)

Ponomarev S. V. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' v Evrope: chto nuzhno znat' predprinimateley, vyhodyashchemu na evropeyskie rynki: Metodicheskoe posobie* [Corporate social responsibility in Europe: what an entrepreneur needs to know when entering European markets: Methodological guide]. Perm, 2014. URL: http://www.dialog-urfo.ru/_templates/docs/ks0-in-europe.pdf (access date: 20.08.2020). (In Russian)

Porter M. Strategy and society: The link between competitive advantage and corporate social responsibility. *Harvard Business Review*, 2006, no. 84 (12), pp. 78–92.

Qin Haoran S. Vksionernaya kooperativnaya sobstvennost' v Kitae [Joint-stock cooperative property in China]. *Innovatsii v nauke i praktike: Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 27 maya 2018*. [Innovation in science and practice. Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference on May 27, 2018]. Barnaul, Science Bulletin, 2018, part 5 (5), pp. 220–229. (In Russian)

Savina T. N. *Kriterii otsenki sotsial'no otvetstvennogo povedeniya biznesa (teoriya, metodologiya, praktika)* [Criteria for assessing socially responsible business behavior (theory, methodology, practice)]. Saransk, Ogarev Mordovia State University Press, 2017, 168 p. (In Russian)

Tsey S. A. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' put' k ustoychivomu razvitiyu [Corporate social responsibility the way to sustainable development]. *Novye tekhnologii* [New technologies], 2010, no. 2, pp. 112–120. (In Russian)

Tul'chinskiy G. L. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': tekhnologii i otsenka effektivnosti: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Corporate Social Responsibility: Technology and Performance Evaluation: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree]. Moscow, Yuray, 2015, 338 p. (In Russian)

Tumilevich E. N. Postroenie sistemy korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti v kompanii [Building a system of corporate social responsibility in the company]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2012, no. 23, pp. 30–37. (In Russian)

Tuo Dong, Li-Juan Zhang. A brief analysis of the impact of Internet opinion on the development of entrepreneurship. *Communication Analysis*, 2014, (15), p. 224.

Voevodkin N. Yu. *Sotsial'naya otvetstvennost' v sisteme korporativnogo upravleniya* [Social responsibility in the corporate governance system]. *ARS ADMINISTRANDI*, 2011, no. 4, pp. 45–54. (In Russian)

Wan Ting. Woguo minyingqiye fazhan cunzai de wenti yu duice [Problems and Assessments in the Development of Private Enterprises in China]. *Shangye yanjiu* [Business research], 2004, vol. 9 (1), pp. 37–46. (In Chinese)

Whitehouse L. Corporate social responsibility corporate citizenship and the global compact a new approach to regulating corporate social power? *Global Social Policy*, 2003, vol. 3 (3), pp. 299–318.

Yang Ping. Wei siyingqiye rongzi de kunnan he kefu zhexie kunnan de cuoshi [Difficulties in financing of private enterprises and overcoming measures]. *Sichuan jinrong* [*Sichuan Finance*], 2006, pp. 24–36. (In Chinese)

Zhang Dazhong, Xu Wenzhong, Meng Fangchi. *Zhongguo chuangye wenhua cidian* [*Dictionary of Chinese Entrepreneurship*]. Pekin, Contemporary Chinese Press, 1999, 220 pp. (In Chinese)

Zhang Qingmin, Wu Chunmei, Lu Xiaofeng. Research on the reputation of the corporate network in terms of product quality and safety online. Public opinion. *Guangdong Economic Management*, 2014, no. 8, pp. 97–109.

Zhonghua renming tongji shu [*Statistical Digest of the Government of the People's Republic of China*]. URL: <http://www.stats.gov.cn/> (access date: 18.08.2020.) (In Chinese)

Еремичева Галина Васильевна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором социоурбанистики, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Eremicheva Galina V., PhD, Leader Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
Eremag@mail.ru

Меньшикова Галина Александровна, кандидат экономических наук, доцент факультета социологии СПбГУ.

Menshikova Galina A., PhD, Associate Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University.
menshikova.g.a@mail.ru

Цинь Хаожань, выпускник магистратуры факультета социологии СПбГУ.

Qin Haoran, Master Graduate, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University.
1244887902@qq.com

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-13-14.wmt0-7638

Г. В. Каныгин, М. С. Полтинникова

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ СИНТЕЗА ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Социологическое знание создается социологами, которые так или иначе вынуждены интерпретировать латентное знание разнообразных акторов. В попытке преодоления этих проблем развивались формальные методы нечисловой статистики и неформальные методы в виде литературных теорий. Тем или иным способом эти подходы моделировали социальное знание, которое, собственно, и изучается социологами. Однако развитые компьютерные платформы для разнообразной коммуникации позволяют создавать приложения, позволяющие социальным акторам самостоятельно описывать свое латентное знание и тем самым формировать социальное знание. В данной статье описывается, как можно устанавливать связи между отдельными аспектами знания с помощью созданной авторами программой *Diagogue* на примере концептуализации аннотации статьи.

Ключевые слова: социологическое знание, социальное знание, неявное знание, терминологический граф, ветвление, семантическая сеть.

KANYGIN GENNADIY V., POLTINNIKOVA MARIA S.

SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE AS A RESULT OF THE SYNTHESIS OF FORMAL AND INFORMAL METHODS OF STUDYING SOCIETY

Sociological knowledge is created by sociologists who, in one way or another, are forced to interpret latent knowledge of various actors. In an attempt to overcome these problems, formal methods of non-numerical statistics and informal methods in the form of literary theories developed. In one way or another, these approaches have modeled social knowledge, which is actually studied by sociologists. However, advanced computer platforms for a variety of communication make it possible to create applications that allow social actors to independently describe their latent knowledge and thereby form social knowledge. This article describes how you can

establish connections between certain aspects of knowledge using the program *Diagogue* created by the authors, using the example of conceptualizing an article annotation.

Keywords: sociological knowledge, social knowledge, implicit knowledge, terminological graph, branching, semantic network.

Введение

Не вызывает сомнений то, что социологическое знание, как знание об обществе, создается специально обученными авторами, которых называют социальными учеными или социологами. Социологи разрабатывают терминологию, методы исследования, методики применения и другие санкционированные научной традицией способы описания социальной действительности, предназначенные для осмысления процессов, происходящих в обществе в целом или в отдельных его сферах. Можно сказать, что социологическое знание моделирует социальное знание, которое характеризует гигантский объем информации, возможность создавать знания участниками социальной коммуникации, разнообразие представлений об одном и том же событии у разных граждан.

Социальное знание как знание об обществе строится не только социологами и не столько ими, сколько всеми заинтересованными участниками социальных процессов. Такое построение требует новых инструментов на основе коммуникационных ресурсов, которые рядовые участники социальной коммуникации смогут применять коллективно. Для построения социального знания необходимо, чтобы участники социальной коммуникации могли самостоятельно отслеживать свои компетентности, эффективно ассистировать при согласовании разных представлений об одном и том же общественном феномене, наглядно выражать свое знание и т. п.

В таких условиях социальное знание будет создаваться коллективно сообществом социальных акторов, при этом каждый актор сформирует свое латентное знание в виде интуитивно понятных графовых структур. От разработчика такой коммуникационной среды требуется предусмотреть правила согласования и проверки связности таких структур, позволяющие объединять их в конфигурации соответственно задаче, решаемой соответствующим сообществом (Каныгин и др. 2017).

Социологические исследования в рамках количественных методов приводят к задачам математической статистики. Сама математическая статистика развивалась благодаря проблемам, которые формулировались

для разнообразных прикладных целей, в частности, в области социологии. Примером может служить нечисловая статистика. Оригинальный математический аппарат этой области математики доставляет нам знание того, какие рассуждения на нечисловых шкалах математически допустимы и приводят к корректным результатам исследования, а какие нет (Андреевков, Толстова 1985: 7–28).

В то же время исследования в рамках качественных методов всегда проводились вне каких-либо математических моделей. Это связано с тем, что качественные методы часто применяются тогда, когда исследователь имеет нечеткое интуитивное представление о предмете исследования и хочет составить качественно верное представление о нем (Ядов 1991).

Следуя классике социальной методологии П. Лазарсфельду, введем термин «imagey», который обозначает смутное представление человека о чем-либо, что предшествует научным определениям исследователя (Swedberg 2018). В современных дискуссиях по проблемам управления знаниями идея imagey приняла вид деления знания о чем-либо на неявное (латентное, неэксплицитное, неформальное, tacit) и явное (эксплицитное, формальное, explicit) (Расков 2007: 34–57). Однако такое деление остается весьма условным, зависящим от неявных предпосылок носителя знания. «Tacit knowledge is highly personal, context-specific, and is difficult to formalize» (Haradhan Kumar 2016: 8).

Как показывает сложившаяся практика функционирования социологического знания, современным способом выражения исследовательского imagey в социологии является его текстовое воспроизведение с помощью естественного языка. Этот способ применяется как в контактных методах, например при опросах или интервью, так и при создании знания об обществе социологами, например в виде научных статей или докладов на конференциях.

Выражая свое imagey с помощью естественного языка в виде текста, человек оставляет на усмотрение «получателя» своего знания выделение отдельных аспектов и установление связей между ними. Текст в качестве выражения imagey не показывает явно, какие отдельные аспекты знания подразумевает его носитель и не демонстрирует в наглядной форме, каковы связи между подразумеваемыми аспектами.

Проблема выражения неявного знания его носителем не связана с уровнем знания — общество в целом, отдельные организации, повседневное общение и т. п. Это исключительно методологическая проблема, обусловленная сложившейся практикой использования естественного языка для описания социальных процессов в виде текста.

И социолог-теоретик, и социолог-практик, равно как их респонденты или другие источники социальной информации, представляют эту проблему через описание своего неявного знания в виде текста.

Мы предлагаем носителям знания методы, которые позволяют им явно формулировать краткие фрагменты текста из отдельных аспектов неявного знания и наглядно указывать связи между созданными формулировками (Kanygin, Poltinnikova 2019). Взамен текста при выражении своего *imagery* носитель знания создает терминологический граф, наглядно демонстрирующий скрытые коннотации неявного знания. Узлами сетей служат словесно выраженные самим человеком отдельные аспекты естественно-языкового знания, а ребра наглядно демонстрируют семантические связи между такими аспектами (Каныгин, Полтинникова 2016).

Аспекты знания

Выше сказано, что проблема выражения неявного знания его носителем обусловлена только текстом, представляющем *imagery* с помощью естественного языка, и не зависит от сложности описываемой ситуации. Мы рассмотрим всем понятный пример аннотации к статье и проследим возможные техники преобразования неявного знания автора в терминологический граф.

Что является отдельными и, с нашей точки зрения, очевидными аспектами неявного знания, обусловленного самой ситуацией? Чтобы ответить на этот вопрос, читатель (в том числе и автор текста) должен понять написанное, т. е. разложить текст на отдельные составляющие и как-то соотнести со своим латентным прообразом.

Предлагаемые ГКОО методы предполагают, что такое распознавание должно выполняться автором текста в процессе его создания. Прочие читатели естественно-языкового сообщения должны видеть результаты подобной декомпозиции в виде терминологического графа, связывающего отдельные фрагменты текста, которые представляют собой вершины графа. Тем самым мы не используем предположения о существовании некоего «объективного контента» текста, который может быть распознан как человеком, так и некими алгоритмами. Текст, как любой другой результат применения естественного языка в описательных целях, это «субъективное конструирование» отдельных аспектов существующих или воображаемых социальных ситуаций, осуществляемых носителем знания. Разными реципиентами текст понимается по-разному. И сам автор понимает свой текст по-разному в разные моменты его интерпретации (Bazeley 2012).

Принимая такую посылку, мы предлагаем автору знания выражать его в виде терминологического графа, который представляет *imagery* как совокупность отдельных самостоятельных обозначений и связей между ними. Таким образом значительно проясняется неявное знание для самого автора, становится возможной визуальная проверка связности и принципиально упрощается «задача распознавания» для всех реципиентов знания, т. к. автор представляет свои неясные образы в виде структуры, наглядно представляющей связи *imagery*. Как следствие, повышается «концептуальная ответственность» автора знания за его явное представление.

На обыденном уровне подобное предложение кажется надуманным призывом, усложняющим человеку изложение очевидных для него вещей и событий. Но на уровне социальной коммуникации реализация этих предложений ведет к новым способам представления и контроля социальной информации. При этом, чем большими объемами такой информации оперирует сообщество ее носителей, тем более эффективным оказывается применение разрабатываемых нами методов.

Установление связей между отдельными аспектами знания

Рассмотрим в качестве примера аннотацию к статье Арнасона «Цивилизационные модели и цивилизационные процессы»: «The notion of civilization has from the outset had a double meaning: unitary and pluralistic. Both aspects were important to the development of the social sciences, but attempts to theorize them at the level of basic concepts are of relatively recent date and the results still controversial. While the idea of civilization in the singular found its most seminal expression in Norbert Elias's analysis of the civilizing process, classical sociology did not go beyond inconclusive reflections on civilizations in the plural, and a more explicit frame of reference for comparative analyses has only begun to take shape in the last few decades...» — «Понятие цивилизации с самого начала имело два значения: унитарное и плюралистическое. Оба аспекта были важны для развития общественных наук, но попытки теоретизировать их на уровне базовых понятий относительно новы, а результаты по-прежнему противоречивы. В то время как сама по себе идея цивилизации нашла свое наиболее оригинальное выражение в анализе цивилизационного процесса Норбертом Элиасом, классическая социология не выходила за рамки неубедительных размышлений о цивилизациях во множественном числе, а более четкая система отсчета для сравнительного анализа только начала принимать форму в последние несколько десятилетий...»

В этом тексте Арнасон озвучивает проблему противоречивости исследовательских утверждений и непродолжительность самих исследований.

Выделим первоначальные очевидные отдельные аспекты знания, например: *предметная область*, *концептуальная реконструкция*, *авторская формулировка*, *особенности предмета исследования*, *актуальность предметной области*. В составе наших методов такие обозначения называются понятиями. Теперь отметим, что приведенный текст фактически устанавливает отношения между выделенными аспектами, предполагая некую ситуацию, описываемую указанными понятиями как единым целым. Мы считаем, что предметная область с точки зрения автора — это понятие цивилизации, но не в имеющихся ранее смыслах, а в новом, который автор собирается объяснить, смысле. В результате первоначального анализа мы строим двухуровневое дерево как на рисунке 1. Такие деревья (они называются ветвлениями) может строить и сам автор текста. Из них, как из кубиков Лего, в автоматизированном режиме выстраивается терминологический граф.

Понятно, что сам текст никак не контролирует, в какой степени высказанное утверждение соответствует такой ситуации, которая представлена в неявном знании автора текста и выражается с помощью последнего. Подобная ситуация может оказаться как реальной, хранящейся в голове человека, так и сконструированной им из привходящих побуждений. Каковой она является на самом деле, всегда проверяется с помощью соответствующей социальной практики.

Мы также никак не претендуем на то, что получаемый терминологический граф имеет способы проверки своей релевантности в некой реальной ситуации или определенной сфере деятельности. Такая оценка осуществляется только с помощью соответствующей социальной практики. Но принципиально важно для результативности самой практики — с помощью каких средств ее организовать. Ввиду огромной массы конкретных отношений, затрагиваемых такой практикой, и противоречивости социологических высказываний, с помощью которых она описывается (Arnason 2001), выражение *imagery* носителей знания об обществе с помощью текста не приветствуется как научный метод (Алле 1994).

Предлагаемый нами способ связывания инструментально похож на создание структуры папок пользователем Windows. Но существует принципиальная особенность: общая структура знания в виде единого графа в наших методах не создается пользователем вручную, а генерируется автоматически на основе отдельных локальных связей понятий (ветвлений) в неограниченном числе вводимых пользователем при изъяснении своего *imagery*. На возможность такой генерации не влияет количество ветвлений, созданных пользователем.

Рис. 1. Пример ветвления

Рис. 2. Терминологический граф, явно представляющий связи отдельных аспектов знания — понятий — в виде их пар и отношений «один ко многим» между парами понятий

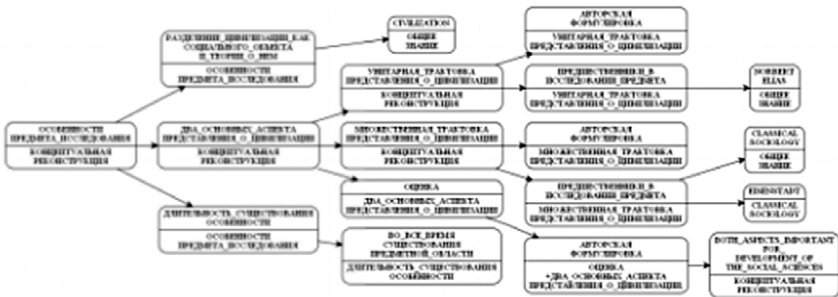

Рис. 3. Вторая ветка терминологического графа, нарисованная слева направо

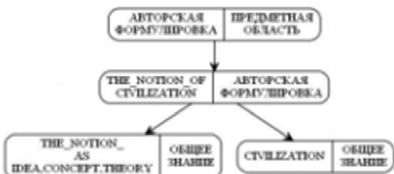

Рис. 4. Первая ветка терминологического графа

Рис. 5. Третья ветка терминологического графа

Результат генерации — единый граф всех понятий, называемый терминологическим, позволяет пользователю увидеть, в какой мере связным и полным является его латентное знание любого объема, представленное в виде отдельных ветвлений.

Еще одной непривычной особенностью предлагаемых методов является неформальное использование естественно-языковых коннотаций, различаемых человеком в кратких текстовых обозначениях, выражающих отдельные аспекты его неявного знания, в процессе формирования терминологических графов, представляющих неявное знание как единое целое.

Пояснить эти особенности на примере можно, объясняя, из каких практических посылок и каким инструментальным образом текст примера приводит к разрастающимся семантическим сетям, представленным терминологическими графами. В процессе пояснений мы используем две компьютерные программы: *Diagogue*, разработанную нами, и *Graphviz*, программу отрисовки графа, представленного на языке описания графов.

Рисунок 1 — это ветвление, с которого начинается построение терминологического графа. Пока это простой двухуровневый ориентируемый граф, вершины которого состоят из пар терминов: первый термин представляет собой интересующее нас понятие, а второй — контекст, в котором это понятие рассматривается. Предполагается, что автор уже задал какое-то количество ветвлений и правил согласования контекстов, после чего программа автоматически сгенерировала граф, как на рисунке 2.

На рисунках 4, 3 и 5 крупным планом показаны ветки ниже первого уровня терминологического графа. Средняя ветка повернута слева направо для лучшей читаемости.

Для устранения неоднозначности высказываний используются следующие принципы:

- Строгое соблюдение контекста высказывания в процессе естественно-языкового описания чего-либо. Контекстом является не фрагмент текста или подразумеваемая ситуация, а конкретное ранее сделанное утверждение самого человека (автора естественно-языкового описания чего-либо). Фиксация контекста возлагается на автора, а не на реципиента высказывания.
- Визуальное представление связей всего множества естественно-языковых высказываний, описывающих что-либо. Человек выражает свое неявное знание в виде множества естественно-языковых

утверждений и их локальных связей, характеризующих конкретные ситуации (кейсы). Связи между отдельными кейсами генерируются в виде графов алгоритмически. Это ограничивает произвол человека при обобщении естественно-языковых высказываний. Визуализация связей между кейсами позволяет контролировать соблюдение человеком принципа контекстной определенности утверждений, высказываемых им в разных кейсах.

- Организация взаимодействия социальных акторов (носителей естественно-языкового знания) при коллективном решении ими социальных задач. Практическая необходимость согласования своих утверждений с мнениями других участников социальной практики служит практическим мотивом к более четкому изложению человеком своего естественно-языкового знания.

Потенциальная практическая значимость наших предложений состоит в том, что за счет предлагаемого ноу-хау многообразное естественно-языковое знание, функционирующее в огромном множестве актов социальной коммуникации, может быть практически представленным в наглядном виде семантической сети. Такое представление позволяет повысить концептуальную ответственность индивидуальных носителей знания за результаты его формулирования, организовать коллективный визуальный контроль связности естественно-языковых формулировок, автоматизировать процессы согласования знаний многочисленных социальных акторов и т. п.

Заключение

Размышления П. Лазарсфельда об *imagery* привели к развитию инструментальных идей переменных, признакового пространства, латентно-структурного анализа и других многообразных современных реактивных (контактных) способов получения социальной информации. Наш подход позволяет инструментально строить знания об обществе в виде семантических сетей, создаваемых самими участниками социальных процессов в ходе непосредственной коммуникации, и не делает разницы между контактными и неконтактными способами получения социальной информации. Программа *Diagogue* рассматривается нами как прототип оригинальной информационной технологии, способной дать новый импульс технологическим разработкам в области общественных наук.

Источники

Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. — 1994. — № 2, вып. 4. — С. 11–19.

Андреенков В. Г., Толстова Ю. Н. Особенности применения математических методов в социологических исследованиях. Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях / Отв. ред. В. Г. Андреенков, А. И. Орлов, Ю. Н. Толстова. — М.: Наука, 1985. — С. 7–28.

Каныгин Г. В., Полтинникова М. С. Контекстно-ориентированные онтологические методы в социологии // Труды СПИИРАН. — 2016. — № 5 (48). — С. 107–124.

Каныгин Г. В., Полтинникова М. С., Корецкая В. С. Опыт построения социального знания на основе компьютерных онтологических методов // Социологический журнал. — 2017. — Т. 23. — № 3. — С. 25–41.

Расков В. Е. Управление знаниями как самостоятельная область исследований: основные дискуссионные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. — 2007. — Вып. 3. — С. 34–57.

Ядов В. А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математическое моделирование: Социология: 4 М. — 1991. — № 1. — С. 14–31.

Arnason J. P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // International Sociology. — № 16. — 2001. — P. 387–405.

Bazeley P. Regulating Qualitative Coding Using QDAS? // Sociological Methodology. — 2012. — No. 42. — P. 77–8.

Haradhan Kumar Mohajan. Sharing of Tacit Knowledge in Organizations: A Review. // American Journal of Computer Science and Engineering. — 2016. — Vol. 3, No. 2. — P. 6–19.

Kanygin G., Poltinnikova M. The Graph Context-Oriented Ontological Methods // Cloud of Science. — 2019. — No. 2. — P. 246–264.

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology. In: Concepts in Action: Conceptual Constructionism / Eds.: H. Leijulfsrud, P. Sohlberg. — Leiden; Boston: Brill, 2018.

References

Alle M. Sovremennaya ekonomicheskaya nauka i fakty [Modern economic science and facts]. THESIS [THESIS], 1994, no. 2, iss. 4, pp. 11–19. (In Russian)

Andreenkov V. G., Tolstova Yu. N. *Osobennosti primeneniya matematicheskikh metodov v sotsiologicheskikh issledovaniyakh. Analiz nechislovoy informatsii v sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [Features of the application of mathematical methods in sociological research. Analysis of non-numerical information in sociological research]. Ed. by V. G. Andreenkov, A. I. Orlov, Yu. N. Tolstova. Moscow, Nauka, 1985, pp. 7–28. (In Russian)

Arnason J. P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*, 2001, no. 16, pp. 387–405.

Bazeley P. Regulating Qualitative Coding Using QDAS? *Sociological Methodology*, 2012, no. 42, pp. 77–8.

Haradhan Kumar Mohajan. Sharing of Tacit Knowledge in Organizations: A Review. *American Journal of Computer Science and Engineering*, 2016, vol. 3 (2), pp. 6–19.

Kanygin G., Poltinnikova M. The Graph Context-Oriented Ontological Methods. *Cloud of Science*, 2019, no. 2, pp. 246–264.

Kanygin G. V., Poltinnikova M. S. Kontekstno-orientirovannye ontologicheskie metody v sotsiologii [Context-oriented ontological methods in sociology]. *Trudy SPIIRAN [SPIIRAS Proceedings]*, 2016, no. 5 (48), pp. 107–124. (In Russian)

Kanygin G. V., Poltinnikova M. S., Koretskaya V. S. Opyt postroeniya sotsial'nogo znaniya na osnove komp'yuternyh ontologicheskikh metodov [The experience of building social knowledge based on computer ontological methods]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological journal]*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 25–41. (In Russian)

Raskov V. E. Upravlenie znaniyami kak samostoyatel'naya oblast' issledovaniy: osnovnye diskussionnye voprosy [Knowledge management as an independent area of research: the main discussion issues]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Menedzhment. [Bulletin of St. Petersburg University. Management]*, 2007, iss. 3, pp. 34–57. (In Russian)

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology. In: *Concepts in Action: Conceptual Constructionism*. Eds.: H. Leifsrud, P. Sohlberg. Leiden; Boston: Brill, 2018.

Yadov V. A. Strategii i metody kachestvennogo analiza dannyh [Strategy and methods of qualitative data analysis]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie: Sotsiologiya: 4 M [Sociology: 4 M]*, 1991, no. 1, pp. 14–31. (In Russian)

Каныгин Геннадий Викторович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Kanygin Gennadiy V., Doctor of Sociology, Leader Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
g.kanygin@gmail.com

Полтинникова Мария Сергеевна, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Poltinnikova Maria S., PhD, Senior Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
maria.poltinnikova@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО СПОРТА

DOI: 10.25990/socinstras.pss-13-14.qh7g-9247

С. В. ВЫЖЕВСКИЙ

ТЯРЛЕВО, ПАВЛОВСК, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ... КАК НАЧИНАЛАСЬ ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА В РОССИИ

В статье прослеживаются первые шаги отечественной легкой атлетики, ее зарождение в России в последней четверти XIX века. Освещаются объективные историко-научные и методологические трудности, которые встают перед исследователями этого процесса. В работе впервые выясняются социальное происхождение и биографические данные первых русских легкоатлетов, места первых соревнований, причины, приводившие их к объединению в кружки и борьбе за официальную регистрацию. Тем самым выявляются отличительные черты становления и бытования спортивных организаций в упомянутый период, который можно условно назвать «временем кружков» или «эпохой кружков». К таким выявленным признакам прежде всего относятся инициатива снизу, готовность работающих на основной неспортивной работе людей вкладывать свои деньги в деятельность кружков, где они проводили активный досуг, акценты не на профессионализм, а на здоровый образ жизни, одновременное участие спортсменов в разных видах спорта. Благодаря этим основополагающим идеям отцы-основатели русской легкой атлетики и их ближайшие последователи гармонично вписались в советскую действительность и стали организаторами советского массового спорта, в том числе советской легкой атлетики, комплекса ГТО, спортивного образования. Именно эти факторы сыграли огромную роль в физическом воспитании молодого поколения, вставшего на защиту Отечества в 1941 г. и в конце концов разгромившего самого бесчеловечного врага в нашей истории. Та эпоха давно закончилась, и сейчас в мире спорта наступила эпоха культа денег, спорт стал зрелищем и средством зарабатывания больших средств, нередко в ущерб здоровью и дальнейшей судьбе спортсменов, поэтому обращение к истокам в настоящий момент представляется своевременным и жизненно актуальным.

Ключевые слова: спорт, легкая атлетика, история, Санкт-Петербургский кружок любителей спорта, П. П. Москвин, Г. А. Дюперрон, А. П. Лебедев, Н. А. Панин-Коломенкин.

VYZHEVSKY SERGEY V.

TYARLEVO, PAVLOVSK, SAINT-PETERSBURG... HOW ATHLETICS BEGAN IN RUSSIA

This article is considered the first steps of national athletics, which originated in Russia in the last quarter of the 19 th century, including the information about the objective source study and methodological difficulties are faced by researchers. From the beginning the social origin and biographical data of the first Russian athletes, the places of their first competitions, the reasons that led them to join circles and the struggle for official registration are clarified. Thus, the distinctive features of the formation and existence of sports organizations in this period are revealed, which can be conventionally called the “time of circles” (small groups), or “the era of circles”. These identified signs, first of all, include initiative from below (from persons), the willingness of people working in the main non-sports work to invest their money in the activities of clubs where they spent active leisure time, emphasis not on “professionalism”, but on a healthy lifestyle, the simultaneous participation of athletes in different types sports. It is thanks to these fundamental ideas that the “founding fathers” of Russian athletics and their closest followers harmoniously blended into Soviet reality and became the organizers of Soviet mass sports, including Soviet athletics, the TRP complex, and sports education. It was these factors that played a huge role in the physical education of the younger generation, who stood up to defend the Fatherland in 1941 and finally defeated the most inhuman enemy in our history. Unfortunately, this era has ended, and now the era of “money-funs” has come in the world of sports, sport has become a spectacle and a means of earning big money even to the detriment of the health and future fate of athletes. Therefore, turning to the sources at the moment seems timely and vital.

Keywords: sport, athletics, history, St. Petersburg club of sports fans, P. P. Moskvina, G. A. Duperron, A. P. Lebedev, N. A. Panin-Kolomenkin.

Введение

Легкая атлетика — один из наиболее древних и наиболее популярных сегодня видов спорта, включающий ходьбу, бег, прыжки и метания. В то же время это один из самых демократичных видов спорта, доступный сегодня каждому. Впервые организационно легкая атлетика оформилась в Древней Греции и началась она с соревнований в беге на Олимпийских играх (776 г. до н. э.). Однако впоследствии на протяжении многих веков физическое воспитание было уделом прежде всего воинского сословия.

Современная легкая атлетика ведет свое начало с конца XVIII века и получает организационное оформление в Европе в середине XIX века, в первую очередь в Англии, задававшей на тот момент тон в цивилизованном мире. Дальнейшее организационное развитие спортивных дисциплин привело к возрождению в 1896 г. Олимпийских игр — как высшего смотра мировых спортивных достижений.

Однако тема настоящей работы более узкая. Она охватывает период организации и развития российских спортивных (в основе своей легкоатлетических) кружков, выявляет особенности их становления, трудности, стоявшие перед первыми русскими спортсменами-легкоатлетами. Отдельно рассматривается их социальное происхождение, на котором по вполне понятным причинам в советский период истории лежала печать умолчания, несмотря на то что основные деятели «кружкового» периода, поддержанные молодым советским государством и включенные в его структуры, стали организаторами массового советского спорта. Но последняя тема уже выходит за рамки настоящего исследования.

Как все начиналось?

На самом деле это непростой вопрос. Потому что источников в настоящий момент выявлено крайне мало, они, как правило, отстоят от времени, которое описывают, на многие десятилетия и являются зачастую явными или неявными воспоминаниями, подверженными свойственной такому роду текстов аберрации памяти. А потому, чтобы установить хотя бы приблизительную истину, приходится анализировать доставшиеся нам немногочисленные мемуарные свидетельства.

25 августа 2018 г. в Павловском парке прошли памятные мероприятия, посвященные 130-летию рождения легкой атлетики в России. Действительно, первые соревнования (по бегу) состоялись в поселке Тярлево рядом с Павловском и Царским Селом летом 1888 г. Тогда же участники этих соревнований — молодые люди, проживавшие на дачах в Тярлеве и ближайших окрестностях, — организовали кружок любителей бега, который через несколько лет был зарегистрирован в Санкт-Петербурге как Санкт-Петербургский кружок любителей спорта или просто «Спорт». Однако обстоятельства рождения этого кружка и того, как проходили первые спортивные соревнования, никогда подробно не освещались.

Попробуем хотя бы отчасти заполнить этот пробел по тем историческим источникам, которые нам сегодня известны. К сожалению, их немного и создавались они, как правило, через много лет после событий.

Георгий Александрович Дюперрон
(1877–1934)

Самое раннее из свидетельств (1924 г.) принадлежит Георгию Александровичу Дюперрону (1877–1934):

«Легкая атлетика возникла в России, как и повсюду, в виде подражания конским скачкам. Но в 1888 году тярлевские (бл.<из> Петербурга) дачники, которые прежде “играли в скачки”, стали заниматься бегом уже спортивно, основав кружок, который позже стал называться “С.<анкт>-Петербургский Кружок Любителей Спорта”.

Несколько позже этот кружок весной и осенью устраивал состязания в самом Петербурге, на Петровском Острове, привлекая к участию и посторонних кружку юношей.

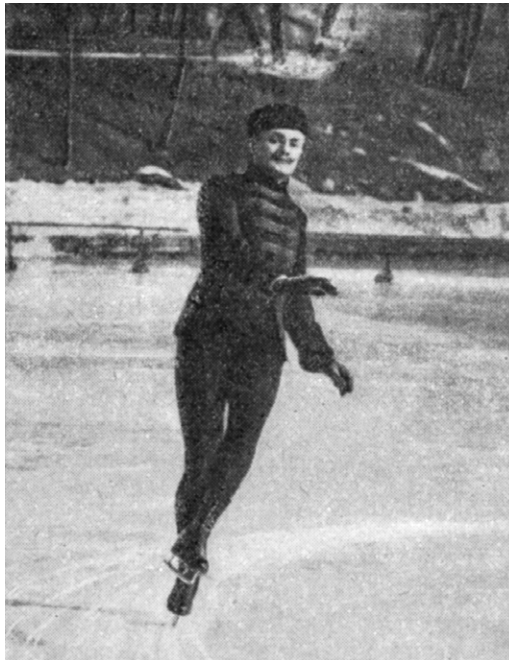
В 1898 году кружок приобрел первую в России легкоатлетическую площадку и начал интенсивнее проводить этот вид спорта. С целью развития его кружок совершил поездку в Москву, где таким образом народил легкую атлетику, потом связался с рижскими спортсменами и устроил у себя первую встречу с финскими легкоатлетами.

Русские представители не раз выходили победителями в состязаниях с финнами и шведами; на короткие дистанции бега выдающимися силами были Н. Н. Штиглиц, И. И. Рянгин, А. А. Шпигель, Л. И. Решетников, в барьерном беге П. И. Лидваль, в прыжках с шестом А. С. Петровский»¹.

¹ Дюперрон Г. А. Краткий курс истории физических упражнений. — Л., 1924. — С. 65–66.

Отсюда мы узнаем дату и место рождения легкой атлетики в России, которые никем впоследствии не оспаривались, а также то обстоятельство, что эта спортивная дисциплина «как и повсюду» (оставим это утверждение на совести автора) родилась в подражание конским скачкам. Узнаем мы и о Санкт-Петербургском кружке любителей спорта, в деятельности которого принимал участие и автор приведенной цитаты Г. А. Дюперрон (1877–1934), чья спортивная «карьер» началась в 1891 г. в Юсуповском саду, где проходили соревнования конькобежцев.

Через 27 лет, в 1951 г., были изданы воспоминания другого бывшего члена Санкт-Петербургского кружка любителей спорта Николая Александровича Панина-Коломенкина (1871–1956) «Страницы из прошлого». В первую очередь автор известен как фигурист и наш первый в истории олимпийский чемпион (по фигурному катанию), однако, как следует из его воспоминаний, не миновало его и увлечение легкой атлетикой.

Николай Александрович Панин-Коломенкин
(1872–1956)

В отличие от Дюперрона рассказ Николая Александровича содержит больше подробностей:

«Летом 1894 года я узнал от Сережи Палехова о возникновении в Петровском парке “Общества любителей бега”. Он уговорил меня принять участие в занятиях Общества. Несмотря на болезнь сердца, в наличии которой меня убедил один профессор, я согласился сначала пойти посмотреть, а потом и пробежать 100 ярдов — тогда это было обычной короткой дистанцией. К своему удивлению я обогнал всех соперников. <...>

В “Обществе любителей бега” я познакомился с основателем и первым председателем его, банковским служащим Петром Павловичем Москвиным. Это был энергичный, деятельный, подвижный человек небольшого роста, с густыми черными усами и такими же черными, всегда веселыми глазами. Он держался настолько приветливо и дружески, что именно он заслужил его глубочайшую и исключительную симпатию. Эти качества немало способствовали популярности Москвина и успеху его организационных начинаний в спорте.

В 1888 году семья Москвиных проводила лето на даче в деревне Тярлево, близ Царского Села (ныне г. Пушкин) и Павловска. Петр Павлович, тогда еще подросток, вместе со своими сверстниками любил смотреть скачки на близлежащем царскосельском ипподроме. Ребята начали играть в скачки, изображая собой жокеев. Потом эта игра перешла в состязания в беге. Они обычно устраивались на тярлевской “Березовой аллее”. Петя Москвин был душою этого дела. Постепенно он достиг блестящих по тому времени результатов в беге на короткие дистанции.

Осенью занятия продолжались уже в Петербурге на аллеях Петровского острова. Здесь группа Петра Павловича назвалась вышеупомянутым “Петровским обществом любителей бега”. В последующие годы эта организация официально оформилась под названием “Санкт-Петербургский кружок любителей спорта”. В ней Петр Павлович сумел сплотить вокруг себя почти всех любителей легкой атлетики и многих приверженцев спортивных игр в тогдашнем Петербурге и создал первую у нас солидную легкоатлетическую организацию, ставшую в дальнейшем сильнейшей в стране.

П. П. Москвин был основоположником организованных занятий легкой атлетикой в России и пионером некоторых других видов спорта. Так, например, впоследствии он ввел игру в хоккей в спортивную

жизнь городов Дальнего Востока. Его имя должно быть названо в ряду тех активнейших поборников развития спорта в России, которым приходилось преодолевать если не совсем враждебное, то, по меньшей мере, подозрительное отношение властей к занятиям спортом.

Москвин быстро вовлек меня в работу кружка, и с тех пор я во все время пребывания в нем, то есть до 1901 года, был бессменным членом гоночной комиссии. Будучи отличным бегуном, Петр Павлович долгое время первенствовал в этом виде легкой атлетики. В 1897 году он должен был уступить первенство в беге В. А. Васильеву — псевдоним “Волин” (в те времена многие начальствующие лица столь неодобрительно относились к занятиям спортом, что их подчиненные вынуждены были скрывать свои спортивные выступления под псевдонимами). <...>

Там же, в “Кружке любителей спорта” я встретился с другим человеком, который сыграл крупную роль в истории русского буржуазного спорта. Это был Георгий Александрович Дюперрон, красивый и остроумный молодой человек, в то время студент-юрист первого курса. Он исполнял обязанности секретаря кружка. Его спортивной специальностью в то время был велосипед; занимался он и легкой атлетикой, а затем стал тяготеть к спортивным играм, главным образом к футболу и хоккею. Несмотря на сильную склонность к спорту, Дюперрон ни в одном его виде никогда не показывал высоких спортивных достижений. Он был ловким дельцом, пропагандистом французских методов физического воспитания...

Г. А. Дюперрон написал и издал немало книг по легкой атлетике, играм, по теории физического воспитания и библиографии спорта. В своих трудах он широко рекламировал французскую специальную литературу, насаждал низкопоклонство перед Западом, высмеивал русских теоретиков и практиков физического воспитания.

В годы возникновения союзов и лиг по футболу, хоккею, легкой атлетике, гребному спорту и прочим видам Дюперрон являлся если не основателем, то наиболее активным организатором большей их части, был секретарем Российского олимпийского комитета...

Когда я вступал в “Кружок любителей спорта”, он еще не имел своей базы. Вскоре нам удалось арендовать на Надеждинской улице Крестовского острова обширный участок, на котором была выровнена площадь под футбольное поле, построен небольшой домик с раздевалкой и душем, тир для стрельбы из малокалиберного оружия, устроены два теннисных корта, беговая дорожка и места для прыжков и метаний. Кружок не мог существовать на доходы от сравнительно небольших членских взносов, но среди его членов было несколько богатых людей,

которые влияли на политику кружка и время от времени вносили в его кассу значительные суммы. Главная же масса членов состояла из мелких служащих учреждений и предприятий; преобладала учащаяся молодежь.

Я занимался легкой атлетикой, преимущественно бегом и прыжками, с не плохим, но и не очень высоким результатом, который давался мне ценой упорной и систематической работы над собой. Однажды я победил на 0,2 секунды самого Москвина, выступавшего под псевдонимом “Морин”, в беге на 100 метров и в том году получил по очкам за весь сезон по всем видам легкой атлетики третье место. Я остался этим весьма доволен: быть третьим в специальном легкоатлетическом клубе уже неплохо! <...>

После открытия в “Кружке любителей спорта” футбольного поля я одно время очень увлекался футболом. В то время первая команда кружка была самой сильной в Петербурге. Большую роль в ее формировании сыграл П. П. Москвин. Он удачно использовал имевшихся членов кружка, правильно распределив их по игровым функциям в зависимости от физических данных и спортивных способностей. Для лучшего и скорейшего овладения техникой и тактикой игры он не останавливался перед привлечением в кружок нескольких опытных игроков из других клубов. <...>

Я играл в футбольной команде левым полузащитником. <...>

Вратарем в нашей команде играл артист своего дела — Л. Г. Росс-старший (его младший брат А. Г. Росс выступал в качестве фигуриста)...

Остальные игроки в команде были преимущественно из легкоатлетов, показывавших хорошие результаты в беге на короткие и средние дистанции: В. Васильев, Москвин, Евстафьев, Трифионов, Рябов, позже Дюперрон, Репинский и другие»².

Отметим, что Г. А. Дюперрон появился в кружке не раньше осени 1895 г., когда он поступил на первый курс университета, а секретарем кружка он стал не раньше 1897 г., уже после его официальной регистрации. Возможно, именно этим объясняется то, что приводимые мемуаристами сведения настолько разнятся в деталях: Н. А. Панин-Коломенкин, вступивший в кружок летом 1894 г., хотя и не был сам свидетелем его тярлевского периода, но все-таки успел застать первый «неформальный» состав кружка, в значительной степени сменившийся после официальной регистрации. Однако насчет даты и места рождения русской легкой атлетики никаких разногласий у авторов нет.

² Панин-Коломенкин Н. А. Страницы из прошлого. Т. 1. — М.: Физкультура и спорт, 1951. — С. 20–23.

При этом у Панина-Коломенкина чувствуется некоторая неприязнь к Дюперрону, все его симпатии (и, видимо, справедливо) отданы П. П. Москвину, о котором Г. А. Дюперрон умолчал вовсе (Дюперрон пришел в кружок в тот момент, когда Москвин уже отходил на второй план и вынужден был уступить руководство А. П. Лебедеву). Не совпадают у авторов и списки спортсменов — членов кружка, что также можно объяснить тем, что Дюперрон перечисляет известный ему более поздний состав, тогда как фамилии в списке Панина-Коломенкина, очевидно, относятся к более ранним спортсменам.

В 1968 г. к 80-летию легкой атлетики в еженедельнике «Неделя» № 17 была опубликована небольшая статья, в которой был дан обзор истории кружка в первые двадцать лет его существования. Приведем ее полностью.

ТЯРЛЕВСКИЙ КРУЖОК

«Официальной датой рождения легкой атлетики в России принято считать 1888 год. В то лето группа молодых людей, отдыхавших на даче в Тярлево под Петербургом, создала “Кружок любителей бега”. Начали с игр в городки, лапту, казаки-разбойники. Кто-то предложил помериться силами в беге. Регулярные пробежки полюбились юношам, и 6 августа они провели первые соревнования в беге на 4 версты. Кружок состоял в основном из разночинной интеллигенции.

Наиболее интересной фигурой среди спортсменов был 17-летний Петр Москвин, отличный организатор, беспредельно преданный спорту.

В 1890 году 27 сентября состоялись первые международные соревнования кружковцев. Их противниками были англичане из гребного клуба “Стрела”. В программу матча на Петровском острове вошел бег на 100 ярдов и на полверсты. От каждой команды стартовало по два человека. Полверсты выиграл англичанин Уилкинс, а спринт — кружковцы П. Москвин и Н. Эрниц с результатом 12,0.

Тярлевские спортсмены, стремясь внести в свои соревнования элементы игры, часто проводили старты с гандикапом, а также так называемые “гиты”. В “гитах” на 25 и 50 сажень, на 100 ярдов каждый участник пробегал дистанции в одиночку три или пять раз; победитель определялся по меньшей сумме времени.

Шли годы. Кружок объединял все больше спортсменов. Соревновались в беге, лыжах, коньках, велосипеде, борьбе, шахматах, плавании. Зимой 1893 года на Неве между Николаевским и Дворцовым мостами состоялась первая в нашей стране лыжная гонка. Дистанцию

четверть версты выиграл у мужчин П. Москвин с результатом 1 минута 17 секунд, а у женщин Т. Юрьева — 1 минута 57 секунд.

С 1893 года кружок стал называться “Петербургским кружком любителей спорта”. В этот период наиболее успешно выступал В. Васильев, который в мае 1897 года выиграл первый в России кросс.

У спортсменов не было стадиона. В газетах того времени публиковались многочисленные статьи против “спортомании”; считалось, например, неприличным выступать в трусах. Многим спортсменам, чтобы избежать неприятностей на службе, приходилось выступать под псевдонимами. Даже организатор и руководитель кружка П. Москвин выходил на старт под фамилией Морин. Лишь в 1896 году “Тярлевский кружок” получил официальное признание. Да и то членам кружка приходилось делать большие денежные взносы, а также платить по 50 копеек за право выступать на соревнованиях. Я, например, платил членские взносы в размере 15 рублей, а жалованья получал 25 рублей в месяц.

Несмотря на все трудности, кружок стал центром легкой атлетики в России. Им были выработаны правила, которые получили всеобщее признание. По инициативе кружка был создан Всероссийский союз любителей легкой атлетики. В 1908 году кружок построил свою первую в стране гравевую дорожку, на которой состоялся первый легкоатлетический чемпионат России.

Участники кружка много сделали и для организации Всевобуча, физкультурного движения в СССР.

Оскар Бушман,

участник Тярлевского кружка с 1912 года»

Нетрудно увидеть, что сведения, приводимые автором данной заметки, совпадают во многом с воспоминаниями Н. А. Панина-Коломенкина, а в ряде моментов существенно их дополняют: появляются новые фамилии, цифровые сведения. При этом Оскар Бушман отстоит от описываемых событий еще больше, что выясняется из его биографии.

Оскар Юльевич Бушман родился 9 августа 1894 г. в Санкт-Петербурге. Окончил Императорское Коммерческое училище. С 1912 г. — участник Санкт-Петербургского кружка любителей спорта. В этом же году вступил во вновь учрежденное общество «Санитас», где серьезно занимались тяжелой атлетикой. Основатель общества «Санитас» Людвиг Чаплинский три года подряд (1914, 1915, 1916) был чемпионом России по тяжелой атлетике. Сам Оскар Бушман в 1914 г. стал победителем

кросса в беге на 8 километров. Далее — Первая мировая и Гражданская, в которых молодой спортсмен просто не мог не принять участия.

В 1924 г., вернувшись к мирной жизни, Бушман становится первым председателем Ленинградского областного совета физкультуры (ЛОСФК). Он был организатором и первым руководителем коллектива физической культуры на заводе «Черниговский холодильник» (г. Ленинград), преподавал физкультуру в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, состоял в бюро физической культуры профсоюза пищевиков. К 1940 г. Бушман — судья всесоюзной категории. Далее — Великая Отечественная война и долгая жизнь, в которой всегда оставалось место главному увлечению — спорту.

В последние годы жизни Оскар Юльевич обратился к истории легкой атлетики, и процитированная выше заметка была в его творческом портфеле не единственной. В личном собрании петербургского историка футбола Ю. П. Лукосяка находится машинописная работа (объемом 55 листов) «История легкой атлетики в Петербурге и Петрограде (Обзор развития легкой атлетики в нашем городе до революции)» (1888–1913), копии первых пяти страниц которой, входящие в параграф «Зарождение и первые шаги (1888–1898 гг.)» и посвященные истории «Тярлевского кружка» в первые пять лет его существования, имеются в собрании Тярлевского краеведческого музея.

В виду важности этого документа, по-видимому, итогового в разысканиях Бушмана и рассказывающего о первых шагах легкой атлетики наиболее подробно, процитируем известные нам страницы почти целиком:

«Если футбол, велосипед и некоторые другие виды спорта начали свое развитие в нашей стране как завезенные к нам иностранцами, проживавшими тогда в России, то легкая атлетика свои первые шаги сделала у нас совершенно самостоятельно, без всякого влияния из-за рубежа.

Вот как это началось!

Летом 1888 года в дачной местности Тярлево, что находится между Павловском и г. Пушкиным, проживающая там на даче, группа молодежи, возглавляемая 17-летним банковским служащим Петром Павловичем Москвиным (впоследствии заслуженным мастером спорта СССР) занималась различными подвижными русскими играми, как то: казаки-разбойники, лапта, городки и др., а по соседству с ними в бывшем Царском Селе находился скаковой ипподром, на котором они часто наблюдали со стороны скачки лошадей. Это навело их на мысль самим заниматься

бегом. С начала же лета этого года начались у них пробежки (как они называли свои тренировки), причем для этой цели ими была использована находящаяся в Тярлеве аллея, носящая мрачное название “Темная”.

В состав этой группы входили в основном служащие. Это были, помимо П. П. Москвина, его брат К. П. Москвин, братья Лесниковы, А. Михайлов, М. Сербилатьев, Н. Эрниц и другие. Забегая вперед, нужно сказать, что из числа этих основоположников (если их так можно назвать) легкой атлетики в нашем городе, единственный только П. П. Москвин остался верен ей, в то время как все остальные, отдав дань своим юношеским увлечениям спорту, отошли впоследствии от спорта вообще.

К концу лета, а именно 6 и 12 августа³ были проведены и первые соревнования на 3 и 4 версты (около 3 и 4 км). К сожалению, имена победителей и результаты этих первых соревнований не удалось установить. Одновременно эта группа пыталась и организационно оформиться, наименовав себя вначале “Тярлевские спортсмены”, а на следующий год как “Общество любителей бега”. Были также выработаны правила проведения соревнований, во многом скопированные с правил проведения лошадиных скачек, которые они наблюдали на ближнем ипподроме, о чем мной было упомянуто выше. Они же тогда организовали у себя и шахматный клуб.

В следующем (1889) году организаторами этого кружка был выработан устав кружка, утверждение которого последовало только в 1896 году из-за тех рогаток, которые тогда были установлены царским правительством для организации разных общественных организаций, в том числе и спортивных. С этого же года кружок этот начал издавать свой рукописный журнал, посвященный своей спортивной деятельности, под названием “Листок тырлевских спортсменов”.

Кстати, говоря о рукописном журнале, издававшемся этим кружком, хочу привести следующее обстоятельство. При просмотре мной архива Г. А. Дюперрона, находящегося в Ленинградском институте физкультуры им. П. Ф. Лесгафта среди его бумаг был обнаружен такой листок за № 4 от 1911 года, напечатанный на пишущей машинке и на бланке Петербургского кружка любителей спорта. Как известно, этот кружок Тярлевских спортсменов был впоследствии в 1893 году переименован и стал именоваться как “Петербургский кружок любителей спорта”. Следовательно, можно предполагать, что этот журнал выпускался кружком более 20 лет.

³ Здесь даты приведены по старому стилю, так же как это будет и дальше. — С. В.

Свою спортивную деятельность “Тярлевские спортсмены” открыли ранней весной, устроив несколько соревнований в Петербурге на Петровском острове (здесь ныне расположен стадион им. В. И. Ленина), а затем с наступлением лета она была продолжена в Тярлеве.

Найдя старое место — “Темную” аллею — для устройства соревнований не особенно благоприятной, они выбрали новое, более удобное. Это была большая, протяжением до 1750 м квадратная аллея, защищенная с обеих сторон от ветра березами и с довольно хорошим для бега грунтом. Она называлась “Березовая”.

А для устройства состязаний с препятствиями (что также было перенято ими со скачек лошадей) было отведено там же, в Тярлеве, место на поле с 4-мя большими валами, спереди и сзади которых находились канавы. К этим препятствиям добавлялись иногда барьеры. Это место имело также форму квадрата протяжением около 200 м.

Кроме того для состязаний с препятствиями имелось еще второе место на другом поле (близ железной дороги), носившее название “у Красного моста”. Здесь препятствиями служили три канавы с водой, шириною от полутора до 4-х метров, причем две из них были прикрыты кустами. Место имело форму круга приблизительно 100 м.

На этих трех местах в Тярлеве кружок в течение лета провел ряд соревнований, одно из которых под названием “Тярлевское дерби” было проведено 27 июня 1889 года, хотя первое соревнование было проведено 7 июня.

“Тярлевское дерби” (как видите опять лошадиное название) стало традиционным соревнованием кружковцев и проводилось на 1/2 версты (500 м) ежегодно, а с переходом в 1900 году на метрическую систему это соревнование проводилось на 400 м. Первоначальное условие бежать отдельно каждому участнику было впоследствии заменено общим стартом, также было заменено потом и право участия в нем только для членов кружка членами и других кружков. Право участия в этом соревновании считалось большой честью для каждого спортсмена и к нему заблаговременно готовились все члены кружка, которые уже тогда были в зависимости от своих возможностей разбиты на 3 класса. Право на первый старт этого бега получили 6 человек. Победил А. Михайлов со временем 1:41,4.

Призы для награждения победителей соревнований приобретались за счет самих кружковцев и за счет отдельных пожертвований в виде недорогих разных сувениров, замененных потом жетонами.

В третий год своего существования — 1890 — кружок решил разделить свою деятельность на три периода. Весенний и осенний

проводить в Петербурге на Петровском острове, а летом в Тярлеве. Это было сделано также и для удобства членов других спортивных организаций, которые пожелали принимать участие в соревнованиях, проводимых кружком. Немаловажную роль имело также желание продлить вообще спортивный сезон. Говоря о других спортивных организациях, нужно подразумевать такие, которые занимались другими видами спорта, так как соревнования по бегу проводило только это “Общество любителей бега”.

Не желая расстаться с лошадиными бегами, кружок ввел в систему своих внутренних соревнований так называемую “гитовую” систему, перенятую им от общества рысистых бегов⁴. Состязания по этой системе устраивались на небольшие дистанции (50, 100 метров и 100 ярдов) при условии бежать с хода, отдельно на время (впоследствии замененным стартом вместе и с приема). Каждый участник в этих состязаниях должен был пробегать дистанцию от 3 до 5 раз, смотря по условиям приза. Затем выбирались лучшие резвосты, при условии бежать 3 гита — резвость 2-х гитов, при условии бежать 5 гитов — резвость 3 гитов. Выбранные резвосты складывались и получивший меньшее время считался победителем.

Нужно сказать, что “лошадиная” гитовая система продержалась в кружке недолго и скоро отпала совсем, особенно когда кружковцы, помимо бега, стали культивировать и прыжки, и метания.

К этому же году нужно отнести и введение в кружке, особенно при проведении внутренних своих соревнований, гандикапной системы, которая вначале применялась только на беговых дистанциях, в виде форы, в результате которой спортсмен, получающий ее, стартовал на какое-то расстояние меньше, чем тот, который эту фору давал. Этот способ давал возможность уравнивать силы бегунов с разными возможностями. Впоследствии гандикапы были перенесены также и на прыжки и метания, причем в этих случаях спортсменам, получающим фору, она давалась в виде определенного количества метров и сантиметров, которые потом приплюсовывались к показанным им результатам.

Эта гандикапная система по примеру тярлевских спортсменов потом широко применялась не только в нашем городе во всех кружках, которые культивировали легкую атлетику, но нашла свое применение также и в других городах нашей страны, в частности в г. Москве.

⁴ Императорское Санкт-Петербургское общество рысистого бега. — С. В.

Преимущество этой системы заключалось в том, что, помимо того, что она давала легкоатлетам многоборную подготовку, она вовлекала в занятия легкой атлетикой также представителей других видов спорта в кружке, как например футболистов и других.

Гандикапная система прочно вошла в систему подготовки легкоатлетов в дореволюционное время. Она давала возможность новичкам, после некоторых тренировок попробовать свои силы с более опытными спортсменами, она заинтересовывала молодых к дальнейшим занятиям легкой атлетикой. Надо отметить, что как только кружок в 1900 году занял свое постоянное спортивное поле на Крестовском острове, он неизменно в первую половину лета проводил раз в две недели (обычно это было по средам) внутренние гандикапированные соревнования, а в конце лета, после 8–10 таких соревнований определял победителей, которыми бывали не только легкоатлеты, но и представители других видов спорта, культивируемых в кружке <...>.

...27 сентября 1890 года состоялась первая “международная” встреча по легкой атлетике между гребцами английского клуба “Стрела” и кружковцами П. Москвиным и Н. Эрниц. Встреча эта произошла на Петровском острове, на одной из его широких аллей с хорошим грунтом. В программе были две дистанции: бег на 100 ярд и на 1/2 версты (500 м). С каждой стороны выступало по 2 человека. В результате эта встреча закончилась вничью. В беге на 100 ярд победил Н. Эрниц со временем 12,0 с. В беге на второй дистанции победителем был англичанин Вилькинс — 1:31,6 с. Вторым англичанином в этой встрече был Пульман. На следующий день состоялась еще одна встреча в беге на 1 1/2 версты (1500 м) со стрельнинскими велосипедистами. Здесь легкую победу одержал прошлогодний победитель “Тярлевского дерби” А. Михайлов. Победителем же соревнования на этот приз в этом году, которое было проведено в Тярлеве, был на этот раз П. Москвин, улучшив время, показанное в прошлом году А. Михайловым, доведя его до 1:34,2.

В 1891 году устав “Общества любителей бега” все еще не утвержденный (как видно из этого, кружок все еще существовал как бы на нелегальном положении) был несколько изменен. Так, например, был введен небольшой членский взнос, а также принято решение, что призы выдавать только жетонами, а не вещами, как это иногда практиковалось до сих пор. Состязания в этом году проходили с большим интересом, особенно осенью с посторонними спортсменами. Так, 6 октября был

разыгран только что учрежденный приз “Закрытие” на дистанцию 3 версты (3000 м), который выиграл П. Москвин, показав результат — 12:34,0, причем из 9 человек участников этого состязания трое были членами “Общества любителей бега” и они заняли первые три места. Приз “Открытие” на дистанции 1/2 версты (500 м) выиграл Н. Эрниц — 1:40,4, а приз “Тярлевское дерби” — 6 августа выиграл другой Москвин — К. Москвин, улучшив прошлогоднее время своего брата, показав 1:32,2. В дальнейшем соревнования на этот приз стали проводиться уже в Петербурге.

С 1892 года “Общество любителей бега” начало постепенно включать в программу своих соревнований и другие виды легкой атлетики. Так 12 апреля этого года на Петровском острове было проведено состязание в ходьбе на 10 верст (10 километров), в котором победил А. Докучаев. Его результат 1 ч 14:30. С этого же года в обществе начали культивироваться прыжки в высоту и в длину.

Свой пятилетний юбилей “Общество любителей бега” в 1893 году отметило юбилейными состязаниями на Петровском острове 20 июня. В программе был гандикапированный бег на 100 ярд, в котором победил Н. Кракау. Затем П. Москвин бежал на побитие своего рекорда на дистанцию 3 версты, что ему удалось, показав 11:57. В заключение был разыгран юбилейный приз, который достался А. Сергееву, показанный на дистанцию в 1 версту (1000 м) — 3:56.

В этом же году было решено переименовать “Общество любителей бега” в “Петербургский кружок любителей спорта”, а сокращенно он стал называться “Спорт”. Был утвержден значок кружка. Значительно была расширена программа соревнований. Так было введено ежегодное проведение первенства кружка, вначале только в беге на 4 дистанции: 25 саж., 107 саж., 1/2 и 1 1/2 версты. Впоследствии первенство кружка стало разыгрываться в десяти (так называемых) классических видах легкой атлетики. Кроме расширения программы по легкой атлетике, кружок принял решение ввести и другие виды спорта, в частности зимой коньки и лыжи, а летом велосипед.

Нужно отметить, что несмотря на то, что впоследствии кружок стал также культивировать футбол, хоккей, теннис и достиг в этих видах больших успехов, все же легкая атлетика до самой Октябрьской революции всегда была доминирующим видом в этом кружке и потом говоря о развитии этого вида не только в нашем городе, но и в нашей стране, прежде всего приходится отмечать результаты этого кружка, которые в течение почти 20-ти лет оставались рекордными как для нашего города, так и для нашей страны».

На этом, увы, обрывается известная нам часть текста. К сожалению, мы можем только предполагать, какими источниками пользовался О. Ю. Бушман при написании данного фрагмента. В тексте он ссылается на работу с архивом Г. А. Дюперрона, местонахождение которого в настоящее время неизвестно, при этом скрупулезность описания говорит о том, что в его руках были не только неизвестные нам сегодня воспоминания членов кружка, но и какие-то документы, из которых заимствованы даты и цифры.

Источник этих документов известен. В 1975 г. вышла книга советского бегуна на длинные дистанции, олимпийского чемпиона 1960 г. Петра Григорьевича Болотникова (1930–2013) «Последний круг», в которой кратко изложена история легкой атлетики в России в первые десятилетия ее существования. Как нетрудно убедиться, она составлена на основе вышеприведенных текстов Н. А. Панина-Коломенкина и О. Ю. Бушмана и имеет из них многочисленные дословные заимствования:

«Официальной датой рождения легкой атлетики в России принято считать 1888 год. В то лето группа молодых людей, отдыхавших на даче в местечке Тярлево под Петербургом, создали кружок любителей бега. Все началась с обычных игр в городки, лапту, казаки-разбойники. Потом кто-то предложил мериться силами в беге. В густом тырлевском парке выбрали широкую и тенистую аллею, носившую название “Темная”. Регулярные пробежки полюбились этим юношам, и 6 августа они провели первые большие соревнования в беге на 4 версты. Поскольку среди участников кружка не было богачей, он состоял из мелких служащих и разночинной молодежи, деньги на памятные призы собраны по подписке.

Наиболее крупной и интересной фигурой среди участников тырлевского кружка был 17-летний банковский служащий Петр Москвин, человек большого организаторского таланта, беспредельно преданный спорту. Он был инициатором создания кружка и впоследствии также внес чрезвычайно большой вклад в развитие легкой атлетики в нашей стране.

В следующем году кружок принял наименование “Общество любителей бега”. Занятия начались ранней весной в Петербурге на Петровском острове (там, где сейчас находится стадион имени В. И. Ленина), а с наступлением лета были перенесены в Тярлево. Особой популярностью пользовались забеги на полверсты — “Тярлевские дерби”, ставшие впоследствии традиционными в кружке.

В 1890 году состоялись первые международные соревнования кружков. Их противниками были английские спортсмены из гребного клуба “Стрела”.

Тярлевские спортсмены, стремясь внести в свои соревнования элементы игры, придать им наибольшую эмоциональную окраску, очень часто проводили старты с гандикапом, а также так называемые “гиты”. В “гитах” на 25 и 50 сажень, на 100 ярдов каждый участник пробегал дистанцию в одиночку три или пять раз. Худший результат каждого отбрасывался, а победитель поединка определялся по наименьшей сумме времени. К сожалению, сейчас эта форма состязаний спринтеров забыта. А ведь она могла бы и в наше время пользоваться успехом у спортсменов и зрителей.

Шли годы, кружок объединял все большее число спортсменов. Теперь в него входили многие молодые люди, никогда не проживавшие в Тярлеве. Соревнования проводились не только по бегу, но и по другим видам спорта — лыжам, конькам, велосипеду, борьбе, шахматам, плаванию. Интересно, что честь проведения первых соревнований по лыжам в России принадлежит именно этому кружку. Зимой 1893 года на Неве между Николаевским мостом (ныне мост Лейтенанта Шмидта) и Дворцовым состоялась первая в нашей стране лыжная гонка. Дистанцию четверть версты выиграл у мужчин П. Москвин с результатом 1 минута 17 секунд, а у женщин — Т. Юрьева (1 минута 57 секунд).

Отмечая свой пятилетний юбилей, “Общество любителей бега” решило принять новое наименование, более точно определяющее суть этой организации. Общество стало называться “Петербургским кружком любителей спорта”.

В конце 1894 года кружок публикует в журнале “Велосипед” таблицы “Постепенного развития всероссийских любительских рекордов в беге” и “Таблицы постепенного развития рекордов Петербургского кружка любителей спорта на 1 ноября 1894 г. по бегу, ходьбе, прыжкам в длину (без трамплина), велосипеду, плаванию, конькам и лыжам”.

В газетах того времени публиковались многочисленные статьи против “спортомании”, считалось, например, в высшей степени неприличным выступать в трусах. Многим спортсменам, чтобы избежать неприятностей по службе, приходилось стартовать под псевдонимами. Даже организатор и руководитель кружка П. Москвин был известен в спортивных кружках под фамилией Морин. Царское правительство, напуганное растущим революционным движением, очень неохотно давало согласие на создание всевозможных кружков, союзов и т. д.

Поэтому первые годы “Тярлевский кружок” существовал фактически нелегально. Лишь в 1896 году он получил официальное признание у властей. Члены кружка платили очень большие членские взносы, а также отдельно выплачивали по 50 копеек за каждое выступление в соревнованиях. Позднее, с приходом к руководству кружком всевозможных спортивных меценатов, четко наметилась классовая раздробленность этой организации. Рабочих и трудовую интеллигенцию не принимали в действительные члены кружка. Их именовали странным словом “посетители” и не допускали к голосованию при выборах.

Несмотря на все трудности, кружок стал центром развития легкоатлетического спорта в России. Здесь были выработаны правила соревнований, которые получили всеобщее признание. По инициативе кружка в 1911 году был создан Всероссийский союз любителей легкой атлетики. Известный спортсмен и первый русский спортивный журналист Г. Дюперрон, побывав на Олимпийских играх в Париже, предложил все соревнования проводить в метрической системе мер. В 1908 году кружок создает первую в стране гаревую дорожку, где в том же году состоялся первый легкоатлетический чемпионат России.

История кружка неразрывно связана с именем Петра Павловича Москвина, страстного энтузиаста спорта, отличного легкоатлета, лыжника, пловца, футболиста, конькобежца, хоккеиста. Впоследствии Москвину пришлось покинуть Петербург. Но куда бы ни забрасывали его судьба, он всюду создавал легкоатлетические кружки. Так было на Дальнем Востоке, в Средней Азии — Ташкенте, Фергане, Андижане, Ашхабаде. В 1945 году П. П. Москвину было присвоено почетное звание “Заслуженный мастер спорта СССР”. Три года спустя он погиб во время ашхабадского землетрясения. Заслуженными мастерами спорта стали и другие члены кружка — первый русский олимпийский чемпион Н. Панин-Коломенкин, знаменитый футболист П. Батырев, В. Дьяков, который еще в прошлом веке выиграл велосипедные гонки в Лондоне.

Подавляющее большинство членов кружка с большой радостью встретило Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Они много сделали для организации всеобщего и самостоятельного физкультурного движения. Кружковцы составили основное ядро организованного в 1923 году Центрального кружка Петроградского района, позднее переименованного в ленинградский центральный кружок “Спартак”».

Самое важное здесь — указание на публиковавшиеся «таблицы постепенного развития рекордов», которые были обнаружены как

в указанном журнале «Велосипед», так и в параллельно издававшемся журнале «Самокат» за указанный автором год. Очевидно, что О. Бушман насытил свою «Историю легкой атлетики в Петербурге» данными, взятыми отсюда, и что ссылка на эти источники находилась на неизвестных нам последующих страницах текста, с которыми был знаком Болотников, дающий в процитированных заключительных абзацах краткое резюме неизвестной нам части данной работы.

В том же 1975 г. вышла книга советского спортивного журналиста и историка спорта Юрия Федоровича Коршака (1930–2000) «Старый, старый футбол», где одна из глав посвящена «Санкт-Петербургскому кружку любителей спорта». Есть в ней и строчки, посвященные началу легкой атлетики:

«Чтобы попасть в “Санкт-Петербургский кружок любителей спорта”, на первых порах не требовалось ни белых шаров, ни солидных рекомендаций. Достаточно было подружиться с детьми дачников, отдыхавших в деревеньке Тярлево, что возле Царского Села и Павловска. Неподалеку был и Царскосельский ипподром. Яркие костюмы жокеев, блеск призов, азарт борьбы не могли не покорить воображение подростков.

Однажды после бегов ребята устроили свои “скачки” на аллее парка. С этого все и началось. Потом раздобыли секундомер и стали бегать на время. Вскоре появился и приз, купленный в складчину; он разыгрывался в беге на полверсты — коронной дистанции ипподрома и назывался “Тярлевские дерби”.

Так появился маленький спортивный кружок под названием “Общество любителей бега”. Первую годовщину кружка юные дачники отметили “банкетом”, для которого были куплены два фунта конфет, картуз семечек да по прянику на брата.

Кто мог тогда думать, что юношеская забава положит начало отечественной легкой атлетике и многим другим видам спорта? <...>

При всей своей энергии Петр Москвин никак не мог добиться одного — официального утверждения устава кружка: царские власти подозрительно относились к подобным объединениям. Кружок был не чета, скажем, “Обществу любителей велосипедной езды”. В “КЛС”, конечно, не было рабочих, но в первые годы не было и знатных членов. Кружки составляли мелкие чиновники, студенты. Сам Москвин, например, был банковским служащим.

Из года в год утверждение устава “КЛС” откладывалось. Так продолжалось до тех пор, пока на посту председателя не оказался

известный фигурист А. Лебедев. Он был юристом, и это, видимо, помогло ему в долголетней “тяжбе” энтузиастов спорта с царскими чиновниками. В 1896 году, после восьмилетней волокиты, устав был наконец утвержден и “Спорт”, как в обиходе стали именовать кружок, крепче встал на ноги. Заметно пополнились и ряды “КЛС”. Наряду с коллежским советником, доктором медицины, дворянином в кружке можно было встретить и канцелярского служащего, и фармацевта, и сына купца второй гильдии, и Санкт-петербургского мещанина. Замелькали и имена иностранцев: финляндский уроженец, голландский подданный...»

В книге Ю. Ф. Коршака также присутствуют некоторые подробности, не отраженные в предыдущих источниках. Можно, конечно, допускать, что некоторые детали придуманы журналистом для восполнения картины, однако нельзя исключать, что они опираются на чьи-то неизвестные нам сегодня воспоминания.

Как видим, источников, повествующих о первых шагах легкой атлетики в России, выявляется не так уж и мало. Правда, они кое в чем противоречат друг другу, а какие-то детали нуждаются в прояснении.

Из процитированных выше текстов мы знаем, что родители первых членов кружка в 1888 г. жили на дачах в Тярлеве. В те годы Тярлево представляло собой небольшую деревню, приписанную к Павловскому городовому правлению и находившуюся на окраине Павловского парка.

Главной достопримечательностью Павловска был Музыкальный вокзал, где давались бесплатные концерты. Это и сделало город и его окрестности популярным местом летнего отдыха петербуржцев. Семьи купцов и служащих, не имевших высокого дохода, снимали дачи в крестьянских домах в деревнях Тярлево, Глазово и Новые Веси.

Проезд сюда был удобен. Прямо из Петербурга от Царскосельского (ныне Витебского) вокзала отходил поезд, прибывавший на конечную станцию в Павловский парк. Предпоследняя станция находилась на окраине Тярлева на современном Филътровском шоссе, там, где к нему выходят современные Железнодорожная и Большая улицы.

Поезд ненадолго останавливался у небольшой деревянной платформы — он ехал буквально там, где сегодня снуют маршрутки и автомобили, — снова трогался и дальше врывался в парк, двигаясь мимо Круглого зала в сторону современного стадиона. А немногие вышедшие в Тярлеве пассажиры разбредались по дачам. Первоначальный выбор места летнего обитания был совсем невелик. Дома жителей Тярлево располагались всего по трем улицам — Большой (самой старой),

Немецкой (ныне Московской, от нее шла дорога в сторону Московского тракта) и Музыкальной, как раз и получившей название от музыки в Павловске.

Если выйти на станцию раньше, в Царском Селе, то рядом (там, где сейчас шоссе Подбельского) находилось другое популярное развлечение — ипподром. Его окружность составляла 2 версты (2134 метра), и его трибуны всегда были наполнены зрителями. При этом вовсе не обязательно, что мальчишки добирались до ипподрома на поезде. Не так уж сложно для юношей было дойти до скачек пешком.

Рассматривая план Павловска 1878 г., мы обнаруживаем, что единственный путь из Тярлева в сторону Павловска лежал по Большой улице. Улица эта упиралась в территорию Фермы и далее продолжалась по ее границе. Ферма была основана еще первой владелицей Павловска императрицей Марией Фёдоровной и являлась частью Павловского парка. Главное здание Фермы — деревянный павильон, сохранившийся до настоящего времени, регулярно посещали последующие владельцы Павловска как мемориальное место, тогда как основная территория и прочие постройки с середины XIX века сдавались в аренду, и арендаторы, продолжая традиции, заложенные при первой хозяйке, угощали молоком и молочными продуктами гуляющих по парку петербуржцев, забредавших в эту глухую сторону.

Анализируя исторические планы Павловска, мы обнаруживаем, что не позже 1858 г. территория Фермы, представлявшая собой замкнутую геометрическую фигуру, близкую к прямоугольнику, на большей части своего протяжения получает аллеиную обсадку. В дальнейшем точно такая же аллея изображается на планах Павловска 1866⁵, 1878⁶ и 1897⁷ годов. Наконец, в «Историческом описании» г. Павловска К. К. Грузинского, вышедшем в 1911 г., читаем: «Участок земли Павловской фермы окружает красивая Березовая аллея»⁸.

⁵ План города Павловска, хромолитографированный при Военно-Топографическом отделе Главного штаба, 1866 г. Литографировали чиновники Иванов 1-й и Генрихсен. Топографы Немченко, Григорьев 3-й и Митрофанский.

⁶ План города Павловска, хромолитографированный при Военно-Топографическом отделе Главного штаба, 1878 г. Литографировали чиновники Иванов 1-й и Генрихсен. Топографы Немченко, Григорьев 3-й и Митрофанский.

⁷ План города Павловска, хромолитографированный при Военно-Топографическом отделе Главного штаба, исправлен в 1897 г. Литографировали чиновники Иванов 1-й и Генрихсен. Топографы Немченко, Григорьев 3-й и Митрофанский.

⁸ *Грузинский К. К.* Павловск. Исторический очерк и описание с планом Павловска и его окрестностей. — С.-Петербург, 1911. — С. 54.

Протяженность этой аллеи, высчитанная по современной карте, составляет... ровно 2 версты, что, кстати, совпадает с длиной замкнутой трассы Царскосельского ипподрома. А следовательно, именно здесь 6 августа 1888 г. состоялись упоминаемые мемуаристами состязания в беге на 4 версты, результаты которых нам, к сожалению, неизвестны, потому что по каким-то причинам их нет в сводной таблице.

В настоящее время аллеяная обсада утрачена, территория Фермы застроена, дороги заасфальтированы, часть из них стала улицами поселка Тярлево. Память о начальном участке первой легкоатлетической трассы сохранилась в названии Берёзовой улицы Тярлева, проходившей когда-то как раз по границе Фермы. Именно здесь в настоящее время предлагается установить памятник первым легкоатлетам России.

И это, конечно, справедливо. Именно этот относившийся к замкнутой Берёзовой аллее участок современной Берёзовой улицы, находившийся на самом отшибе Павловского парка и в то же время рядом с деревней Тярлево, которая, напомним, в те годы, кончалась именно здесь, было удобно использовать для пробежек на более короткие дистанции, отраженные в сводных таблицах начиная с 1889 г. Это была безлюдная грунтовая аллея, уходящая в сторону полей и в то же время поддерживаемая в абсолютном порядке садовниками, ухаживавшими за Павловским парком.

Первые русские легкоатлеты

Определив географию первых соревнований, обратимся к людям, которые в них участвовали и которым мы обязаны рождением легкой атлетики в России. Попытаемся выяснить, из какой среды они происходили и как себя проявили в жизни помимо спорта. При этом мы опять сталкиваемся с недостатком в существующей литературе самых элементарных первичных биографических сведений об этих людях. А потому то, что изложено ниже, печатается, можно сказать, впервые. И если фамилии и инициалы первых легкоатлетов сохранились в напечатанных в 1894 г. в журнале «Велосипед» «Таблице постепенного развития всероссийских любительских рекордов в беге» и «Таблице постепенного развития рекордов Петербургского кружка любителей спорта на 1 ноября 1894 г. по бегу, ходьбе, прыжкам в длину (без трамплина), велосипеду, плаванию, конькам и лыжам», то инициалы нам приходится зачастую раскрывать самостоятельно, равно как и определять возраст и опорные биографические данные первых русских спортсменов.

Братья Петр и Константин Москвины

Начнем с отца-основателя — Петра Павловича Москвина. Как гласит запись «города С. Петербурга Андреевского собора в метрической книге за 1871 год под № 134-м»: «У крестьянина Ярославской губернии Любимского уезда деревни Кузминский Павла Игнатъева Москвина и законной жены его Евдокии Игнатъевой от первого их обоих брака родился сын Петр двадцать четвертого июня, а крещен восьмого июля тысяча восемьсот семьдесят первого года, при крещении его восприемниками были: Санкт-Петербургская купчиха вдова Матрена Матвеева Соболева о чем с приложением церковной печати свидетельствуем марта 2 дня 1873 года»⁹.

Дальнейшие сведения о семье Москвина мы находим в «Справочной книге о лицах с.-петербургского купечества...» на 1882 г. среди купцов 2-й гильдии: «Москвин, Павел Игнатъевич, 31 г.<ода>, вер.<оисповедания> правосл.<авного>, получ.<ил> домаш.<нее> образов.<ание>; в куп.<ечестве> с 1880 г.<ода>, пл.<атил> гил.<ьдейскую> пов.<инность> в 1879 г.<оду>. Жит.<ельствует> Вас.<ильевская> ч.<асть> 1 уч.<асток> д. № 39, по наб.<ережной> Б.<ольшой> Невы. Сод.<ержит> винн.<ый> погр.<еб>, там же. При нем жена Евдокия Игнатъевна, сыновья: Петр 10 л. и Константин 5 л.»¹⁰

Отсюда мы узнаем, что младший брат Петра Константин родился около 1876 г. Через три года, в 1885 г., бизнес семьи разросся, выросло и число ее членов: «Москвин, Павел Игнатъевич, 34 л.<ет>, вер.<оисповедания> правосл.<авного>, образов.<ания> домаш.<него>; в куп.<ечестве> с 1880 г.<ода>, пл.<атил> гил.<ьдейскую> пов.<инность> в 1879 г.<оду>. Жит.<ельствует> Вас.<ильевская> ч.<асть> 1 уч.<асток> д. № 3 по 8 лин.<ии>. Сод.<ержит> винн.<ый> погр.<еб> по наб.<ережной> Б.<ольшой> Невы, д. № 39, и там же д. № 35. При нем жена Евдокия Игнатъевна, сыновья: Петр 13 л., Константин 8 л., Геннадий 3 л. и дочь Ольга»¹¹.

⁹ ЦГИА. Ф. 479. Оп. 19. Д. 1527. Об удочерении Санкт-Петербургским мещанином Петром Москвиным вн.<ебрачной> Софии по кр.<ещению> Васильева. Л. 3.

¹⁰ Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и др. званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1881 г. по 1 февраля 1882 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1882 г. — СПб.: типография Н. А. Лебедева, 1882. — С. 419.

¹¹ Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и др. званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1884 г. по 1 февраля 1885 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1885 г. — СПб.: типография Н. А. Лебедева, 1885. — С. 381.

Однако в 1887 г. владельцем бизнеса значится: «Москвина, Евдокия Игнатъевна, 36 л.<ет>, вер.<оисповедания> правосл.<авного>; в куп.<ечестве> с 1880 по 1886 г.<од> при муже. Жит.<ельству-ет> Вас.<ильевская> ч.<асть> 1 уч.<асток> д. № 3 по 8 лин.<ии>. Сод.<ержит> винн.<ые> погр.<еба> там же, дд. № 35 и 39, по наб.<ерезной> Б.<ольшой> Невы. При ней сыновья: Петр 15 л., Константин 10 л., Геннадий 5 л. и дочь Ольга, Павловичи»¹².

Петр Павлович Москвин (1871–1948)

А в «Справочной книге» на 1890 г. сведения о Москвиных отсутствуют вовсе.

Отметим, что упомянутый в «Справочных книгах» Константин Павлович Москвин, родившийся около 1876 г., вместе со старшим

¹² Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1886 г. по 1 февраля 1887 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1887 г. — СПб.: типография Н. А. Лебедева, 1887. — С. 402.

братом также называется среди первых членов «Кружка любителей бега» — например, в расширенной справке О. Бушмана и в «Таблице постепенного развития рекордов».

Алексей Павлович Лебедев

Как справедливо пишет Ю. Ф. Коршак, в 1896 г. при официальной регистрации Санкт-Петербургского кружка любителей спорта его новым председателем стал Алексей Павлович Лебедев, юрист по образованию. Новый руководящий состав кружка отражен в списке, приводимом Ю. П. Лукосяком в книге «Футбол. Первые шаги».

Алексей Петрович Лебедев (1863–1923)

Алексей Павлович Лебедев влился в состав кружка в 1895–1896 гг., между Паниным-Коломенкиным и Г. А. Дюперроном, однако в «Таблице постепенного развития рекордов» на соревнованиях в беге с 1891 г. присутствует любитель А. Лебедев, побеждавший в соревнованиях на Петровском острове, весьма вероятно, что это один и тот же человек.

До недавнего времени никаких биографических сведений об А. П. Лебедеве в известной нам литературе не приводилось. А ведь это был, можно сказать, «дедушка русских фигуристов», рекордсмен мира на конькобежной дистанции 3000 м (1898), побеждавший на международных соревнованиях с 1883 г. Несмотря на это, в «Википедии» отсутствуют даже даты его рождения и смерти.

Попробуем отчасти восполнить этот пробел.

Алексей Павлович Лебедев родился 2 сентября 1863 г. в городе Астрахани в семье чиновника Павла Михайловича Лебедева, назначенного с 1868 г. кассиром Тифлисского губернского казначейства. В 1875 г. Павел Михайлович — секретарь при начальнике Кутаисского карантинно-таможенного округа, в 1881 г. — чиновник особых поручений в канцелярии при управляющем Карантинно-таможенной частью Главного управления Кавказа.

В 1882 г. Алексей Павлович Лебедев поступает на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, который заканчивает в 1887 г.¹³ Забегая вперед, отметим, что в 1917 г. присяжный поверенный и присяжный стряпчий Алексей Павлович Лебедев проживал в Петрограде по адресу: Лиговская ул, д. 9, служил помощником юрисконсульского общества Владикавказской и Китайско-Восточной железной дороги¹⁴.

Судьба А. П. Лебедева после 1917 г. нам, к сожалению, неизвестна. Только совсем недавно было установлено, что в последние годы жизни Алексей Павлович сильно болел и в 1923 г. скоропостижно скончался¹⁵.

Дальнейшая судьба братьев Москвиных

Однако вернемся к братьям Петру и Константину Москвиным. В 1901 г. оба они продолжали проживать по старому адресу: Васильевский остров, 8 линия, д. 3–9, и оба работали в Русском Торгово-Промышленном коммерческом банке в Санкт-Петербурге¹⁶.

¹³ Начальный период биографии А. П. Лебедева изложен по материалам ЦГИА. Ф. 14. Императорский Санкт-Петербургский университет. Оп. 3. Д. 22543. Лебедев Алексей Павлович. 1882–1887.

¹⁴ Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. — [СПб.]: издание т-ва А. С. Суворина — «Новое время», [1917].

¹⁵ Селезнев В. Российская легкая атлетика. Начало (1888–1923). — Москва, 2018. — С. 14.

¹⁶ Весь Петербург на 1901 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1901].

Но если Константин Павлович оставался в Петербурге по крайней мере до 1917 г., то Петр Павлович не сидел на месте и уже в 1901 г. уезжает из Петербурга на Дальний Восток, где в 1909 г. возглавляет Благовещенское отделение Русско-Китайского банка. Любопытно, что Г. А. Дюперрон освещает отъезд П. П. Москвина в Сретенск с большой симпатией, и из этого репортажа мы узнаём новые черты биографии и характера выдающегося спортивного организатора.

Именно в Благовещенске Петр Павлович Москвин начинает создавать семью. Причем происходит это несколько необычным образом, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы. Например, такая подписка, отправленная в С.-Петербургскую мещанскую управу: *«Город Благовещенск. 1907 года августа 23 дня. Я, нижеподписавшаяся мещанская девица гор. Казани Евлампия Александровна Александрова даю сию подписку Петру Павловичу Москвину в том, что изъявляю свое полное согласие на удочерение дочери моей Софьи, родившейся 2-го сентября 1906 года. С момента подписания сей подписки лишаюсь всяких прав на нее, и ни в коем случае не могу отобрать ее от г. Москвина»*¹⁷.

А 13 января 1908 г. Петр Павлович Москвин обвенчался с дочерью благовещенского купца Нефёда Емельяновича Кондрашева Евдокией Нефёдовною Кондрашевой. Таинство венчания состоялось в тюремной Градо-Благовещенской Петропавловской церкви¹⁸. При этом, так как дело об усыновлении дочери не было еще завершено, новая супруга также была вынуждена давать на это согласие: *«Я нижеподписавшаяся, жена Санкт-Петербургского мещанина Петра Павловича Москвина — Евдокия Нефёдьевна Москвина даю сию подписку в том, что на усыновление мужем моим дочери Казанской мещанки Евлампии Александровны Александровой Софии изъявляю полное свое согласие. Благовещенск. Июля 25-го дня <1908 года>»*¹⁹.

В июне 1916 г. Петр Павлович Москвин проживал в городе Скобелеве (совр. Фергана, на востоке Узбекистана)²⁰, где временно находился Русско-Азиатский банк, образованный в 1910 г. путем слияния находящихся под контролем французских акционеров Русско-Китайского и Северного банков.

Понятно, что после революции 1917 г. на карьере банкира можно было смело поставить крест, да и вообще подобное прошлое нуждалось

¹⁷ ЦГИА. Ф. 479. Оп. 19. Д. 1527. Об удочерении Санкт-Петербургским мещанином Петром Москвиным вн.<ебрачной> Софии по кр.<ещению> Васильева. Л. 4.

¹⁸ Там же, л. 3.

¹⁹ Там же, л. 5.

²⁰ Там же, л. 12, 21 об.

в забвении, чтобы его обладателю не стать жертвой репрессий. Зато навыки спортивного организатора оказались как нельзя более кстати. Как гласит статья в «Википедии»: *«После революции 1917 года Москвин воссоздавал легкую атлетику в Советской России: он организовал и возглавил в Ленинграде Секцию [Федерацию] легкой атлетики, разработал основы правил соревнований и судейства, был одним из организаторов регулярных чемпионатов страны по легкой атлетике. Преподавал в Ленинградском институте физической культуры имени П. Ф. Лесгафта, работал в Спорткомитете Ленинграда.*

Пётр Москвин погиб во время Ашхабадского землетрясения 1948 года».

Братья Николай и Тихон Лесниковы

Следующими после братьев Москвиных О. Бушман в «Истории легкой атлетики» называет братьев Лесниковых. Действительно, в «Таблице постепенного развития рекордов» присутствует Н. А. Лесников (победитель на дистанции 107 1/7 сажени 26 сентября 1890 г.), кроме того, в списке выборных руководящих органов Санкт-Петербургского кружка любителей спорта на 1897–1898 гг. присутствуют член комитета Н. А. Лесников и член ревизионной комиссии Т. А. Лесников.

В «Справочной книге о лицах с.-петербургского купечества» на 1887 г. в разделе «купцы 2-й гильдии» находим сведения об их семье: *«Лесников, Александр Тихонович, 59 л.<ет>, личн.<ый> поч.<етный> гр.<аждаин>, вер.<оисповедания> правосл.<авного>, получ.<ил> образов.<ание> в С<анкт->п<етер>б.<ургском> Коммерч.<еском> учил.<ище>; в куп.<ечестве> с 1873 г.<ода>. Род преб.<ывает> в купечестве> с 1820 г.<ода>. Жит.<ельствует> Сп.<асская> ч.<асть> 1 уч.<асток> д.<ом> № 7–8, по Фонт.<анке>. Торг.<ует> сукн.<ами> в Гост.<ином> дв.<оре> № 54, под фирмою: “А. Т. Лесников”. Сост.<оит> выборн.<ым> купеч.<еского> сосл.<овия> с 1881 г.<ода>. При нем жена Елизавета Николаевна, сыновья Тихон 24 л.<ет>, Николай 13 л.<ет>, дочери София и Екатерина»²¹.*

Таким образом, мы можем назвать по именам еще двух участников первых легкоатлетических соревнований, состоявшихся в Павловском парке летом 1888 г., — братьев Тихона и Николая Лесниковых.

²¹ Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1886 г. по 1 февраля 1887 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1887 г. — СПб.: типография Н. А. Лебедева, 1887. — С. 363.

Достоверно известно, что старшие Москвины и Лесниковы дружили семьями. В 1887 г. в метрической книге Придворной Мариинской города Павловска церкви в записи от 29 августа о присоединении к православной вере лютеранской девицы Елены Михайловны Ивановой восприемниками выступали «почетный гражданин Александр Тихонов Лесников и Санкт-Петербургская 2-й гильдии купчиха Евдокия Игнатьева Москвина»²². Нет ничего удивительного, что в 1888 г. эти семьи снимали соседние дачи в Тярлеве, а их мальчишки бегали вместе.

Известно также, что Николай Александрович Лесников в 1884–1893 гг. учился в Петровском училище Петроградского купеческого общества²³.

В 1902 г. семья Лесниковых упоминается в «Справочной книге С.-Петербургской купеческой управы» практически в том же составе, отсутствует только дочь Екатерина, очевидно, вышедшая замуж²⁴. В 1907 г. по адресной и справочной книге «Весь Петербург» Александр Тихонович Лесников продолжал числиться купцом, проживая по адресу: Троицкая, 30²⁵. Вместе с ним указан проживающим его сын Тихон Александрович, очевидно, продолжавший работать в отцовском бизнесе²⁶. Дальнейшая судьба Тихона и Николая нам, к сожалению, неизвестна. По-видимому, они в самом деле отходят от спорта.

Николай Николаевич Эрниц

Правоммерно поставить вопрос: а сколько вообще спортсменов организовали летом 1888 г. Тярлевский кружок любителей бега. М. Соколовский, просматривавший в конце 1980-х годов ныне неизвестно где находящиеся документы в архиве института П. Ф. Лесгафта, утверждает, что их было 12.

²² ЦГИА. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1088. Метрическая книга, данная из Канцелярии заведывающего придворным духовенством в Придворную Мариинскую города Павловска церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1887 и 1888 год (1887–1889). Л. 24 об., 25.

²³ ЦГИА СПб. Фонд 320. Петровское училище Петроградского купеческого общества. Оп. 1. Д. 2566. Лесников Николай.

²⁴ Справочная книга С.-Петербургской купеческой управы 1902 г. — СПб., 1902. — С. 363.

²⁵ Весь Петербург на 1907 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1907].

²⁶ Там же.

Четырех мы уже знаем. Пятым вполне справедливо считать упоминаемого О. Бушманом Н. Эрница, присутствующего как Н. Н. Эрниц в «Таблице постепенного развития рекордов». Это тот самый Эрниц, который выиграл первые международные соревнования по бегу в 1890 г.

В «Адресных книгах С.-Петербурга» на 1897–1901 г. обнаруживается проживающий по адресу Мойка, 11 домашний учитель Николай Иванович Эрниц²⁷, в 1901–1909 гг. по этому же адресу проживают Николай Николаевич Эрниц и его супруга Екатерина Карловна Эрниц²⁸, а с 1905 г. в дополнение к ним появляются Александр Николаевич и Матильда Луиза Николаевна Эрниц, очевидно, брат и сестра Николая Николаевича. Логично предположить, что Николай Иванович Эрниц является отцом Александра, Матильды и Николая.

С 1911 г. все эти лица проживают по новому адресу: Васильевский остров, 1-я линия, 18²⁹, за исключением Александра Николаевича Эрница, проживавшего в соседнем доме под № 20, служащего в гимназии и реальном училище А. Х. Юргенсона, а позднее одновременно в 12-й петроградской гимназии.

²⁷ Адресная книга города С.-Петербурга на 1897 г. / Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. — СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1897.; Адресная книга города С.-Петербурга на 1898 г. / Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. — СПб., 1897; Весь Петербург на 1898 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1898]; Адресная книга города С.-Петербурга на 1900 г. / Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. — СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1899; Адресная книга города С.-Петербурга на 1901 г. / Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. — СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1901.

²⁸ Весь Петербург на 1901 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1901]; Весь Петербург на 1902 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1902]; Весь Петербург на 1903 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1903]; Весь Петербург на 1904 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1904]; Весь Петербург на 1905 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1905]; Весь Петербург на 1906 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1906]; Весь Петербург на 1907 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1907]; Весь Петербург на 1908 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1908]; Весь Петербург на 1909 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1909].

²⁹ Весь Петербург на 1911 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1911].

Однако в 1917 г. Николай Николаевич Эрниц в адресной книге почему-то не указан³⁰, возможно, по причине того, что он оказался на армейской службе. Дальнейшая судьба его и его супруги остается неизвестной, тогда как жившая с ними сестра Матильда Николаевна Эрниц, 1866 г. рождения, умерла в блокаду в апреле 1942 г. (последний адрес: Васильевский остров, 1-я линия, д. 36, кв. 32) и похоронена на Пискаревском кладбище³¹.

Братья Михаил и Леонид Сербилятьевы

Шестым «тярлевским» спортсменом О. Бушман называет М. Сербилятьева, М. Соколовский уточняет, что Сербилятьевых в первом списке из 12 человек было два брата — Михаил и Леонид, в будущем доктор. По адресным книгам С.-Петербурга можно выявить трех братьев — Александра, Леонида и Михаила Ивановичей Сербилятьевых, последний из которых, очевидно, и есть наш М. Сербилятьев. Леонид Иванович, впоследствии врач мужской Обуховской больницы, имевший также частную практику, в 1910-е годы проживал в Тярлеве на даче, а в 1920-е годы работал врачом в Детском Селе.

Во время Первой мировой войны Леонид (1879–?) и Михаил (1874–?) оказались в армии, в 1919 г. Михаил был в войсках Юденича, однако впоследствии вернулся в Советскую Россию. В 1923 г. находился на особом учете в Петроградском военном округе. Дальнейшая судьба Леонида и Михаила, к сожалению, неизвестна.

А. П. Михайлов и А. М. Соколов

Восьмым членом кружка О. Бушман называет А. Михайлова. Это, несомненно, А. П. Михайлов из «Таблицы постепенного развития рекордов». Девятым, скорее всего, является А. М. Соколов из той же «Таблицы постепенного развития рекордов». К сожалению, раскрыть инициалы Михайлова и Соколова, равно как определить имена еще трех первых участников кружка в настоящее время не представляется возможным.

³⁰ Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. — [СПб.]: издание т-ва А. С. Суворина — «Новое время», [1917].

³¹ Эрниц Матильда Николаевна // Возвращенные имена. Книга Памяти России [Электронный ресурс]. URL: <http://visz.nlr.ru/blockade/book/28/1700> (дата обращения: 01.11.2020 г.).

Георгий Юлиевич Явейн

В заключении данной статьи обратим внимания еще на одну интересную фигуру, чье участие в Санкт-Петербургском кружке любителей спорта фиксируется с 1893 г. в «Таблице постепенного развития рекордов», а достижения относятся к спортивной ходьбе. Это Георгий Юлиевич Явейн (1863–1920), врач-эпидемиолог, профессор, заведующий отделением Императорского клинического института Великой княгини Елены Павловны (ныне СПбМАПО). Среди его опубликованных медицинских работ значатся лекции, относящиеся к спорту: «Польза и вред велосипедной езды» (1895) и «Как сохранить молодость» (1899).

Сын Георгия Юльевича Игорь Георгиевич Явейн (1903–1980) — известный советский архитектор, внуки — Олег (1948 г. р.) и Никита (1954 г. р.) — также известные архитекторы.

Заключение

Для чего нам нужно обращаться к этим давно и прочно забытым страницам отечественной истории? Поставим вопрос по-другому: что общего между спортом того времени и нынешним?

За «время кружков», как можно назвать период 1870–1917 гг., произошло организационное формирование не только легкой атлетики, но и других хорошо знакомых нам сегодня видов спорта — футбола, хоккея, фигурного катания, лыжного спорта, тяжелой атлетики и др. И происходило это формирование по инициативе снизу — государство сопротивлялось подобным инициативам, отторгало их, приходилось вести юридическую борьбу за признание.

Второй важной особенностью спортсменов эпохи кружков был их «непрофессионализм» — все они работали на основной работе (в банке, в отцовской лавке, в коммерческой структуре...), что давало им средства платить взносы, позволявшие оплачивать юридические услуги, строительство минимальных спортивных сооружений (футбольных полей, велодорожек и т. п.) — не все же бегать укрادкой по дорожкам парков, где гуляют люди.

Выход в такой ситуации был только один — и им не преминули воспользоваться — включать в почетные члены кружков представителей знати, искать богатых спонсоров. Кончилось это плохо. Когда спортивное движение России созрело до организованного участия в Олимпиаде (это был Стокгольм 1912 г.), российская делегация, составленная под давлением «почетных» членов, с треском провалилась!

Именно поэтому отцы-основатели — П. П. Москвин, Г. А. Дюперрон, Н. А. Панин-Коломенкин — и другие с энтузиазмом вписались в выдвинутые советской властью программы массового спорта — Всевобуча, ГТО, спортивное обучение в высших учебных заведениях — и стали их активными участниками. По всей стране строились за счет государства спортивные сооружения, позволявшие миллионам подростков воспитывать в себе лучшие спортивные качества. Именно это бескорыстное физическое воспитание в сочетании с привитием высоких нравственных идеалов внесло неизмеримый вклад в победу советского народа в Великой Отечественной войне.

Сейчас все, увы, не так. Спорт стал зрелищем, средством наживы, пиара и самопиара. Он больше не имеет ничего общего ни со спортом эпохи кружков, ни с массовым советским спортом. Сегодня строятся не спортивные сооружения для масс, а дворцы для шоу, где зарабатывают миллионы и спортсмены и их продюсеры. И если раньше спортом занимались не ради рекордов, а прежде всего ради здорового досуга и гармоничного развития личности, совмещая занятия той же легкой атлетикой с основной общественно-полезной работой, то сегодняшний профессиональный спорт отжимает и выбрасывает на свалку своих покалеченных адептов. Ведь главное — результат, зрелище, а какой ценой это достигается — украденным детством, переломанными костями, здоровьем, испорченным «лучшими достижениями» химической промышленности развитых стран — не имеет значения.

Именно поэтому стоит внимательно присмотреться к истокам, к тому времени, когда лозунгом было «главное не победа, а участие», что, как ни парадоксально, и привело нас к Великой Победе, 75-летие которой мы праздновали в этом году.

Источники

Адресная книга города С.-Петербурга на 1897 г. / Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. — СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1897

Адресная книга города С.-Петербурга на 1898 г. / Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. — СПб., 1897.

Адресная книга города С.-Петербурга на 1900 г. / Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. — СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1899.

Адресная книга города С.-Петербурга на 1901 г. / Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. — СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1901.

Болотников П. Г. Последний круг. — М.: Молодая гвардия, 1975.

Бушман О. Ю. Тярлевский кружок // Неделя. — 1968. — № 17.

Бушман О. Ю. История легкой атлетики в Петербурге и Петрограде (Обзор развития легкой атлетики в нашем городе до революции): Машинопись. 1970-е годы. Из собрания Ю. П. Лукосяка.

Весь Петербург на 1898 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1898].

Весь Петербург на 1901 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1901].

Весь Петербург на 1902 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1902].

Весь Петербург на 1903 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1903].

Весь Петербург на 1904 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1904].

Весь Петербург на 1905 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1905].

Весь Петербург на 1906 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1906].

Весь Петербург на 1907 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1907].

Весь Петербург на 1908 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1908].

Весь Петербург на 1909 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1909].

Весь Петербург на 1911 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А. С. Суворина, [1911].

Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. — [СПб.]: издание т-ва А. С. Суворина — «Новое время», [1917].

Грузинский К. К. Павловск. Исторический очерк и описание с планом Павловска и его окрестностей. — СПб., 1911.

Дюперрон Г. А. Краткий курс истории физических упражнений. — Л., 1924.

Коршак Ю. Ф. Старый, старый футбол. — М.: Физкультура и спорт, 1975.

Лукосяк Ю. П. Футбол. Первые шаги. — 1998.

Панин-Коломенкин Н. А. Страницы из прошлого. — М.: Физкультура и спорт, 1951. — Т. 1.

План города Павловска, хромолитографированный при Военно-Топографическом отделе Главного штаба. 1866. Литографировали чиновники Иванов 1-й и Генрихсен. Топографы Немченко, Григорьев 3-й и Митрофанский.

План города Павловска, хромофотографированный при Военно-Топографическом отделе Главного штаба. 1878. Литографировали чиновники Иванов 1-й и Генрихсен. Топографы Немченко, Григорьев 3-й и Митрофанский.

План города Павловска, хромофотографированный при Военно-Топографическом отделе Главного штаба. Исправлен в 1897 году. Литографировали чиновники Иванов 1-й и Генрихсен. Топографы Немченко, Григорьев 3-й и Митрофанский.

С.-Петербургский кружок любителей спорта. Лучшие результаты, достигнутые в соревнованиях кружка за время с 18 апреля по 19 октября 1894 года // Журнал «Велосипед». — 1894. — № 141.

Селезнев В. Российская легкая атлетика. Начало (1888–1923). — М., 2018.

Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и др. званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1881 г. по 1 февраля 1882 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1882 г. — СПб.: типография Н. А. Лебедева, 1882.

Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и др. званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1884 г. по 1 февраля 1885 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1885 г. — СПб.: типография Н. А. Лебедева, 1885.

Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1886 г. по 1 февраля 1887 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1887 г. — СПб.: типография Н. А. Лебедева, 1887.

Справочная книга С.-Петербургской купеческой управы 1902 г. — СПб., 1902.

Таблица постепенного развития рекордов в состязаниях С.-Петербургского кружка любителей спорта по 1 ноября 1894 г. // Журнал «Велосипед». — 1894. — № 141.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22543. Лебедев Алексей Павлович. 1882–1887.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1088. Метрическая книга, данная из Канцелярии заведывающего придворным духовенством в Придворную Марииинскую города Павловска церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1887 и 1888 год (1887–1889).

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 320. Петровское училище Петроградского купеческого общества. Оп. 1. Д. 2566. Лесников Николай.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 479. Оп. 19. Д. 1527. Об удочерении Санкт-Петербургским мещанином Петром Москвиным вн.<ебренной> Софии по кр.<ещению> Васильева.

Выжевский Сергей Викторович,
сотрудник Музея истории города Павловска.

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2020
Выпуск 13/14

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редколлегии: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, к. 526.
Тел.: +7 (812) 316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *И. Ю. Карпова*
Дизайн обложки *Т. Б. Тиунова*
Оригинал-макет *Л. А. Брисовская, Е. О. Пучков, Л. А. Харитонов,*

Подписано в печать 20.11.2020. Формат 60×84^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,8. Тираж 300 экз.
Заказ № 295.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru

Для заметок
